

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2024

3

ТЕМА НОМЕРА

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2024

Сетевое издание

Вып. 3

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:*Д. Г. Смирнов*, д-р филос. наук*(главный редактор)**(Россия, Иваново)**М. В. Жульков*, канд. филос. наук*(ответственный секретарь)**(Россия, Иваново)**М. А. Меликян*, канд. филос. наук*(технический секретарь)**(Россия, Иваново)**Г. П. Аксенов*, канд. геогр. наук*(Россия, Москва)**П. А. Белоусов*, канд. филос. наук*(Россия, Владимир)**А. Г. Гачева*, д-р филос. наук*(Россия, Москва)**Н. Н. Лелина*, д-р культурологии*(Россия, Ярославль)**Т. Н. Соснина*, д-р филос. наук*(Россия, Самара)***Редсовет:***О. А. Базалук*, д-р филос. наук*(Украина, Киев)**А. В. Брагин*, д-р филос. наук*(Россия, Иваново)**О. А. Габриелян*, д-р филос. наук*(Россия, Симферополь)**В. А. Грачев*, д-р техн. наук*(Россия, Москва)**Т. С. Злотникова*, д-р искусствоведения*(Россия, Ярославль)**Н. Н. Кожевников*, д-р филос. наук*(Россия, Якутск)**Сильвия Минева*, д-р филос. наук*(Болгария, София)**В. В. Мантатов*, д-р филос. наук*(Россия, Улан-Удэ)**Зоран Милошевич*, д-р полит. наук*(Сербия, Белград)**С. В. Орлов*, д-р филос. наук*(Россия, Санкт-Петербург)**Г. С. Смирнов*, д-р филос. наук*(Россия, Иваново)**В. С. Фунтусов*, канд. филос. наук*(Россия, Владивосток)***Адрес редакции:**

153025 Ивановская обл., г. Иваново,

ул. Тимирязева, 5, к. 209

Тел. (4932) 30-02-16

E-mail: pocnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна

на сайтах: <http://glonoos.com>www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru<https://cyberleninka.ru>**СОДЕРЖАНИЕ****РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

«Ноосферный язык» описания сознания 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ*Гумницкий Г. Н.* Нравственный поступок и его оценка [часть I] 5**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ***Волкова В. О., Волков И. Е.* Метафоризация как способ понимания сознания 18**ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ***Герасимов Г. И.* Сознание как проблема истории: идеалистический подход 27**НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ***Данилова В. С., Кожевников Н. Н.* Социоприродные «хартленды» и государства-лидеры цивилизационного развития в контексте космопланетаризма 34**СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА***Крохина Н. П.* Трансформации сознания (ноосферный человек) в отражениях литературы XX—XXI веков 41**НООСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ***Мишук С. С.* Проблемы обеспечения когнитивной безопасности личности в социально-информационном пространстве 48*Ухов А. Е.* Символы и знаки опасности с Востока
В. С. Соловьева: геополитический аспект 57**ТОЧКА ЗРЕНИЯ***Булычёв И. И.* О фундаментальных константах языка и мышления 69**ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ***Тимошук А. С., Тимошук Е. А.* Культур-антропологическое значение феноменологии 79**NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ****ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА***Петев Н. И.* Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» как когнитивно-языковые единицы, формирующие современное мышление 89*Баринов С. Н., Баринова М. О.* Некоторые концептуальные аспекты языка биологии 99**Информация для авторов** 106

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) as an online edition
Registration certificate ЭЛ № ФЦ77-78954 of August 07, 2020

2024

Online edition

Vol. 3

Founder Ivanovo State University

Editorial Board:

D. G. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhul'kov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

O. A. Bazaluk, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Ukraine, Kiev)

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)

M. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politics)
(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5, of. 209
Phone. (4932) 30-02-16

E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:
<http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

CONTENT**EDITORIAL COLUMN**

"Noospheric language" of description of consciousness 3

REGIONAL ARCHIVE

Gumnitsky G. N. Moral act and its evaluation [part I] 5

QUESTIONS OF THEORY AND METHODOLOGY

Volkova V. O., Volkov I. E. Metaphorization as a way to understanding consciousness 18

PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Gerasimov G. I. Consciousness as a problem of history: an idealistic approach 27

NOOSPHERIC HISTORY

Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. Socio-natural "heartlands" and states-leaders of civilizational development in the context of cosmoplanetarism 34

MODERN HUMANITARIANISM

Krokhina N. P. Transformations of consciousness (noospheric human) in the reflections of the literature of the XX—XXI centuries 41

NOOSPHERIC SAFETY

Mishuk S. S. Problems of ensuring cognitive security of the individual in the social and information space 48

Ukhov A. E. Symbols and signs of danger from the East by Vladimir Solovy'ov: geopolitical aspect 57

POINT OF VIEW

Bulychev I. I. On the fundamental constants of language and thinking 69

PHILOSOPHICAL ESSAY: OPEN TEXT

Timoshchuk A. S., Timoshchuk E. A. Cultural-anthropological significance of phenomenology 79

NOUS: JOURNAL IN JOURNAL**APPLIED PHILOSOPHY OF LANGUAGE**

Petev N. I. The prefixes "post-", "trans-" and "anti-" as cognitive-linguistic units that shape modern thinking 89

Barinov S. N., Barinova M. O. Some conceptual aspects of the language of biology 99

Information for the authors 106

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«НООСФЕРНЫЙ ЯЗЫК» ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

Глобальное сознание человека XXI века оперирует множеством языков. Уже в силу этого факта монистическая парадигма в контексте языка описания сознания не работает. «Учитывая особенности языковой интерпретации принципа дополнительности И. Р. Пригожиным, следовало бы сказать, что множественность языков познания обеспечивает постижение космопланетарности человеческого бытия» [Смирнов Г., Смирнов Д., 2017: 6].

Ноосферность (системообразующее свойство) языка задается тем, что «сначала язык озвучивает сознание для близкого круга, но в конечном итоге в форме письменности делает его видимым для многих, в пределе для всего человечества, для вечности» [Смирнов, 2017: 98]. «Разум озвучивает сознание» — лишь на первый взгляд простая мысль. Дело в том, что это самое озвучивание подчиняется своей, подчас странной (антиномичной) логике. Разум может озвучивать индивидуальное (собственное) сознание, а может извлекать смыслы из сознания общественного. Он может выбрать определённый способ выражения — мифологический, религиозный, философский, научный, художественный, равно как и специальный язык — строгий математический или, например, метафорический, свойственный философии и искусству (в частности, литературе). Разум может говорить, что думает сознание, иногда, при этом, не думая, что он говорит.

В силу этого «включение» философской конференции «Языки описания сознания: логос, этос, эстетизис» в международный симпозиум «Современная филологическая наука: достижения и инновации», проходивший на базе Ивановского государственного университета 23—25 мая 2024 года, можно считать закономерным. Думается, что главной проблемой «науки языка» является необходимость описания «цветущей сложности» бытия. Именно эту задачу философия, руководствующаяся принципом «удовольствия (мыслить иначе)», ставит перед филологической наукой. Именно с решением этой проблемы, как представляется, связаны ее реальные достижения и инновации. Следует принять в этом контексте тезис о том, что «чем сложнее язык, чем выше его лингвистическая сложность, тем ближе он к передаче свойств целостности, к представлению и описанию сложных процессов» [Татур, 2013: 183].

Задаваемая множественностью языков лингвистическая сложность, или, по выражению И. В. Дмитриевской, коммуникативное пространство ноосферы представляет собой систему обмена информацией «с целью получения нового знания или замены неопределенности ... определенностью» [Дмитриевская, 2010: 15]. Именно такую цель преследовали организаторы конференции, пригласив к диалогу специалистов, представлявших практически весь спектр социогуманитарного (и не только) знания. С этой точки зрения концепт «ноосферный язык», понятый в предельно широком смысле, отсылает к целостному живому пространству научной мысли как планетного явления» [Смирнов Г., Смирнов Д., 2017: 13].

Статьи текущего номера журнала знакомят читателей с наиболее интересными докладами конференции «Языки описания сознания: логос, этос, эстетизис», которая приурочена к 100-летию юбилею со дня рождения профессора Григория Николаевича Гумницкого.

Гумницкий Григорий Николаевич (06.03.1924—11.11.2017) — российский философ, специалист в области этики; доктор философских наук, профессор. В период с 1961 год по 1992 год работал в Ивановском государственном педагогическом институте, затем, с 1974 года, в Ивановском государственном университете на кафедре философии, которую возглавлял (в статусе исполняющего обязанности) в 1980—1985 годах. Г. Н. Гумницкий обосновал положение о системообразующем значении основного вопроса философии в системе философского знания. Он понимает философию как учение о всеобщих отношениях человека к миру, а о мире как объекте этих отношений. Ему принадлежит идея основного морального отношения: *отношения личности к общему благу как к первичной, к личному благу как к конечной целям и к их единству как к высшей цели*. Последнее выступает в качестве основного морального закона, на базе которого автор строит собственную концепцию морали.

В двух последних номерах текущего года редколлегия публикует его брошюру «Нравственный поступок и его оценка», вышедшую в 1978 году в издательстве всесоюзного общества «Знание». Нравственные вопросы, которые понимает профессор Г. Н. Гумницкий на страницах своей работы, приобретают особую актуальность в условиях мировоззренческой и человеческой революции первой четверти XXI века.

Библиографический список / References

- Дмитревская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 9—25.
- (Dmitrevskaya I. V. Communicative space of the noosphere, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 9—25. — In Russ.)
- Татур В. Ю. Вернадскианская революция в лингвистике, или Язык как выражение Целого и как способ организации Единого // Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России / под ред. А. И. Субетто, В. А. Шамахова. СПб.: Астерион, 2013. С. 168—187.
- (Tatur V. Yu. Vernadskyan revolution in linguistics, or language as an expression of the whole and as a way of organizing the one, in Subetto A. I. (ed.) *Vernadskyan revolution in the scientific and educational space of Russia*, St. Petersburg, 2013, pp. 168—187. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Философия языка: парадигмальная транзитивность в творчестве А. Н. Портнова // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 98—105.
- (Smirnov G. S. Philosophy of language: paradigmatic transitivity in the works of A. N. Portnov, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 98—105. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 5—14.
- (Smirnov G. S., Smirnov D. G. In search of the noospheric language: actualization and problematization of global consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2017, no. 2, pp. 5—14. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 177

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.5-17

Г. Н. Гумницкий

НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК И ЕГО ОЦЕНКА [ЧАСТЬ I]¹

Аннотация. В фокусе внимания автора — поведение, поступок, моральная оценка — феномены, которые находятся в центре внимания этики как философской науки. Автор анализирует природу и содержание поступка, структуру моральной оценки, ее социальные функции и значение для решения задач нравственного воспитания, обосновывает специфику моральной ценности поступка и его результата. Автор опровергает точку зрения, согласно которой оценка поступка есть результат «сложения» оценки действия и оценки мотива. Действие уже включает влияние мотива и имеет два аспекта: внешнюю значимость и внутреннюю, психологическую обусловленность, которая зависит не только от морального побуждения, но и от других субъективных факторов. Моральное содержание действия — следствие этического потенциала личности, моральная оценка — выражение последнего.

Ключевые слова: поведение, поступок, деятельность, действие, мораль, нравственность, моральное отношение

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть I] // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

MORAL ACT AND ITS EVALUATION [PART I]

Abstract. The author focuses on behavior, action, moral assessment — phenomena that are in the center of attention of ethics as a philosophical science. The author analyzes the nature and content of the action, the structure of moral assessment, its social functions and significance for solving the problems of moral education, substantiates the specificity of the moral value of the action and its result. The author refutes the point of view according to which the assessment of the action is the result of the "addition" of the assessment of the action and the assessment of the motive. The action already includes the influence of the motive and has two aspects: external significance and internal, psychological conditioning, which depends not only on the moral impulse, but also on other subjective factors. The moral content of the action is a consequence of the ethical potential of the individual, the moral assessment is an expression of the latter.

Keywords: behavior, deed, activity, action, morality, ethics, moral attitude (relation)

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2024) Moral act and its evaluation [part I], *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 5—17.

© Гумницкий Г. Н., 1978

¹ Текст приводится по изданию: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка. М.: Знание, 1978. 64 с.

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 5—17 •

Проблема предмета моральной оценки

К настоящему времени выявились три точки зрения по вопросу о том, в чем состоит предмет моральной оценки. Вопрос обычно ставится в следующей форме: какой момент поступка — мотив или результат — имеет определяющее значение для его оценки?

Прежде всего отметим выдвинутое Иммануилом Кантом понимание, согласно которому поступок следует оценивать по его мотиву. При таком понимании результаты поведения людей, по существу, оказываются безразличными. Если оценка всецело зависит от мотива, то учет результата лишается всякого смысла, хотя безотносительно к результату поступок нельзя рассматривать и оценивать: ведь он совершается именно ради результата. Между тем бывает и так, что положительный моральный мотив не приводит к положительному результату. Известно изречение «благими намерениями вымощена дорога в ад». В нем выражена мысль, что результаты благих намерений могут быть отнюдь не благими. Моральный мотив выражается в соответствующем намерении, то есть решении сделать доброе дело, но, скажем, какой-нибудь сильный соблазн или серьезное внешнее препятствие могут привести к тому, что человек или воздержится от выполнения намерения, или даже совершит плохой поступок, принесет зло. Вряд ли разумно в этом случае оценивать поступок морально положительно.

В качестве реакции на такое понимание поступка и его оценки возникло прямо противоположное: ценность поступка определяется его результатом. Сторонники такой концепции рассуждают следующим образом. Мотивы сами по себе не полезны и не вредны для общества. Важны результаты, поэтому сфера морали — это, по существу, сфера реальных действий и их результатов, она определяется прежде всего объективной полезностью поведения людей для общества. С этой точки зрения морально то, что полезно для общества, моральное сводится к общественно полезному. Если рабочий выполняет норму, дает нужную обществу продукцию, то его поведение должно быть оценено как моральное, хотя бы у него были только личные материальные побуждения. При этом иногда ссылаются на то, что было бы неправильно считать такое поведение неморальным. Что касается мотивов, то их предлагают учитывать для определения — относительной моральной ценности поступков. Но более последовательно с этих позиций вообще отказаться от учета мотивов: ведь важен факт полезности результата. От того, что мы примем во внимание ценность побуждения, объективная полезность результата ни на йоту не увеличится и не уменьшится. Значит, если в качестве исходного принят принцип оценки поступка по результату, то постановка вопроса о значении мотива для уточнения` оценки оказывается логически неправомерной. Но если все дело сводится к полезности результата самой по себе, то при чем тут вообще мораль и моральная оценка?

Полезный для общества продукт может быть произведен определенным работником исключительно из корыстных соображений, без всякого влияния морального мотива. Отсюда следует, это общественно полезное может находиться вне связи с моральным, а установление факта полезности еще не есть установление моральности. Очевидно, что моральная оценка имеет отношение к морали, к ее действию как фактора поведения, к проявлению морального побуждения в оцениваемом действии или в его результате. Применять же её к полезному как к таковому, даже в том случае, когда оно заведомо не обусловлено

морально, значит рассматривать ее как нечто, не имеющее никакого отношения к морали, лишать ее своеобразия, по существу, сводить моральную оценку к утилитарной (основанной лишь на принципе пользы).

С рассматриваемой точки зрения моральная оценка оказывается вообще излишней. Если моральное тождественно полезному, то первый термин равнозначен второму, не содержит ни одного признака, который бы не содержался во втором, то есть является его синонимом. Но тогда его надо исключить из научной терминологии. Действительно, зачем полезный результат называть моральным, если это имеет лишь тот смысл, что он полезен?

Сторонники второй точки зрения, видимо, исходят из известного положения, согласно которому о людях надо судить не по их словам и намерениям, а по их делам. Из него как будто вытекает тот вывод, что оценивать следует не намерения, а дела, их фактическую полезность или вредность для общества. Но такой вывод основан на смешении двух различных вопросов: почему, по каким признакам оценивать и что оценивать? Конечно, фактические дела можно и нужно оценивать и сами по себе, но не в этом состоит сущность моральной оценки.

«...По каким признакам, — писал В. И. Ленин, — судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей...»². Здесь четко расчлениются два вопроса: о чем судить и по чему судить? Судить по действиям — не то же самое, что судить о действиях и только. За действиями стоят люди. По их действиям мы можем судить о них самих, об их помыслах и чувствах. Действия дают нам ключ к установлению субъективных оснований, которые в них проявились, но содержание этих оснований не тождественно внешней полезности или вредности действий и их результатов. Сам факт полезности или вредности действий еще не раскрывает их внутреннего смысла. Последний может быть понят лишь в свете помыслов и чувств. Поэтому полезность действия или его результата — это не критерий оценки поступка, а лишь один из критериев (причем не всегда определяющий) установления внутренних побуждений, которые и служат критерием моральной оценки действия. Иначе говоря, моральная оценка действия и его результата неотделима от оценки их субъективного основания. Отсюда ясно, что противопоставлять полезность результата (как критерий моральной оценки) мотиву совершенно неправильно.

Приведем два примера решения разбираемого вопроса, которые мы находим в работах В. И. Ленина. В статье «О чесотке» В. И. Ленин саркастически высмеивает тех, кто не понимает, что оценка покупки оружия у разбойника, сделки с ним, зависит от целей (мотивов) этой сделки. «Не зависит ли оценка того, — пишет он, — хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?»³. «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная»⁴. Внешне действие одно и то же — покупка оружия у разбойника. Но суть его не тождественна внешней форме, она

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 423—424.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 364.

⁴ Там же. С. 363.

скрыта за ней и лежит в сфере побуждений, выражающих назначение этого действия. Противоположные цели (мотивы) определяют и противоположные оценки внешне одного и того же действия.

В статье «Заметки публициста» В. И. Ленин, указывая на факт предательства революции в Венгрии частью венгерских социалистов, которое было совершено ими из-за их малодушия, бесхарактерности и т. д., замечает по этому поводу: «В личном смысле разница между предателями по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти»⁵. В политике суть дела в объективном значении предательства, здесь мотивы несущественны. В личном же, то есть моральном, отношении, его нельзя оценивать просто как объективный факт, как нечто объективно вредное, здесь существенно субъективное основание предательства, его мотивы. Поэтому и получается, что в личном отношении разница — между предателем по слабости и предателем по умыслу очень велика.

Если бы моральная оценка целиком и полностью определялась объективной полезностью или вредностью результата поступка для общества или класса, тогда ни о какой разнице в этом случае нельзя было бы говорить. Однако нет сомнения в том, что она должна признаваться и учитываться. Это означает, что разбираемая точка зрения (критерий моральности поступка — полезность или вредность результата действия) не дает правильного решения проблемы предмета, или, как иногда говорят, критерия, моральной оценки.

Наконец, предлагается третья точка зрения, которая пытается преодолеть недостатки первых двух самым простым способом, а именно, соединяя их в одну. Чтобы правильно оценить поступок, считают некоторые авторы, надо соединить оценку мотива с оценкой результата, найти общую, синтезирующую оценку, свободную от односторонности, которая свойственна каждой из них в отдельности. Однако что может дать такой синтез и вообще возможен ли он?

Прежде всего следует исходить из того, что моральная оценка не может быть нулевой, нейтральной — ни положительной, ни отрицательной, — ибо нет нейтральных поступков. Поступок может или соответствовать моральной норме, или ей противоречить. В первом случае он морален, во втором — неморален (аморален).

Если мы оцениваем поступок с положительным мотивом и отрицательным результатом или, наоборот, с отрицательным мотивом и положительным результатом, то в обоих случаях мы не можем дать какую-то среднюю, или нулевую, оценку, следовательно, оценка должна быть или положительной, или отрицательной. В любом случае она будет соответствовать или только мотиву, или только результату, охватить их вместе она не сможет.

Значит, если оценка будет дана по результату, то при отрицательном результате она окажется отрицательной, каков бы ни был мотив. Таким образом, рассматриваемая точка зрения является логически несостоятельной, неосуществимой в силу внутренней противоречивости, и это выражается в том, что фактически она сводится к одной из двух точек зрения, о которых говорилось выше.

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 131—132.

Правда, для уточнения оценки результата можно было бы просто сослаться на характер мотива, отмечая его смягчающее или отягчающее вину значение. Но в таком случае при оценке поступка, например, с положительным мотивом и отрицательным результатом пришлось бы лишь констатировать оба момента, то есть, по существу, дать не единую, а двойную оценку, которая еще ничего не оценивает, ибо так и не устанавливает, морален или неморален оцениваемый поступок.

Предлагая сочетать в оценке поступка оценки его мотива и результата, вольно или невольно исходят из предпосылки о независимости результата от мотива. Действительно, будь результат следствием мотива, он не мог бы расходиться с последним по своей моральной значимости, и тогда не было бы никакой нужды в том, чтобы уточнять или изменять одну оценку за счет другой. Но, спрашивается, результатом чего же он является? Этот вопрос почему-то остался вне поля зрения исследователей. Между тем он имеет весьма существенное значение.

Если результат является следствием субъективного основания поступка, то есть мотива (ибо ни о каком другом субъективном основании ничего не говорится), то его оценка не должна расходиться с оценкой мотива. Но тогда исчезает обсуждаемая проблема. Если же результат порожден какими-то внешними причинами, то какое, собственно, отношение он имеет к поступку и почему его оценка должна влиять на оценку поступка? Ведь, скажем, моральная (как и правовая) оценка проступка (или преступления) — это установление вины совершившего его лица. О какой же вине может идти речь, если отрицательный результат возник не по вине этого лица, а по не зависящим от него внешним обстоятельствам! «По вине» — значит «в зависимости от воли субъекта, от его намерения» и т. д. Результат, не зависящий от воли, не может быть вменен в вину или в заслугу, он вообще не должен быть отнесен к поступку, ибо иначе вышло бы, что не все, относящееся к поступку, подлежит моральному вменению, оценке и регулированию, что в нем остается нечто принципиально неконтролируемое.

Итак, результат поступка, противоречащий его субъективному основанию, — это что-то неуловимое, таинственное, непознаваемое. Однако поскольку ничего непознаваемого, как известно, не существует, то очевидно, что мы здесь имеем дело с какой-то фикцией, с чем-то таким, чего на самом деле нет и быть не может.

Когда к поступку относят результат, который не зависит от субъекта, то, по существу, имеют в виду не поступок, а действие с его объективными последствиями. Такое смешение понятий можно объяснить тем, что проблема поступка еще недостаточно разработана в нашей этической литературе. С этим связана и неясность в вопросе о соотношении результата и его субъективного основания. Если результат поступка нельзя объяснить из мотива, то не означает ли это, что наряду с мотивом существуют какие-то другие элементы субъективного основания поступка, от которых зависит его результат?

Чтобы во всем этом разобраться, надо прежде всего выяснить, что такое поступок.

Понятие поступка

Для выяснения специфики поступка его целесообразно сопоставить с действием (соответственно поведение — с деятельностью, являющейся совокупностью действий). Если мы рассмотрим какое-либо человеческое действие, имеющее моральное значение, мы, однако, не увидим в нем специфической моральной «операции», а в его результате не обнаружим каких-то особых «моральных свойств». Среди трудовых и любых других движений и операций нет таких, которые можно было бы выделить в разряд моральных. В детали, сделанной рабочим, руководствующимся моральным отношением к труду, нельзя найти такого свойства, которого была бы лишена такая же деталь, сделанная другим рабочим, заботящимся только о зарплате. Добросовестно трудиться, это значит вести себя нравственно в области трудовой деятельности. Но конкретный труд, то есть труд, производящий потребительные ценности, является внеэтической деятельностью. Любая другая деятельность по своей конкретной форме имеет внеэтический характер. Человек, бросающийся на помощь утопающему из морального побуждения, может сделать те и только те движения, которые физически, или технически, необходимы для оказания такой помощи. Но никаких «моральных движений» он при этом произвести не сможет.

Итак, поступок не есть действие, а действие не есть поступок. Поступок входит в содержание действия, является одним из его аспектов. Благодаря чему же действие выступает в качестве поступка, в чем сущность того аспекта действия, который является поступком?

Действие многогранно, так, труд можно рассматривать в различных отношениях — в социологическом, психологическом, физиологическом, экономическом и других, — в которых он проявляется разными своими гранями. В экономическом отношении, например, труд выступает двояко: в качестве конкретного и абстрактного. Этический аспект — лишь один из многих аспектов трудового и всякого другого действия. Выявить этическое содержание действия, значит найти тот его аспект, который можно оценить как моральный или неморальный.

Не все виды действий имеют моральную значимость. Выделив сферу действий, обладающих такой значимостью, мы тем самым определим один из существенных признаков, которыми они характеризуются. Нетрудно заметить, что этический смысл имеют только те действия человека, которые затрагивают интересы других людей, общества. Если мы представим себе человека, который делает что-то для самого себя (при этом на какое-то время надо отвлечься от его отношений с обществом и условно допустить, что его действия не затрагивают ничьих интересов, кроме его собственных), например, вскапывает свой личный огород, чинит одежду, смазывает машину и т. п., то в этих действиях мы не найдем никакого морального содержания. Мы их сможем оценить как полезные для него, но не как моральные.

В связи с этим можно отметить, что «физическая» сторона действия не имеет морального содержания. Действительно, вскапывая свой собственный или общественный огород, человек произведет одинаковые движения, операции. Но лишь во втором случае его работа будет иметь моральную значимость. Следовательно, моральное содержание действия лежит не в его операциональной сфере, последняя нейтральна в моральном отношении и может одинаково эффективно служить как добру, так и злу.

Не совпадает ли моральность действия с его общественной полезностью?

Полезность — это объективная ценность средства по отношению к цели. Действие и его результат полезны по отношению к потребности индивида или общественного целого. Во втором случае они общественно полезны. Но полезные действия совершает и природная стихия, и животное, и машина. Суть полезности действия ни в малейшей степени не зависит от того, что или кто его производит.

Общественная полезность действий — это необходимый признак их моральности, ибо только в отношении личности к обществу имеет смысл вопрос о том, что морально и что неморально. Если человек не бережет свои собственные вещи, можно сказать, что он вредит себе, что он нерасчетлив, неаккуратен и т. п., но все это — не этические, а прагматические характеристики, то есть имеющие прямое отношение прежде всего к практической полезности (вредности), эффективности (неэффективности) средств и образа действия для достижения той или иной (все равно какой) цели. Только в том случае, если он нерадиво относится к общественной собственности, его поведение следует оценить с точки зрения морали. Но признак общественной полезности действий и их результатов не является достаточным для того, чтобы отнести их к моральной области. Не все, что общественно полезно, может быть моральным или аморальным.

Прежде всего очевидно, что только человеческие действия могут иметь моральную значимость. Пожалуй, никто не станет спорить с тем, что полезное для общества действие, производимое природной силой, животным или машиной нельзя расценивать с моральных позиций. Между тем физическая характеристика такого действия и его эффективность, а значит и полезность результата могут быть совершенно одинаковыми как в этих, так и в том случае, если оно произведено человеком. Скажем, работу по упаковке может производить человек вручную, но ту же операцию может выполнить и автомат. Следовательно, то, что именно человек осуществляет общественно полезное действие, само по себе еще не придает этому действию морального содержания. Дело, видимо, в какой-то отличительной особенности человеческой деятельности, благодаря которой она выделяется из всей совокупности различных форм деятельности.

Отличительной особенностью действий человека, как известно, является то, что, совершая их, он руководствуется сознательно поставленной целью. К деятельности человека побуждают его потребности, для удовлетворения которых он должен создать соответствующие предметы. Прежде чем создать тот или иной предмет, человек строит в своей голове его идеальный образ и тем самым определяет цель для своей деятельности. Осознаваемая им же потребность служит мотивом, побуждающим его к достижению этой цели. Очевидно, различные виды действий можно различать по их целям и побуждениям.

По моральному содержанию действие не имеет своей целью создание какого-либо определенного предмета потребности, блага. Ведь моральность мы не связываем с тем, что отличает один вид деятельности от другого. Моральным может быть любое действие, направленное на достижение общественно полезной цели, какой бы конкретный характер ни имела эта цель. Существует множество видов труда, моральное же отношение к труду одно. Моральный кодекс строителя коммунизма характеризует это отношение как добросовестное отношение к труду на благо общества. Ясно, что это отношение определяется не конкретной целью данного вида труда, а его общей значимостью для общества,

общественной полезностью как таковой. Полезность вещи, а если она создается для общества, то тем самым и ее общественная полезность обеспечивается конкретным трудом. Значит, общественная полезность, или общественное благо, еще не составляет специфической цели морального побуждения.

Мораль создана обществом, чтобы обеспечивать социально ценное поведение индивидов, побуждать человека действовать в интересах своей общности, группы, класса, приносить благо обществу, классу или отдельной личности. Но мораль — не единственный побудитель, приводящий к созданию общественного блага (или блага личности). Роль такого побудителя может, например, сыграть и личная заинтересованность. Поэтому в понятии общественного блага еще не выражена специфика моральной цели. Дело не в самом факте постановки этой цели, а в том, какое место эта цель занимает в системе личностных целей, какую значимость она имеет для личности.

Человек может стремиться принести пользу обществу, но видеть в этом лишь средство для достижения личной выгоды. Благо общества в этом случае выступит для человека в качестве промежуточной цели и как таковое, видимо, еще не приобретает значения моральной цели. Действительно, в рассматриваемом случае не имеет смысла говорить о долге по отношению к общественным интересам, ибо они рассматриваются человеком под совершенно иным углом зрения, лишь с точки зрения выгоды, личной пользы. Чтобы быть моральной целью, благо общества должно выступить для личности в качестве, ее высшей цели, такой цели, к достижению которой стремятся ради нее самой, притом ставят ее выше узко личных целей, так что она приобретает значение объекта долга, то есть статус моральной цели.

Обеспечение блага общества и его членов можно рассматривать как внешнюю цель морали, в которой еще не выражена специфика последней. Все дело в том, чтобы установить, каким способом мораль достигает этой цели, а это можно сделать, если установить ее непосредственную, так сказать, «внутреннюю» цель.

Непосредственную цель морали мы обнаружим, если рассмотрим характерные особенности функционирования морали как регулятора поведения. Хорошо известно, что мораль выступает в виде системы норм, которые воспринимаются высоконравственной личностью как непререкаемые повеления. К их исполнению личность побуждается не расчетом, не соображениями собственной выгоды, а представлением об их приоритете перед всеми другими побуждениями, имеющими лишь индивидуальную значимость, иначе: говоря — чувством и сознанием долга. Главный принцип коммунистической морали — принцип преданности делу коммунизма — означает, что построение коммунистического общества — высшая цель личности, с которой она должна согласовать все свои индивидуальные цели, подавляя и отбрасывая побуждения, препятствующие её достижению. Отсюда ясно видно, в чем заключается специфическая, внутренняя цель морали. Этой целью является согласование личного и общественного, в частности (и в особенности) подчинение личного, если оно вступает в конфликт с общественным и препятствует его обеспечению. Существенным моментом здесь является также то, что цель согласования личного с общественным выступает в качестве цели самой личности, как ее собственная потребность, которой она руководствуется вполне свободно и добровольно, как и всякой другой

своей потребностью. С этим обстоятельством связана еще одна важная и характерная особенность моральной цели.

Если рассматривать потребность как цель для деятельности, направленной на ее удовлетворение, то она же явится и мотивом этой деятельности, ибо потребность как непосредственная нужда в чем-либо не нуждается в собственном мотивировании. Нам, например, не надо объяснять себе и другим, почему мы хотим есть или пить. Моральность — одна из потребностей личности, хотя она и не врождена ей, а сформирована обществом. Поэтому она не требует обусловливания, мотивирования, и в этом смысле Кант был прав, называя моральное повеление категорическим. Это означает, что моральная цель вместе с тем является и мотивом, не существует как именно моральная цель, не будучи одновременно мотивом. Цель морали дана ей извне, условиями общественной жизни, но специфически моральный характер она приобретает, принимая форму потребности, следовательно форму мотива. Там, где нет морального мотива, нет вообще морали и всех связанных с ней моментов, в частности моральной значимости действий и их результатов, а значит, и моральной оценки.

В понимании моральной цели как мотива заключается рациональное объяснение высказываний, согласно которым добро должно твориться ради самого добра, долг выполняться ради самого долга и т. д. За ними скрывается та правильная мысль, что мотив добра сам уже не нуждается в мотивировании, что человек поступает морально не ради какой-то посторонней цели, а из потребности так поступать. Но это вовсе не означает, что мораль является самоцелью и не выполняет определенной общественной функции, не приносит пользы обществу, людям.

Мораль полезна, поскольку выполняет необходимую для общества функцию. Но она полезна своим особым образом, ее полезность специфична, не совпадает с другими видами пользы. В этом смысле моральное, конечно, не тождественно полезному. Специфическая польза морали — это польза согласования личного и общественного (посредством отношения личности к общественно ценному как к высшей ценности). Внутренняя цель морали состоит в том, чтобы «производить» это согласование. В то же время последнее — не самоцель, а средство для достижения внешней цели — обеспечения блага общества и личности в его многообразных формах. Несовпадение морального и полезного при этом может выразиться в том, что в определенных случаях полезное будет иметь отрицательное моральное значение. Например, удовлетворение какого-либо желания личности может противоречить интересам других, задаче согласования личных интересов с общими, той или иной моральной норме, выражающей необходимость этого согласования. Интересы общества как целого также должны согласовываться с личными интересами его членов, в противном случае то, что неоправданно наносит ущерб отдельным людям, хотя и может быть непосредственно полезным для общества как такового, имеет с позиций морали отрицательную ценность.

В самом общем виде цель морали можно охарактеризовать как общепольное. Специфически моральной целью оно является постольку, поскольку выступает в качестве личностного побудителя, высшего по своей значимости и поэтому способного преодолеть противодействие эгоцентрических побуждений. Если человек стремится к обеспечению общего блага, то это значит, что он относится к нему как к моральной цели. В этом смысле направленность на общее

благо, или общественная направленность, есть моральное отношение, а само общепольное как объект этой направленности имеет значение моральной цели.

В правильном понимании общепольное — это не только выражение интересов общества, оно включает в себя и индивидуальные интересы, общие для всех членов общества, и согласуется с интересами общества как целого. Все эти интересы отражаются в моральных нормах, требующих в условиях социализма, как известно, не только преданности общему делу или, например, добросовестного отношения к труду, но и уважения к человеку, которое направлено на каждого из членов общества. Другими словами, моральная цель имеет внутреннюю структуру, включая две наиболее важные цели — благо общества и благо личности. Поэтому и моральное отношение также расчленяется на отношение к благу общества (как к высшей цели) и отношению к благу личности (как к конечной цели). Приоритет принадлежит первому отношению, но это не означает игнорирования личных интересов, блага личности. Будучи субъектом, выполняющим требования морали, личность одновременно является ее объектом, целью, предметом заботы и уважения со стороны социалистического общества, его членов; мораль вменяет ей в обязанность сохранять и отстаивать свое достоинство и признает за ней право заботиться об удовлетворении общественно нормальных потребностей, развивать и проявлять способности в целях саморазвития и обеспечения блага общества.

Таким образом, коллективизм, свойственный коммунистической морали, вовсе не равнозначен подавлению личности, как это часто утверждают буржуазные идеологи, он лишь требует преодоления эгоистических тенденций в поведении людей. Обратной стороной социалистического коллективизма является гуманность, человечность, представляющая одну из важнейших черт нравственности.

Теперь, после того как мы охарактеризовали мораль в качестве регулятора поведения, мы можем более основательно судить о её соотношении с другими факторами деятельности, о моральной значимости действия и его результата и соответственно о смысле и содержании моральной оценки.

Согласовывать личное с общественным — значит согласовать действия личности с интересами общества или его отдельных членов. В этом согласовании и состоит моральный аспект действий. Но своей непосредственной целью они имеют создание конкретных благ, являющихся в общем и целом неморальными ценностями. Моральными ценностями последние являются лишь постольку, поскольку выступают в качестве результата моральных побуждений, моральной деятельности.

Моральная деятельность — это деятельность духовно-практическая, ибо в отличие от теоретической она в своем полном развитии реализуется в сфере практических отношений, в объективной социальной действительности⁶. Это — волевая деятельность, проходящая два основных этапа — этап морального выбора и решения и этап реализации решения в процессе объективного, неморального по своему характеру, действия. Ее субъективным исходным пунктом является моральный мотив, стимулирующая роль которого состоит в том, что он побуждает начать действие и довести его до конца, с какими бы трудностями

⁶ По вопросу о моральной деятельности см.: Блюмкин В. А. О нравственной деятельности. М.: Знание, 1977. 63 с.

для действующего лица это ни было связано, определяет такие существенные особенности действия, как старательность, напряженность, длительность и т. п.

Правда, в известных пределах эти же особенности действия могут вызываться и другими субъективными основаниями: личной материальной заинтересованностью, привычкой к труду, политическими мотивами. Все эти основания могут проявляться во взаимном сочетании между собой. Так, политические мотивы обычно действуют во взаимосвязи с моральными, в моральной форме. Моральный характер действие имеет постольку, поскольку оно обусловлено моральным побуждением. Включаясь в действие, последнее через посредство тех же особенностей оказывает на него, однако, свое специфическое влияние, придает ему дополнительную эффективность и соответственно дополнительную результативность. Так, в сфере труда собственно моральный мотив проявляется во всей своей значимости при обстоятельствах, требующих бескорыстия и самоотверженности, без помощи которых производственная задача не может быть решена. Об этих качествах, проявляемых советской молодежью в труде, говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола. Не только от профессиональных, но и от моральных качеств существенно зависят результаты трудовой деятельности. Роль нравственного мотива выражается в том, что благодаря ему личность способна усилием воли мобилизовать себя на трудное и ответственное дело, подавить какие-либо отрицательные побуждения, лень, усталость, наконец, инстинкт самосохранения (когда к этому вынуждают обстоятельства) и совершить то, чего требует от нее долг. Мораль прежде всего играет здесь роль пускового механизма, который освобождает энергию действия и направляет ее по определенному пути. Вместе с тем она выполняет функцию силы, обеспечивающей доведение действия до завершающей стадии.

Оттого, что моральная деятельность проявляется в труде, труд в целом не становится «моральной деятельностью», хотя его можно характеризовать как морально значимую деятельность. Может быть, все дело в том, какому моменту в данном случае придается ведущее значение, и если на первый план выдвигается моральная цель труда, то он тем самым становится моральной деятельностью? Однако целью труда является тот продукт, ради создания которого он совершается. Моральное побуждение служит одним из средств, а не целью данного трудового действия. Например, добросовестность нужна для выполнения работы, а не работа для проявления добросовестности. Поскольку же труд рассматривается в качестве средства морального воспитания, он относится к сфере педагогической, а не моральной деятельности. Видимо, морально-регулирующую деятельность общества, его отдельных органов можно считать особой, относительно самостоятельной сферой социальной деятельности. Что же касается моральной деятельности индивидов как субъектов морального поведения, то она, на наш взгляд, осуществляется лишь через другие, неморальные виды деятельности⁷.

Моральную деятельность, очевидно, нельзя отождествлять с поведением, а ее единичный акт — с поступком. Ведь о поступке может идти речь лишь тогда, когда субъективное действие (выбор, решение) переходит в объективное (исполнение решения). Непосредственно к поступку следует относить ту часть

⁷ Мы не касаемся здесь того, что и другие виды деятельности могут быть взаимосвязаны аналогичным образом. Этот вопрос слишком далеко выходит за рамки нашей темы.

деятельности, которая вплетается в действие-операцию, объективируется в нем и в его результате. Но и в этой части моральная деятельность не тождественна моральному поведению. Понятие поведения имеет особый оттенок, отличающий его от понятия деятельности. Когда мы говорим о деятельности, мы можем ограничиться рассмотрением ее внутренней структуры. Когда же мы говорим о моральном поведении личности, мы должны взять ее деятельность (и в целом, и в ее моральном аспекте) в отношении к интересам общества и к выражающей их моральной цели. Отношение же это определяется моральной позицией личности, лежащей в основе ее моральной деятельности. Поэтому поступок можно определить как субъективное моральное отношение, реализованное в объективном действии, а результат поступка — как субъективное моральное отношение, реализованное в результате этого действия.

Поведение есть аспект деятельности, в котором выражено ее отношение к общему благу, к общепольному, прежде всего к благу общности в целом. Но это не значит, что к поведению (не следует забывать, что у нас речь идет об этическом, а не о чисто внешнем поведении) относится лишь внешняя сторона деятельности, характеризующая ее общественную полезность. Поведение имеет две стороны: внутреннюю, регулятивную, образующую морально-психологическое содержание внеэтической деятельности, и внешнюю — те особенности последней, в которых проявляется внутренняя сторона поведения. Ясно, что внешнюю сторону поведения совершенно неправомерно рассматривать вне связи с ее внутренней основой, в отрыве от нее, ибо в этом случае мы ничего не сможем сказать о моральном содержании, смысле и ценности деятельности, а значит, не сможем оценить ее с моральной точки зрения.

Поступок может выступать не только в форме действия, но и в форме бездействия. Означает ли это, что общее положение о единстве поведения и внеэтической деятельности неверно и требует какого-то ограничения? Думается, что нет. Не совершая внешнего действия, человек, однако, вызывает определенный результат, например, посредством действий другого человека, которого он не поддержал, хотя мог поддержать, или которому не помешал, хотя мог помешать. Следовательно, в данном случае ход и результат действия, совершенного другим, находится в зависимости от воли, мотивов, морально-психологической деятельности бездействующего лица, не перешедшей в его собственное действие, воплотившейся в воздержании от проявления внешней активности, но именно таким образом повлиявшей на систему состоявшихся действий (или каких-либо процессов — экономических, технических, природных, в которые могло вмешаться лицо, воздержавшееся от действия). Бездействие — это не просто состояние покоя, это — результат волевого акта, завершившего цепь морально-психологических действий. Оно возможно лишь в системе действий и поэтому должно рассматриваться как момент деятельности.

Субъективное моральное отношение, проявляющееся в действии или бездействии, — это отношение волевое. В состоянии воли резюмируются этические особенности личности. Волю называют доброй или злой в зависимости от того, какие мотивы, нравственные или безнравственные, определяют совершаемый ею выбор поступков, линии поведения, являются для нее ведущими. В этом смысле мотивы можно включать в сферу воли и говорить об этическом содержании воли.

Этическое содержание воли характеризует ее отношение к моральной цели. В соответствии с указанным отношением воля определяет этическое содержание действия. Содержание же это и является поступком.

Таким образом, поступок можно определить как акт объективации волевого морального отношения в действии (или бездействии) и в его результате. Поведение есть ряд поступков. Линия поведения — его ведущая характеристика, выражающая единую направленность отдельных поступков.

Результат поступка есть результат этического содержания действия, или этического волевого отношения. Поэтому моральная оценка результата не может расходиться с оценкой этого отношения. Если результат отрицателен с моральной точки зрения, то это может означать лишь то, что и его субъективное основание является морально отрицательным, но как быть с тем фактом, что ценность результата подчас не совпадает с ценностью этического мотива, от которого зависит этическое содержание воли, определяющее поступок и его результат? Очевидно, что ответ на этот вопрос надо искать в самом моральном волевом отношении, ибо только им, и ничем иным, может определяться результат поступка.

Таким образом, наша дельнейшая задача состоит в том, чтобы, как говорится, ближайшим образом рассмотреть этическое отношение, образующее содержание поступка.

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.18-26

В. О. Волкова, И. Е. Волков

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из величайших метафор современности — метафоре сознания. Сознание невозможно объяснить или описать, так как известные концепции уподобляют сознание конкретному предмету — сознание как знание, сознание как внимание, сознание как самосознание. В обычной практике исследования упускается из виду возможность рассмотреть сознание в его неопределенности, двойственности, незавершенности. Метафоризация рассматривается как процесс исследования через понимание сознания и его присутствие в универсальном опыте разделенности, неопределенности и семиотизации. Утверждается, что метафоризация — это первичный опыт семиотизации в когнитивной практике. Под когнитивной практикой понимается отношение субъекта к объекту исследования с позиции онтологии и эпистемологии мысленного эксперимента сознания с понимающим воображением, обработкой информации, систематизацией, сохраняющей базовые формы феноменологического познания. Метафора является структурой понимания, так как в диалектической интерпретации она представляет собой аналог мышления, речи и интеллектуального действия субъекта, выраженный в идеальной форме. Метафора — это источник творчества и форма изучения сознания. Метафоризация как процедура связи сознания и психики применяется в социальной, психологической и образовательных сферах. Метафора как инструмент семантической двойственности может раскрыть неограниченное количество связей между объектами, субъектами, культурой и историей.

Ключевые слова: метафора, образ, понимание, когнитивная практика, феноменология, творчество

Ссылка для цитирования: Волкова В. О., Волков И. Е. Метафоризация как способ понимания сознания // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 18—26.

Original article

V. O. Volkova, I. E. Volkov

METAPHORIZATION AS A WAY TO UNDERSTAND CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the greatest metaphors of our time — the metaphor of consciousness. Consciousness cannot be explained or described, since known concepts liken consciousness to a specific object — consciousness as knowledge, consciousness as attention, consciousness as self-awareness. In the usual practice of research, the opportunity to consider consciousness in its uncertainty, duality, and incompleteness is overlooked. Metaphorization is seen as a process of exploration through understanding consciousness as it is present in the universal experience of separation, uncertainty and semiotization. It is argued that metaphorization is the primary experience of semiotization in cognitive practice. Cognitive practice is understood as the relationship of the subject to the object of

© Волкова В. О., Волков И. Е., 2024

• Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 18—26

study from the position of ontology and epistemology of the thought experiment of consciousness with understanding imagination, information processing, systematization, preserving the basic forms of phenomenological cognition. Metaphor is a structure of understanding, since in the dialectical interpretation it is an analogue of the thinking, speech and intellectual action of the subject, expressed in an ideal form. Metaphor is a source of creativity and a form of exploration of consciousness. Metaphorization as a procedure for connecting consciousness and psyche is used in the social, psychological and educational spheres. Metaphor as a tool of semantic duality can reveal an unlimited number of connections between objects, subjects, culture and history.

Keywords: metaphor, image, understanding, cognitive practice, phenomenology, creativity

Citation Link: Volkova V. O., Volkov I. E. (2024) Metaphorization as a way to understanding consciousness, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 18—26.

Интерес к метафоре объединяет как философов, так и литературоведов, лингвистов, а также писателей, поэтов, деятелей кино и театра. В цифровой век вокруг изучения метафоры объединяются психологи, психоаналитики, семиотики, логики, программисты. Метафора служит одним из источников творчества, так как для ее применения на практике необходимо творческое воображение. В когнитивных науках метафора участвует в изучении разных сторон человеческого сознания. Возникает представление о когнитивной практике как дисциплине ума, связывающей между собой такие когнитивные структуры, как восприятие, мышление, язык, память, действие, но проникающие в исторические парадигмы и социокультурную реальность для поиска достоверности трансформирующего на глазах бытия человека и его разума. Источником понимания когнитивной практики является диалектическая интерпретация термина «практика». Он представляет собой операциональный аналог структур мышления, речи, интеллектуального действия субъекта, выраженный в идеальной форме. В эпистемологии идеальная форма практики присутствует в исследовании знания, понимания и мысленного экспериментирования как когнитивных способностях субъекта и его творчества в повседневной жизни и социальной коммуникации.

Метафора в изучении сознания может служить оперативным методологическим инструментом изучения связей сознания и психики, применимых в социальной, психологической, образовательной сферах. На основе семантической двойственности метафоры можно раскрыть неограниченное количество связей между объектами, субъектами, культурой и историей.

Метафорическое сознание. Метафора является неотделимой частью выраженного сознания, употребляется в разговоре для усиления смысла или его сокрытия в блуждании речи. Философское значение метафоры как феномена интеллектуального творчества не раскрыто. Поэтому исходной позицией исследования метафоризации является сознание.

В концепции В. А. Лекторского сознание представляет собой «состояние психической жизни индивида», выражающееся в «субъективной переживаемости» [Лекторский, 2009: 885] событий внутренней и внешней жизни человека и отчете об этих событиях. Категория «состояние» мало описана в научной литературе, но именно «состояние сознания» позволяет подойти к изучению метафоризации как явления когнитивной практики.

Одним из направлений исследования сознания В. А. Лекторский называет феноменологию. Таким образом, состояние психической жизни может быть понято с двух сторон: со стороны психологии и феноменологии. Э. Гуссерль, основатель феноменологии, первый тип состояния относит к психологическим фактам: «устремление внимания на непосредственное переживание». В отношении Я это состояние воспринимается в данную минуту времени и подлежит апперцепции: воспринимается само восприятие, данное в апперцепции в хронологически выверенном порядке. В этом случае субъективная переживаемость состояний отличается от события сознания, которым, по существу, является состояние сознания.

Второй тип состояний, по Э. Гуссерлю, возникает как постижение «самоданного», которому надо развиваться в «гераклитовом потоке феноменов» [Гуссерль, 1992: 143—145]. Один феномен вытекает из другого или вливается в другой. Если мы трансрационально перенесем экскурс из одной концепции в другую, то таким феноменом может стать «слово» и его значение. Ассоциация значения со словом служит основанием метафоризации. В дальнейшем от прямого ассоциирования мы переходим в область философии сознания и воспринимаем *метафору как событие сознания*.

Внутри гуманитарной науки становится все более явной тенденция к сближению когнитивной науки и науки о жизни с феноменологией Э. Гуссерля. Феноменология акцентирует внимание на исследовании опыта сознания, смыслов и субъективного восприятия времени, пространства, существования. Окружающий человека мир рассматривается как создаваемый им самим мир знаков, символов, воображаемой реальности, интерактивно проявляемый в познании в соответствии с телесной природой человека и его комплексной организацией.

В. И. Молчанов рассматривает сознание в «многообразии различений... предпочтений... и идентификации различенного» [Молчанов, 2009: 887]. Он приходит к выводу, что сознание как первичный опыт отношения к миру создает различения, а способность различать определяет способность направлять внимание, «т.е. выделять и отдавать устойчивое предпочтение тому или иному различенному, а также предвосхищать, предвидеть и прогнозировать то, что может стать различенным, выделяя устойчивые переходы от определенных различений к определенным идентификациям как устойчивые тенденции» [там же: 891].

Отнесение сознания к первичному опыту и его различениям, например различениям ментального и телесного, говорит о главенствовании формы над многими сторонами первичного опыта. Феномен «формы» в транскрипции учения Платона мыслится как «идея». Но идею Платон «начинает мыслить не в изолированном виде, но как образец для реальных вещей и существ, которые он сам называет таким термином («парадигма»). Этот термин по-русски и нельзя перевести иначе, как «модель». Но и материя перестает быть пассивным принципом и пустотой, такой как античный меон, а становится «активной и организующей силой». Так в соединении идеи и материи формируется «порождающая модель» [Лосев, 1994: 661].

Следуя канонам эстетической классики, метафора включает в себя не только перенос значений с одного предмета на другой, но и обретает скрытый смысл «порождающей модели», т. е. развертывания трансрационально переносимого смысла из одной сферы мысли в другую сферу. Проблема трансдисци-

плинарных стратегий исследований стала актуальной в последние десятилетия. Дисциплина в античном значении порядка всегда рационально организована, а трансрациональность углубляет ее потенциальное значение. Трансдисциплинарность «характеризует такие исследования, которые идут *через, сквозь* границы многих дисциплин, выходят за *пределы* конкретных дисциплин, что следует из смысла самой приставки “транс”» [Князева, 2011: 193—194]. Метафора как порождающая модель может развиваться в устойчивых переходах различных смыслов, сохраняя в себе возможности моделирования, прогнозирования и выделения устойчивых тенденций в разных областях гуманитарных наук.

Метафора порождает смысл и при этом сохраняет форму (модель), поэтому основным противоречием, развертывающимся в разных областях знания, является *противоречие формы и смысла*. Либо осмысленность и сознание главенствует над формой, используя ее как инструмент когнитивной практики, либо побеждает форма, увлекая сознание в лабиринты фантазии и иллюзий. При этом форма оказывается сильнее смысла. Особой формой сознания становится *метафорическое сознание* как неопределенный, двойственный и нелокализуемый объект.

Сознание невозможно объяснить или описать как факт в ряду фактов естественных наук. Оно адресовано событиям жизни и экзистенциальным ситуациям, в которые попадает человек. Никто не может с уверенностью сказать о том, осознает ли человек экзистенциальные ситуации или нет. Поэтому ситуации, в которые попадает человек, могут быть отнесены к бессознательному, даже выражаемому в языке как бесконечный набор бессмысленности, имеющей форму изречения.

Согласно гипотезе Сепир-Уорфа, язык — это материал для интерпретации сознания, но интерпретация — это отдельная область понимания и создания самоинтерпретируемого образа, которому свойственна демонстрация осознанности в особой форме перенесения значения с одного предметного образа на другой. Даже если этот образ выражен словом, порождающим следующее значение и следующий образ. От того, что и как говорит человек, не осознаваемый им, но, высказанный образ, может быть понятен слушающему. Так метафора преодолевает язык и уходит напрямую в область понимания.

Метафора не вычленяет абстрактных признаков предмета, а оформляет смысловой образ предметной сущности, который воздействует на сознание и порождает режим интерпретации сознанием самого себя, подает себя как «событие мысли». Событийность мысли придает ее двуплановая, выразительная и символическая организация. Это означает, что слово и его предметная сущность выражают друг друга вне зависимости от осознанного понимания, а также то, что в них заложена суггестивная полнота их взаимного обращения. Так, художник, выражающий на полотне свои мысли, оказывает воздействие на зрителя, который часто не может выразить словами, *что же* оказало на него иногда предельно сильное воздействие. Возникает интуитивный опыт семиотизации — наблюдаемый знак становится стимулом для самоинтерпретации. Получается не просто эффект наблюдения, но возникает «коммуникативное измерение» [Касавин, 2013: 46] знака как некоторый пролонгированный опыт его исследования как знания. Именно с этим эффектом связаны сближение науки и искусства, научные шоу и прочие демонстрации инноваций.

Коммуникативное измерение знака и знания может быть рассмотрено как метафорическое представление, порождающее конкретные аналоги в неограниченном диапазоне понимания от самоинтерпретации действий сознания человеком до историко-культурных инноваций, например, в философии постмодерна.

Истоки самоинтерпретации, т. е. понимания сознания самим человеком, восходят опять-таки к Платону. Он первым увидел, что подлинная реальность ускользает от человека и он вынужден ее удерживать в каких-либо формах и потому искажать как непроверяемую опытом. Но она все равно присутствует в «идеях» как носителях совершенных форм и таковых же совершенных мысленных событий. Однако «схема», «морфе», «идея» и «образ», как утверждает А. Ф. Лосев, «вполне точно можно было бы переводить по-русски термином “символ”». Конечно, под этим символом не стоит понимать «аллегория или басню», но «такое совмещение внутренней и внешней смысловой области, когда внутреннее выражает себя целиком во внешнем, а внешнее оказывается всецелым выражением внутреннего» [Лосев, 1994: 548—549]. Применительно к метафоризации как порождающей смысл модели можно сказать, что двупланность, двойственность, перенос значения, интерпретация и суггестивные возможности воздействия словом являются показателями современной «осмысленности», поступающей в сознание информации.

Метафоризация сознания или осознание метафоры. В таких терминах, как «филология», «философия» заключена метафора. В переводе с греческого *φιλολογία* — это «любовь к слову (логосу)». В научном обиходе с этим термином связывают не inferнальные чувства любви, а совокупность научного знания. Значит, сознание имеет в себе ресурс ассоциирования или переноса значений с одного слова на другой вне зависимости от формы представленности. Более того, эта метафоризация закрепляется исторически и культурно как неотделимая часть сознания. Она не разводит в разные стороны разные предметы, а воздействует на сознание различением внутри одного предмета.

Х. Ортега-и-Гассет обращает внимание на понятие «глубина души». Каждый человек понимает, что этот дискурс касается не жидкости, указывающей на глубину наполнения в области грудной клетки. Когда «мы утверждаем, что у души есть “дно”, мы относим это слово сначала к дну какого-нибудь сосуда, например, бочки, потом как бы “очищаем” это значение от указания на физические параметры и относим его к психике» [Ортега-и-Гассет, 1990: 71]. Но при этом работа сознания происходит «внутри» метафоры «глубина души». Различение не противопоставляется логическому тождеству, а переносится в смысловую ткань сознания. Метафора осознается как целое, находящееся внутри целого нашего мышления как платоновская «идея» и одновременно очевидное различие (отличие) предмета от самого себя.

Для метафоризации как особой операции сознания необходимо осознание двойственности и использование предмета исследования в переносном смысле. Так, Г. Н. Гумницкий в статье «Вера в свете разума» подчеркивает, что состояние религиозного сознания имеет свою почву — незнание. Именно на этой почве вырастают «причудливые, не от мира сего» сущности, которые созданы из материала знаний (ибо никакого другого материала нет и быть не может)» [Гумницкий, 2006]. В познании так же, как в жизни и в ее представленности в религии, мир двойственен, метафоричен. Есть действительность, в которой мы суще-

ствуем, а есть мир сущностей, «якобы населяющих некий иной, высший уровень бытия, познать который может только особый, высший разум» [там же].

Таким образом, мы постоянно имеем дело с миром незнания, напоминающим нам об онтологии бытия, в которой действуют метафоры как указатели и обозначатели нашего сознания. Статья Г. С. Смирнова о Г. Н. Гумницком называется «Мудрость философа: тихая глобальность провинции» [Смирнов, 2014: 103—105], что уже содержит метафору. Мудрость философа — сложный синтетический объект, который невозможно ощутить органами чувств, его трудно даже помыслить. Однако, как пишет Х. Ортега-и-Гассет, метафора не только средство выражения. Она необходима «нам самим, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [Ортега-и-Гассет, 1990: 71]. Статья Г. С. Смирнова не только представляет работу философа. Автор указывает на предмет — «тихая глобализация провинции», открывающий бесконечные «сущности» мысленного экспериментирования над судьбой философии и философов. Мы имеем важный инструмент мышления в метафоре. Метафоризация является нам как возможность осознать то, что мы не могли бы осознать иным путем.

Метафора — это инструмент мысленного экспериментирования с различными объектами, выраженными словом. В ее состав входит «априорное» стремление сознания к изменениям. Предметы должны указывать сознанию на различия, т. е. должны преобразовываться в сознании в форме показывающих самих себя феноменов. Неслучайно феноменологическая идея сочетает в себе познание и сознание, а также бытие в действиях с объектами познания. Как говорит Х. Ортега-и-Гассет, очищение объекта от бесконечного числа не нужных в данный момент значений создает иную форму доступности сознанию и порождает новые сочетания формы и смысла.

Феноменологическая редукция есть конструирование восприятия как «настоящего» в сознании. В. Н. Филатов означает состояние, подобное редукции феноменолога, как «мысленный эксперимент» [Филатов, 2016]. В отличие от естественнонаучного эксперимента такой эксперимент опирается на воображение и фантазию, конструирует «с помощью пера и бумаги» в «уме» новое знание о реальности. Открытие теории относительности А. Эйнштейна связано с метафорой «лифта». Физик определил с помощью этой метафоры новые представления о пространстве и времени.

Метафора как реальность. Метафора заявляет себя как «темпоральная структура» [Амелин, 1994: 267—268], способная управлять временем понимания предмета и его осознания.

Язык как философская категория относится к неконтролируемой сфере сознания. Высказываться не означает осознать высказываемое. Сознание может быть понято в языке и через язык как состояние. Особенностью этой интерпретирующей коммуникации является соотнесение состояний понимания через изображение не фиксируемых материально планов и умозрительных конструкций. Они даются как точки/события участников диалога. При этом диалог может касаться любых сфер человеческой жизни. Футурологи говорят, что нам не избежать диалога с инопланетными цивилизациями. Метафора может неосознанно выдавать отношение к предмету на языке высокой абстракции, т. е. схваченного смысла. Тогда диалог с инопланетянами как *мета-форма* будет полон смысла.

В словах, текстах, движениях возникает самостоятельная реальность, взаимодействующая с другими: мысленным (воображаемым) оформлением сцены,

сюжетом, сценарием. Эти конструкции или способы организации осознанного понимания позволяют соединять в единое целое вещественные и невещественные (например, эмоции) конструкции высказываний. Язык метафоры может выдавать желаемое за действительное. Так, например, метафора «цифровая культура» может вообще не содержать обобщений человеческого интеллекта и, тем более, не способствовать его культурному развитию.

Метафора упорядочивает чувства, значения и смысл в том случае, если такой порядок попадет в зону целеполагания. Цель — это тоже форма, зависящая от ее наполнения человеческим смыслом. Но если цели нет или она слишком запакована, то и феномен, например, цифровая культура, может оказаться без смысла.

Реальность метафоризации распаковывает образ как порядок снятия запретов с изображений, которые становятся суггестивными. Метафора, улавливая сюжет высказывания (экранного, учебного или дружеского), изображает событие жизни как оно есть. Событие жизни — единица переходов чувства в значения и смыслы. Оно может выражаться бессловесно, но воздействовать своим прямым попаданием. Любое событие жизни — это метафора.

Современная эпистемологическая ситуация связана с изменением представлений о знании. Знание понимается по-разному в зависимости от трактовки бытия. XXI век принес смятение в понятие разумности и понимание бытия, зависящего от разума. Уход от натурализма в область языка, знака, значения, символа привел к смене интеллектуального инструментария. Представления, прежде казавшиеся вымыслом, теперь осознаются как знаки новой культуры. Они являются выразителями субъективных переживаний безотносительно к сознанию. Расширяются возможности понимания событий жизни. Это понимание уже не затрагивает сознание. Например, рекламный жест не воспринимается как чуждый. Он через расширение внушений становится событием в жизни человека.

Переживание получает знаковый характер, порождает картины и визуализации значений слов, утверждений, движений. Любое движение в организме (эмоции, артикуляция, мимика) может служить материалом переживания, обрести знаковое выражение. Оно может уточниться и оформиться в коммуникации в качестве естественного персонажа игры сознания.

Появление фигурных синтезов [Кант, 2018: 153] — это знаковый материал психики. Возникает дискурс выразительных форм сознания. Силу обретает воображаемый мир как вид опыта межличностной коммуникации. Даже если личности не знакомы между собой. В обществе распространилось явление «фанатов», «блогеров», «геймеров». Явление создает свой воображаемый мир, далекий от осознанности и поэтому существующий как преобладание формы над смыслом.

Каждое явление такой коммуникации показывает, как сознание испытывает себя чувственностью. Эффект этого испытания отражается в новой и несуществующей в действительности модели жизни. Тогда опыт становится доступным сознанию творца и не зависит от того, существует ли он для других людей. Метафора как форма и состояние сознания раскрывается в соотношении произносимых человеком текстов и антропологического контекста опыта понимания, а также его перевода в изображение — структуру осознания своей модели жизни. Преимущества метафоры как формы знания состоят в открытии значений

средствами их переживания и сокрытия смысла средствами его изображения в создании воображаемого мира.

Вместо заключения. Используя современные тенденции когнитивной практики, можно назвать устойчивые базовые формы метафоризации как феноменологического познания.

Во-первых, это *конструирование* сознанием *возможных миров* как миров знаков, смыслов и символов. Активная сторона сознания связана с воображением и стадиями творческого процесса исследования мира как нового при возникновении метафор как мыслительных образов, готовящих сознание к неустанному эксперименту по нахождению в прошлом и созданию новых смыслов в настоящем/будущем.

Во-вторых, работа творческого воображения как состояния сознания связана с *проживанием или конструированием высоких абстракций*, не связанных с действительностью, но гарантирующих наличие человеческих ценностей, их игнорирование или экзгумацию.

В-третьих, метафора порождает визуальные картины смысла, который можно мгновенно схватить и прояснить, минуя лабиринты литературного или интеллектуального поиска.

Метафоризация сродни концептуализации продуктов человеческого воображения, так как является в переводе с латыни *conceptus* (концепцией) — зачатком, источником мгновенного схватывания смыслов с интуитивным избеганием сложной операции объяснения истоков творчества.

Основой метафоризации сознания является его творческое состояние соотнесения формы и смысла: либо смысл побеждает форму, либо форма побеждает смысл. В первом случае побеждают идеи Просвещения, во втором — Постмодернизма.

Библиографический список / References

- Амелин Г. Метафора как темпоральная структура // Логос. 1994. № 5. С. 267—268.
(Amelin G. Metaphor as a temporal structure, *Logos*, 1994, no. 5, pp. 267—268. — In Russ.)
- Гуссерль Э. Идея феноменологии // Ступени. 1992. № 2 (5). С. 139—164.
(Husserl E. The idea of phenomenology, *Steps*, 1992, no. 2 (5), pp. 139—164. — In Russ.)
- Гумницкий Г. Н. Вера в свете разума // Здравый смысл. 2006. № 2 (39). С. 130—138.
(Gumnitsky G. N. Faith in the light of reason, *Common Sense*, 2006, no. 2 (39), pp. 130—138. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 768 с.
(Kant I. *Critique of pure reason*, St. Petersburg, 2018, 768 p. — In Russ.)
- Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46—57.
(Kasavin I. T. Knowledge and communication: towards contemporary discussions in analytical philosophy, *Questions of philosophy*, 2013, no. 6, pp. 46—57. — In Russ.)
- Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193—201.
(Knyazeva E. N. Transdisciplinary research strategies, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 10 (112), pp. 193—201. — In Russ.)

- Лекторский В. А. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 885—887.
(Lektorsky V. A. Consciousness, in *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, Moscow, 2009, pp. 885—887. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994. 716 с.
(Losev A. F. *History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*, Moscow, 1994, 716 p. — In Russ.)
- Молчанов В. И. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: Канон+, 2009. С. 887—891.
(Molchanov V. I. Consciousness, in *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, Moscow, 2009, pp. 887—891. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 68—81.
(Ortega y Gasset H. Two great metaphors, in Arutyunova N. D. (ed.) *Theory of metaphor*, Moscow, 1990, pp. 68—81. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Мудрость философа: тихая глобальность провинции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (14). С. 103—105.
(Smirnov G. S. The wisdom of a philosopher: the quiet globality of the province, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2014, iss. 2 (14), pp. 103—105. — In Russ.)
- Филатов В. П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 17—27.
(Filatov V. P. Thought experiments and a priori knowledge, *Epistemology and philosophy of science*, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 17—27. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Волкова Вера Олеговна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, г. Нижний Новгород, Россия, veravolkova@mail.ru

Volkova Vera Olegovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, г. Нижний Новгород, Россия, volki@rambler.ru

Volkov Ilya Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, volki@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 141.2:316

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.27-33

Г. И. Герасимов

СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ: ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Цель данной статьи — показать с позиций авторского идеалистического подхода к истории решающую роль человеческого сознания в создании истории как процесса изменения внешнего мира, общества и человека, а также в создании образа прошлого в форме исторического знания. Автор обосновывает положение о том, что не только человеческие общности — племена, народы, нации, цивилизации, но и человеческие неравенства — классы, социальные группы и слои создаются в результате реализации идей, лежащих в основе этих общностей и неравенств. Показано, что смена главных мировоззренческих идей приводит к изменению социальной структуры. Важнейшим инструментом творения истории является власть, которая рассматривается в статье как возможность одного человека или группы лиц реализовывать свои идеи при помощи других людей. Зафиксировано, что в основе власти лежит убеждение, а принуждение и насилие являются вторичными методами властвования. История представляется как реализованное человечеством творчество человеческого сознания, создающего новый искусственный мир — ноосферу. Историк своими специфическими методами создает образ истории, при этом главным в этом процессе является теория, факты играют подчиненную роль. Историк создает то прошлое, которого уже не существует, с помощью творчества своего сознания. До тех пор, пока сознание творит новые идеи, история будет вершиться как и объективно существующий процесс в объективном и материальном мире, так и будут создаваться новые истории как образ прошлого в идеальном мире человеческого сознания.

Ключевые слова: сознание, творчество, история, идеалистический подход к истории, идеи, общество и власть в истории

Ссылка для цитирования: Герасимов Г. И. Сознание как проблема истории: идеалистический подход // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 27—33.

Original article

G. I. Gerasimov

CONSCIOUSNESS AS A PROBLEM OF HISTORY: AN IDEALISTIC APPROACH

Abstract. The purpose of this article, from the standpoint of the author's idealistic approach to history, is to show the decisive role of human consciousness in the creation of history as a process of changing the external world, society and man, as well as in creating an image of the past in the form of historical knowledge. The author substantiates the position that not only human communities — tribes, peoples, nations, civilizations; but also human inequalities —

© Герасимов Г. И., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 27—33 •

classes, social groups and strata are created as a result of the implementation of the ideas that underlie these communities and inequalities. A change in the main ideological ideas leads to a change in the social structure. Human consciousness creates ideas that shape society and change it in the course of historical development. The most important tool for creating history is power, which is considered in the article as the ability of one person or group of people to realize their ideas with the help of other people. Power is based on persuasion; coercion and violence are secondary methods of power. Ideas create not only human societies, states and power, but also culture. History is the creativity of human consciousness realized by humanity, creating a new artificial world — the noosphere. The historian, with his specific methods, creates an image of history, while the main thing in this process is theory, facts play a subordinate role. The historian creates a past that no longer exists with the help of the creativity of his consciousness. As long as consciousness creates new ideas, history will be completed as an objectively existing process in the objective and material world, and new stories will be created as an image of the past in the ideal world of human consciousness.

Keywords: consciousness, creativity, history, idealistic approach to history, ideas, society and power in history

Citation Link: Gerasimov G. I. (2024) Consciousness as a problem of history: an idealistic approach, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 27—33.

Введение. В рамках авторского идеалистического подхода [Герасимов, 2022] сознание человека играет важнейшую роль в истории человечества как объективного процесса, так и в создании исторической наукой его образа. Идеалистический подход рассматривает человека как главную движущую силу истории и как ее создателя. Сознание — есть причина истории, понимаемой как процесс изменения общества, человека и окружающего их мира. Процесс этот объективен в том смысле, что он происходит вне человека, однако он целиком и полностью является результатом целенаправленной человеческой деятельности, в основе которой лежат идеи, созданные индивидуальным человеческим сознанием. Эти идеи создают историю, реализуясь человеком в объективном и материальном мире сначала с помощью физической силы, а затем все чаще в результате применения различного рода инструментов, механизмов, машин, роботов и иных приспособлений, во множестве созданных человеческим сознанием сначала в идеальном виде, а затем осуществленных в мире объективном.

Сознание как причины истории общества. Процесс истории — это не только изменение материального мира, но и создание человеческого общества и его развитие во времени. Человеческие общности: племена, народы, нации, цивилизации создаются не в процессе естественного развития, а в результате реализации идей, формирующих социальные идентичности, — то, что Б. Андерсон назвал «воображаемыми сообществами» [Андерсон, 2001].

В основе племенных славянских идентичностей лежали идеи общего предка или местного божка. Русский народ был создан идеей православия. Советский народ — идеей коммунизма. Многие религии, по утверждению А. Тойнби, сформировали локальные цивилизации [Тойнби, 2001]. С прекращением веры в идею, сформировавшую человеческую общность, исчезает и сама эта общность. Так, на наших глазах в одночасье исчез трехсотмиллионный советский народ, при этом многие составлявшие его люди живы, но они уже не являются членами этого великого суперэтноса, канувшего в Лету в 1991 году.

Идеи формируют не только национальные и этнические общности, но и социальные неравенства — социальные слои и группы, находящиеся на разных ступенях общественной пирамиды. Наверху ее — те, кто является носителем и защитником главных мировоззренческих идей данного общества. В христианском обществе — это православный царь, духовенство и воинство. Богатство в обществе, построенном христианством, играет второстепенную роль.

Смена идейных оснований приводит к изменению социальной структуры. Так, после краха православной Российской империи в созданном на ее руинах Советском Союзе меняется структура общества, которая формируется теперь коммунистическим мировоззрением. Поэтому в советском обществе наверху партийная номенклатура, которая хранит, развивает и реализует коммунистическую идею, а также армия и органы безопасности, которые защищают эту идею от врагов внутренних и внешних. А внизу этой пирамиды — уголовный элемент, включая разного рода богатых дельцов: теневые «цеховики» — тогдашние предприниматели, валютчики — те, кто в следующем либерально-рыночном обществе будет вознесен на самую вершину социальной пирамиды, ценности которой построены на деньгах, являющихся мерилем успешности человека. В «лихие 1990-е» годы они стали элитой и правили страной.

Сегодня в ходе специальной военной операции формируется новая социальная структура общества. В ее основание положена идея служения Родине, поэтому элитой общества должны стать те, кто обеспечивает победу на поле боя и в тылу. А прежние кумиры и властители общества, в том числе и олигархи, постепенно теряют и свою власть, и авторитет, и влияние.

Таким образом, человеческое сознание создает идеи, формирующие общество и меняющие его в ходе исторического развития.

Роль идей в создании власти и истории. Важнейшим инструментом творения истории является власть. Власть в рамках идеалистического подхода — это возможность одного человека или группы лиц реализовывать свои идеи при помощи других людей [Герасимов, 2022: 215].

Каким же образом одни люди заставляют других воплощать в жизнь их идеи? Основными методами являются убеждение, принуждение и насилие. В политической науке часто утверждается, что основным способом влияния одних людей на других является насилие. Например, К. Маркс писал: «Как известно, в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие» [Маркс, 1952: 719].

Идеалистический подход отрицает решающую роль насилия в истории. Самый физически сильный человек может принудить к действию лишь несколько человек. Для того чтобы осуществить акт насилия над большим количеством людей, ему потребуются помощники, и вот их можно привлечь на свою сторону только убеждением, поэтому в основе любой власти над большими социумами лежит, прежде всего, убеждение, которое основывается на вере в правильности тех идей, ради которых это насилие осуществляется.

Самый мощный инструмент насилия — армия, целиком и полностью держится только на убеждении. В отношении армии никакие иные структуры: полиция, государственная безопасность и т. п. применить насилие не могут — они слабее. Армия поддерживает власть до тех пор, пока верит в правильность ее идей.

Сила власти — в убедительности ее идейной основы, и как только она ослабевает, власть вынуждена применять насилие. Поэтому власть, опирающаяся на насилие, как утверждает Э. Тоффлер, — это низкокачественная власть. Он пишет: «Насилие может быть использовано лишь для наказания. Если быть кратким, оно — низкокачественная власть» [Тоффлер, 2003: 37]. В связке «идея — власть» первична именно идея, поскольку она рождает власть, сама же власть идей не производит.

Власть есть и величайшее благо, и величайшая беда человеческой истории. Благодаря власти, идеи одного слабого человека усилиями тысяч и миллионов подвластных ему людей преобразуют лик земли, строят города и дороги, осваивают новые пространства на земле, на воде, а сегодня — и в космосе. Но одновременно власть и самая страшная сила в истории. Она разрушает построенные города и дороги, уничтожает созданные людьми государства, общества и культурные ценности. И в основе как созидания, так и разрушения лежат идеи, созданные человеческим сознанием, и в этом отношении власть — это универсальный инструмент, созданный человеком. Во благо или во зло он будет применен тоже зависит только от тех идей, которыми руководствуются власть держащие.

Особо хотелось бы выделить творческую роль власти в истории. Именно власть позволяет реализовывать, казалось бы, невозможные проекты: выход человека в космос, создание военного и мирного атома, организацию нормальной жизни там, где она невозможна: на крайнем Севере, на воде и под водой, в космосе и под землей. Нет у человечества силы большей, чем сила власти, но в ее основе лежала, лежит и будет лежать бестелесная невесомая субстанция — человеческая мысль — идея, рожденная сознанием.

Сознание, создающее культуру. Идеи создают не только человеческие общества, государства и власть. Все, что создано человеком, — есть реализация идей, сформированных сознанием. Огромная сила денег и мощь промышленности — результат реализации человеческих идей. Великие произведения науки, культуры и искусства, строгая красота логики и математики — результат реализации человеческих идей. С этих позиций можно однозначно заявить, что вся история человеческой культуры — это реализация идей, созданных человеческим сознанием. История — это реализованное человечеством творчество человеческого сознания, создающего новый искусственный мир — ноосферу (ср. [Смирнов Г., Смирнов Д., 2012; Смирнов Г., Смирнов Д., 2017]).

Создание историками образа прошлого. Человек два раза создает историю: сначала как реальный процесс изменения внешнего мира, общества и человека, а затем — как его образ. Поэтому следующая часть текста посвящена обоснованию ведущей роли сознания в создании истории как образа прошлого.

Особенностью истории, в отличие от естественных наук, является то, что она не имеет в реальности объекта исследования. То прошлое, которое она изучает и описывает, в настоящем уже не существует, его нет, оно кануло в Лету. Поэтому история как образ прошлого может существовать только в идеальном виде в сознании человека. В книгах, написанных историками, нет прошлого, — там только черные буквы на белой бумаге, и образ прошлого эти символы создают только в сознании человека. На фотографии или киноленте, экране монитора тоже нет прошлого, на них лишь сочетание черных, белых и цветных точек, которые образом прошлого становятся только в человеческом сознании. Столе-

тиями историки были уверены, что прошлое хранится в архивах и библиотеках. Однако его там нет, и по вашему требованию никто не выдаст прошлого — только листы бумаг в папочках или переплетах. Прошлое в актуальном состоянии существует только в человеческом сознании.

Как же историк создает то прошлое, которое уже не существует? Только с помощью творчества своего сознания. Историк не столько изучает историю, сколько творит ее. Именно поэтому истории у разных историков столь отличны друг от друга. Вы не найдете две одинаковые истории — они все разные, в отличие от формул математических, физических, химических и прочих естественных и технических наук.

Для создания истории нужны две составляющие — это теория как идеальное представление о том, что произошло, и факты, которые подтверждают это представление. При этом считается, что главное — это факты, однако в реальном процессе историописания главную роль играет теория [Герасимов Г., Герасимов А., 2021].

Возьмем для примера Новую и Новейшую истории. От них осталось очень много фактов. Однако сами по себе они мало что дают историку, пока соответствующим образом не отобраны, не выстроены в определенном порядке и объяснены. И вот этот процесс отбора, выстраивания и интерпретации фактов проводится с помощью теории. Без нее он невозможен.

Долгое время в науке существовало убеждение, что теория выводится из фактов, однако сегодня это считается заблуждением. Например, Галилей, когда бросал тяжелые и легкие шары с башни, уже имел в своем сознании гипотезу о том, что и тяжелые, и легкие будут падать с одинаковой скоростью. Без этой гипотезы он никогда бы на эту башню не полез. Эксперимент ему был нужен для подтверждения теории. В фактах нет теории, они могут либо подтверждать предшествующую им теорию в виде гипотезы, либо опровергать ее. Без теории невозможна никакая наука. Идея в виде гипотезы всегда предшествует опыту и определяет его.

То же самое мы имеем и в истории. Историк всегда имеет какое-то идеальное представление о прошлом, и либо он его подтверждает историческими фактами, либо опровергает. Однако, в отличие от естественных наук, в истории всегда есть много фактов как подтверждающих теорию, так и опровергающих ее. Только в Древней истории один факт может изменить историю, потому что их очень мало. В Новой и, тем более, Новейшей истории можно подобрать факты под любую теорию. Например, есть много фактически обоснованных книг о том, что земную цивилизацию основали инопланетяне и они же руководят нашей историей. Академик РАН А. Т. Фоменко [Носовский, Фоменко, 1998] математически обосновал, что вся современная история фальсифицирована, и создал истинную.

Мне возразят, что это ненаучная история. И здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой истории, которая заключается в том, что в исторической науке, в отличие от естествознания, невозможно постижение корреспондентской истины как соответствие знания объекту исследования, поскольку последнего в реальности нет. Есть лишь субъективные свидетельства о нем, прошедшие, в лучшем случае, через одно сознание свидетеля исторического события — такие свидетельства называются первоисточниками. Поэтому истина в истории может быть только консенсусная или конвенциональная. То есть ее устанавливает

сообщество ученых. Правда, у разных сообществ почему-то своя истина, но обязательно научная.

Истина дореволюционных историков была отвергнута сообществом историков-марксистов. Впрочем, в годы перестройки их истина тоже была объявлена ложью уже новыми либеральными учеными, истории которых сегодня, в свою очередь, объявляются очернением российского и советского прошлого. И этот процесс неостановим, поскольку он есть результат идейного творчества человеческого сознания, пока оно работает, истории будут меняться. Когда образ прошлого зафиксирован навсегда, тогда мы постигнем единую истину, которая будет результатом остановки деятельности человеческого сознания.

До тех пор, пока сознание творит новые идеи, история будет вершиться и как объективно существующий процесс в объективном и материальном мире, так и будут создаваться новые истории как образ прошлого в идеальном мире человеческого сознания. И первую, и вторую историю создает человеческое сознание — именно поэтому оно есть причина и двигатель исторического развития общества и человека.

Библиографический список / References

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.
(Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*, Moscow, 2001, 288 p. — In Russ.)
- Герасимов Г. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. Екатеринбург: Издательские решения, 2022. 342 с.
(Gerasimov G. *Idealistic approach to history: theory, methodology, concepts*, Ekaterinburg, 2022, 342 p. — In Russ.)
- Герасимов Г. И., Герасимов А. В. Количественно-качественный анализ структуры исторического текста // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 1—24.
(Gerasimov G. I., Gerasimov A. V. Quantitative and qualitative analysis of the structure of a historical text, *Genesis: historical research*, 2021, no. 6, pp. 1—24. — In Russ.)
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1952. 794 с.
(Marx K. *Capital. Critique of political economy*, vol. 1, Moscow, 1952, 794 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Hypostases of noospheric history, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)
- Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Введение в новую хронологию (Какой сейчас век?). М.: Крафт+: ЛЕАН, 1999. 488 с.
(Nosovsky G. V., Fomenko A. T. *Introduction to the new chronology (What century is it now?)*, Moscow, 1999, 488 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Устойчивое развитие, глобальное сознание и ноосферная история // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3 (10). С. 76—82.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Sustainable development, global consciousness and noospheric history, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2017, no. 3 (10), pp. 76—82. — In Russ.)

Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.

(Toynbee A. J. *Understanding history. Collection*, Moscow, 2001, 640 p. — In Russ.)

Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 669 с.

(Toffler E. *Metamorphoses of power*, Moscow, 2003, 669 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Герасимов Григорий Иванович — доктор исторических наук, доцент, научный консультант, Тульский государственный музей оружия, г. Тула, Россия, ggi1957@mail.ru

Gerasimov Grigory Ivanovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Scientific Consultant, Tula State Arms Museum, Tula, Russian Federation, ggi1957@mail.ru

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 008:316.72

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.34-40

В. С. Данилова, Н. Н. Кожевников

СОЦИОПРИРОДНЫЕ «ХАРТЛЕНДЫ» И ГОСУДАРСТВА-ЛИДЕРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ КОСМОПЛАНЕТАРИЗМА

Аннотация. Социоприродные «хартленды» и государства-лидеры рассмотрены в качестве структурных элементов космопланетаризма и ноосферогенеза и в качестве ключевых подсистем человечества, обеспечивших его формирование и развитие. Предлагается описание таких хартлендов как «плавильных котлов», где взаимодействовали многие десятки этносов, большинство из которых исчезли безвозвратно, другие сохранились в качестве реликтов, найдя убежище в горах или сплавившись по сибирским рекам далеко на север. Показано, что возникновение и существование великих цивилизаций Египта, Месопотамии, Индии, Китая, а также этносов и государств Великой степи обусловлено «вызовами и ответами», опорой на великие реки Евразии и севера Африки. Их основание обычно было связано с религиозно-философским ядром, охраняемым жрецами или волхвами. Зафиксировано, что государства-лидеры действовали в эпоху, когда возникли планетарные масштабы взаимодействий, появились новые виды коммуникаций, произошло резкое ускорение скорости взаимодействий между отдельными государствами и цивилизациями в целом. Установлена связь с развитием междисциплинарной методологии, наук биосферного, ноосферного классов и экологического мировоззрения. Обосновано, что государства-лидеры сыграли роль катализаторов истории на исходе эпохи Возрождения и в Новое время.

Ключевые слова: вызов-ответ, ноосферогенез, социоприродный «хартленд», цивилизационная геополитика, планетарная коммуникация, ноосферно-экологическое мировоззрение

Ссылка для цитирования: Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Социоприродные «хартленды» и государства-лидеры цивилизационного развития в контексте космопланетаризма // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 34—40.

Original article

V. S. Danilova, N. N. Kozhevnikov

SOCIO-NATURAL “HEARTLANDS” AND LEADING STATES OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF COSMOPLAETERISM

Abstract. Socio-natural “heartlands” and leading states are considered as structural elements of cosmoplanetarism and noospherogenesis and as key subsystems of humanity that ensured its formation and development. A description of such heartlands as “melting pots” is offered, where many dozens of ethnic groups interacted, most of which disappeared irretrievably,

while others survived as relics, finding refuge in the mountains or floating down Siberian rivers far to the north. It is shown that the emergence and existence of the great civilizations of Egypt, Mesopotamia, India, China, as well as the ethnic groups and states of the Great Steppe, are determined by “challenges and responses”, relying on the great rivers of Eurasia and North Africa. Their foundation was usually associated with a religious and philosophical core, guarded by priests or sorcerers. It is established that the leading states acted in the era when planetary scales of interactions emerged, new types of communications appeared, and the speed of interactions between individual states and civilizations as a whole sharply accelerated. A connection with the development of interdisciplinary methodology, sciences of the biospheric, noospheric classes and ecological worldview is established. It is substantiated that the leading states played the role of catalysts of history at the end of the Renaissance and in the New Age.

Keywords: challenge-response, noospherogenesis, socio-natural “heartland”, civilizational geopolitics, planetary communication, noospheric-ecological worldview

Citation Link: Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. (2024) Socio-natural “heartlands” and states-leaders of civilizational development in the context of cosmoplanetarism, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 34—40.

Постановка проблемы, ее актуальность, новизна. Рассмотрим два ключевых направления в развитии земной цивилизации, которые могут считаться ее космопланетарными феноменами. Это социоприродные «хартленды» и государства, которые на определенных этапах развития цивилизации играли роль их лидеров. Сначала перечислим, а затем выявим две базовые характерные черты этих феноменов.

Социоприродные «хартленды» возникали естественным путем вследствие самоорганизации природных и социальных процессов. Они существовали в различные эпохи, на различных континентах, оказав существенное воздействие на развитие цивилизации. Возможные легендарные цивилизации (Атлантида, Лемурия) мы не рассматриваем ввиду отсутствия репрезентативных данных их наличия. В Древнем мире к таким «хартлендам» следует отнести великие цивилизации Египта, Месопотамии, Индии, Китая. В это же время начала формироваться культура народов Великой степи. В эпоху Античности достигли своего расцвета государства вокруг Средиземного моря: в Малой Азии, на Ближнем Востоке, в Карфагене. Затем все это было частично объединено Древней Грецией (Эллинистический мир), а затем уже в полном объеме Древним Римом. Далее эстафету принимает арабское государство, а уже затем Европейские страны.

В эпоху Возрождения и в Новое время начинает формироваться целостный взгляд на планету Земля. Эту эпоху не совсем корректно называют «Эпохой Великих географических открытий», хотя многие регионы мира были давно идентифицированы проживавшими там народами, и такое название соответствует европоцентризму. В это время появляются государства-лидеры планетарного масштаба: Португалия, Нидерланды, Великобритания, США.

Социоприродные «хартленды» и их значение для эволюции человечества. Возникновение и существование великих цивилизаций Египта, Месопотамии, Индии, Китая, а также этносов и государств Великой степи обусловлены разными причинами. Среди них выделим онтологические — это, следуя А. Тойнби, социоприродные вызовы и ответы [Тойнби, 2003: 113]; их речной характер (все они связаны с великими реками Евразии и севера Африки); взаимодействия, всегда существовавшие между ними; и гносеологические — религиозное,

частично философское ядро, охраняемое жрецами, волхвами и определившее их основание.

Социоприродные вызовы и ответы связаны с тем, что в процессе своего формирования все эти цивилизации столкнулись со значительными трудностями. Дельта Нила была сильно заболочена, и требовались огромные усилия, чтобы сделать из нее производительные сельскохозяйственные пастбища и поля. Египет расположен несколько на отшибе от других центров средиземноморской цивилизации, и завоевания чужеземцев коснулись его частично, не приводя к разрушению основных социально-культурных структур. Месопотамия (Двуречье — междуречье между Тигром и Евфратом в Передней Азии) было местом, где сменилось много цивилизаций: Шумер, Аккад, Вавилонское царство, Ассирийская держава, Ново-Вавилонское царство, персидская монархия Ахеменидов, держава Александра Македонского, государства Селевкидов, Парфянские царства, арабские халифаты и т. п. Однако везде были свои волхвы, которые определяли основы государственности и способствовали развитию региона. Проблемы Древней Индии заключались во взаимодействии миграционных потоков арийцев, пришедших из центральной Европы с автохтонными народами этого субконтинента. Древний Китай также испытал разрушительные нашествия северных племен, от которых пытался всячески отгородиться. Великая степь является «сердцем» всего Евразийского суперконтинента [Гумилев, 1993а]: «Расположенная между Уссури и Дунаем, а также между сибирской тайгой и горными хребтами, она делится на две непохожие друг на друга части, радикально отличающиеся друг от друга климатом. В Восточной части скот круглый год обеспечен кормом, что явилось основой могущества держав хуннов, тюрков, уйгуров и монголов» [Гумилев, 1993б: 338]. Государство хуннов существовало с III в. до н.э. вплоть до середины II в. Затем возникли держава тюрков и империя монголов Чингисхана. История Срединной Азии не может быть нами понята, если мы не учтем двух разрывов традиции: между хунну и тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингисхана» [там же: 338]. Государственное устройство кочевых народов Великой степи опиралось на два принципа: военная храбрость и безусловная верность. Однако самое главное культурное достижение этих народов — посредничество между Китаем, Ираном, Индией, Византией, Россией и многими другими этносами, населявшими пространство Евразии.

Далее начинается эпоха государств, ориентированных на универсализацию всех сторон их жизни. Осевое время сделало таковыми государства Древнего Китая, Индии, Ближнего Востока. Именно здесь возникли мировые религии. В Древней Греции произошли революции, породившие философию, элементы наук, высокие литературу, искусство и другие достижения человеческого духа. Арабский мир стал лидером мировой цивилизации между VIII и XIII веками. Он принял эстафету у Античности и затем передал ее Европе, преодолевшей свое варварство и начавший процессы универсализации в эпоху Возрождения и в Новое время. Они охватили искусство, науку, литературу, философию, технику (инструментарий, затем технологии) и многое другое.

Связь этих цивилизаций с великими реками лучше всего выражена в концепции Л. И. Мечникова [Мечников, 2024], гарибальдийца, брата знаменитого российского ученого, нобелевского лауреата И. И. Мечникова. Он рассматривает четыре уровня эволюции цивилизации: озерная, речная, морская, океаническая. Здесь имеется четкий космопланетарный, связанный с ноосферой фактор.

Три последних уровня активизируют торговлю, коммуникации, которые становились катализаторами развития цивилизации в свои эпохи, резко его ускоряя.

Между всеми этими цивилизациями существовали взаимодействия, к которым следует отнести Великий шелковый путь и плавания вдоль берегов Индийского океана, освоенные в глубокой древности задолго до разведывательных экспедиций в других океанах. Великая степь оказала влияние на развитие планеты и человечества в целом, соединив различные культуры, сделав их взаимодействие устойчивым, обеспечив помимо синхронии посредством реликтовых культур еще и их диахронию [Данилова, Кожевников, 2019].

Жреческая (чиновничья, военная) каста сплавляла общество и направляла его развитие. Эту функцию выполняли жрецы Древнего Египта, волхвы Передней Азии, касты жрецов и воинов в Древней Индии, мандарины (военные и штатские) в Китае. Жрецы обладали огромными рецептурно-технологическими знаниями. Это был уровень донаучного знания, но он позволял оптимально орошать огромные территории, проводить размежевание земли, строить дворцы, храмы, пирамиды, эффективно лечить многие болезни. Такое знание было вплетено в религиозно-мифологические системы, содержало элементы мистики, позволяя тем не менее управлять народными массами. Военное и штатское управление также было эффективным через строжайший отбор кадров (разносторонние экзамены, строгую дисциплину) и т. п.

Космопланетарные масштабы и феномены государств-лидеров Нового времени. Характерными чертами этих феноменов являются онтологические особенности: планетарные масштабы взаимодействий; появление новых видов коммуникаций, их выход в атмосферу, космос и т. п.; резкое ускорение скорости взаимодействий между отдельными государствами и цивилизациями в целом. Гносеологические характерные черты: развитие междисциплинарной методологии; развитие наук биосферного, ноосферного классов и экологического мировоззрения.

Первым государством-лидером Нового времени, начавшим свою деятельность еще в эпоху Возрождения, оказалась Португалия (вторая половина XV — вторая половина XVI вв.). Спусковым крючком этого явления явились усилия принца и великого магистра военного ордена Христа Генриха Мореплавателя. Орден был португальским преемником ордена тамплиеров и располагал значительными ресурсами, которые Генрих вкладывал в организацию путешествий на юг вдоль побережья Африки. Со временем португальцы обогнули южную оконечность Африки и двинулись вдоль восточного побережья континента, которое было уже колонизировано арабами, на север; плавать там было проще, но возникли значительные политические трудности. В итоге португальцы проникли на западное побережье Индии. Вторым прорывом было открытие Колумбом Американского континента. Испания в этой иерархии лидеров была государством номер два, так что папа Римский даже провел на глобусе разделительную линию, «закрепив» Восточное полушарие за Португалией, а Западное — за Испанией. У Португалии для продолжения колонизаторской экспансии не хватило экономических мощностей, но у других стран она была. Между серединой XVI и серединой XVII века лидерство переходит к Нидерландам на основе других коммуникационных механизмов, основными из которых являются демократические свободы, возможность издавать книги. Здесь произошла первая буржуазная революция, сюда переезжали философы, здесь они издавали книги, запрещенные

в других странах (Декарт, Спиноза и др.). Начиная с 1688 года (вторая «славная» буржуазная революция) и по конец Первой мировой войны государством-лидером становится Англия. Этот феномен также связан с вызовом и ответом. Испания, Франция были в то время сильнее, но создание могучего флота, его проникновение во все уголки земного шара, развитие промышленности и торговли — вот объяснение этому чуду. После Первой мировой войны и вплоть по настоящее время лидерством обладают США, которые опираются на передовые научные технологии и принципиально новые средства коммуникаций.

Планетарные масштабы взаимодействий способствовали формированию ноосферы [Смирнов, 2017], поскольку были установлены устойчивые коммуникации между важнейшими регионами планеты, а затем и всеми ими без исключения. «Белые пятна» уже не влияли на идентификацию земного шара, поскольку были «оконтурены» и географически и посредством различных видов коммуникаций.

Появление новых видов коммуникаций связано с резким изменением транспортных сосудов: самолетов, другой воздушной и наземной техники, трубопроводного и морского транспорта, СМИ, телефонии и т. п. Здесь опорой стала четвертая информационная революция — развитие электрических и электронных средств связи. Лидерство США опирается на пятую (персональный компьютер и Интернет) и шестую (формирование культурных, финансово-экономических и других планетарных сетей) информационные революции.

Скорости взаимодействий между отдельными субъектами цивилизациями сделало информацию основной ценностью современности. Модели персонального компьютера до недавнего времени каждые полтора года в два раза увеличивали свои мощности, появилось множество вспомогательных устройств. Все регионы земного шара мгновенно обмениваются любыми видами информации.

Развитие междисциплинарной методологии включает в себя перенос методов из одних наук в другие, в том числе из естественных в гуманитарные и наоборот. Это, например, использование хронотопа, исследованного в физиологии, М. М. Бахтиным в литературоведении, идей кибернетики второго порядка Н. Луманом и теории систем Т. Парсонсом в социологии, герменевтика, примененная П. Рикером в феноменологии. Сюда также могут быть отнесены универсалистские идеи А. Наэсса в глубинной экологии, Л. Н. Гумилева в этногенезе и многое другое. Использование системных, синергетических, кибернетических, экологических подходов к исследованию культурных артефактов, этнических целостностей, культурных традиций оказывается возможным и достаточно обоснованным.

Экологическое мировоззрение, опирающееся на науки биосферного и ноосферного классов, получает все более широкое распространение в окружающем мире [Смирнов, 2003]. И это несмотря на темпы современного мира, на все его противоречия. Все большее число людей на планете осознают, что иначе нам не выжить, причем это отношение опирается на идеи как поверхностной, так и глубинной экологии. Когда-то планета Земля сама себя очищала, ручьи, реки сносили все отходы в океан, там все это попадало через глубоководные впадины в мантию, а затем посредством интрузии, эффузии снова оказывалось на поверхности Земли. То есть все отходы жизнедеятельности людей, их домашнего скота были включены в общий круговорот Природы. Сейчас ситуация гораздо сложнее, более четырех тысяч веществ природой не разлагаются

и если человек радикально здесь не поможет, то случится космопланетарная катастрофа.

Человек должен стремиться стать «ноосферной личностью» — целостной тотальностью, изоморфной всему ноосферному человечеству, способной включаться в процессы, происходящие внутри ноосферы, оптимизирующей потоки энергии, вещества, информации в его пределах. Именная «ноосферная личность» способна ощутить ритмы ноосферы и направить в соответствии с ними свое развитие [Меликян, 2016]. Все перечисленные выше хартленды, государства-лидеры — яркие космопланетарные феномены, исследование которых имеет фундаментальное значение для дальнейшего развития человечества в контексте ноосферы.

Заключение. Рассмотренные выше космопланетарные феномены возникли не случайно. Процесс самоорганизации социальных и природных систем предполагает устойчивые и оптимальные образования. Развитие идет через устойчивые элементы и структуры. Они могли бы быть и другими, но возникли именно эти, что обусловлено многими причинами, в том числе и случайными.

Описанные выше элементы и процессы нуждаются в философском осмыслении связанных с ними явлений. Никакой специализированный подход (исторический, этнографический, социологический и т. п.), как бы он ни был глубок, не может обеспечить универсалистского исследования этих проблем, но это может сделать подход философский, ориентированный на универсальность и предельные динамические равновесия.

Библиографический список / References

- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К», 1993а. 527 с.
(Gumilyov L. N. *Ancient Turks*, Moscow, 1993, 527 p. — In Russ.)
- Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и К, 1993b. 336 с.
(Gumilyov L. N. *A millennium around the Caspian Sea*, Moscow, 1993, 336 p. — In Russ.)
- Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Философские исследования текстов олонхо. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2019. 176 с.
(Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. *Philosophical studies of olonkho texts*, Yakutsk, 2019, 176 p. — In Russ.)
- Меликян М. А. Совершенный человек и ноосфера: личностно-персоналистическая репрезентация человеческой революции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
(Melikyan M. A. *The perfect man and the noosphere: personal-personalistic representation of the human revolution*, Ivanovo, 2016, 200 p. — In Russ.)
- Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Юрайт, 2024. 217 с.
(Mechnikov L. I. *Civilization and great historical rivers*, Moscow, 2024, 217 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 1. С. 57—64.
(Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, no. 1, pp. 57—64. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: local mobius global*, Ivanovo, 2017, 416 p. — In Russ.)

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 640 с.
(Toynbee A. J. *Understanding history*, Moscow, 2003, 640 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkozhe@gmail.com

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkozhe@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья

УДК 111:821.161.1.09-1"18/19"

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.41-47

Н. П. Крохина

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ (НООСФЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК) В ОТРАЖЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ XX—XXI ВЕКОВ

Аннотация. Речь идет о неомифологическом расширении художественного сознания в литературе XX—XXI веков. Автор обращается к поэтике всеединства в поэзии Серебряного века и более подробно анализирует эту поэтику на примере романа-реки. Определяются специфические черты новой жанровой формы. Роман-река предстает как роман потока сознания или потока жизни. Дается анализ эпопеи Ромена Роллана о Жане-Кристофе как итоговом произведении для новоевропейской культуры. Черты романа-реки выявляются в ряде отечественных романов XX—XXI веков.

Ключевые слова: неомифологизм, целое, поэтика всеединства, новый образ человека, роман-река, поток жизни

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. Трансформации сознания (ноосферный человек) в отражениях литературы XX—XXI веков // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 41—47.

Original article

N. P. Krokhina

TRANSFORMATIONS OF CONSCIOUSNESS (NOOSPHERIC HUMAN) IN THE REFLECTIONS OF THE LITERATURE OF THE XX—XXI CENTURIES

Abstract. We are talking about the neo-mythological expansion of artistic consciousness in the literature of the XX-XXI centuries. The author turns to the poetics of unity in the poetry of the Silver Age and analyzes this poetics of unity in more detail using the example of the river novel. The specific features of the new genre form are determined. The river novel appears as a novel of the stream of consciousness or the stream of life. The analysis of Romain Rolland's epic about Jean-Christophe as the final work for the New European culture is given. The features of the river novel are revealed in a number of Russian novels of the XX—XXI centuries.

Keywords: neo-mythologism, the whole, the poetics of unity, a new image of a person, the novel is a river, a stream of life

Citation Link: Krokhina N. P. (2024) Transformations of consciousness (noospheric human) in the reflections of the literature of the XX—XXI centuries, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 41—47.

© Крохина Н. П., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 41—47 •

Литература XX века отразила разрушительные трансформации сознания: формирование общества потребления, исследование тоталитарного и утопического мировоззрения. С другой стороны, это век невиданного расширения сферы человеческого духа. Итогом эпохи символизма явился неомифологизм — мировое сознание, о чем, в частности, писал Вяч. Иванов в работе 1919 года «Кручи». Размышляя о кризисе гуманизма и морфологии современной культуры, он видит в ней приметы — «первые щупальцы нарождающегося сознания, потянувшиеся за предельную черту человеческого как индивидуального» [Иванов, 1994с: 110]. Это новое сознание он называет неомифологическим. «Для этого нового зачатия человек должен так раздвинуть грани своего сознания в целое, что прежняя мера человеческого [гуманизм] будет казаться ему тесным коконом» [там же: 106]. Также называет его неорегионизмом — утверждающим опыт «вселенской связи» [там же: 110]. О религии как «чувствовании связи всего сущего» Иванов писал ранее в своей программной работе «Две стихии в современном символизме» [Иванов, 1994а: 143], выступая преемником соловьевской философии всеединства.

Наследием Вл. Соловьева является не только философия всеединства, но и поэтика всеединства. Поэзия Вл. Соловьева как отражение его религиозно-философских исканий вносит совершенно новые мотивы в историю русской поэзии, которые нашли законченное и развернутое воплощение у его последователей и продолжателей — поэтов-символистов. Переживание зорь, пафос мирового обновления были общими мотивами в нашей поэзии начала XX века: А. Блок «Стихи о Прекрасной Даме», А. Белый «Золото в лазури», Вяч. Иванов «Прозрачность», К. Бальмонт «Будем как Солнце». Отблесками этого порыва питалось и творчество постсимволистов: О. Мандельштам «Камень», Б. Пастернак «Сестра моя — жизнь». Стремление к целому порождает мифопоэтическое мировосприятие, сочетание в индивидуальной мифологии поэта различных мифологических традиций и архетипов, связанный с именем Соловьева поиск социально-активного, жизненно-действенного христианства, органическое ощущение божественной, всеединящей основы мира — «существования ткань сквозная» (словами Б. Пастернака [Пастернак, т. 1, 1990: 411]), в которой все сочетается и взаимопроникает. Мир — единое целое. «Я постиг сокровенную суть бытия... Мне явилась истинная реальность», — размышляет герой Д. Фаулза, — которая «пребывала в вечном взаимодействии... Крайности сливались» [Фаулз, 2015: 300]. Способность поэта прозревать сущность вещей и связи всего сущего Д. Джойс называл эпифаниями, Вяч. Иванов и А. Белый вслед за Вл. Соловьевым — теургией, Р. М. Рильке — орфическим началом поэзии, столь близким и Мандельштаму: «О, широкий ветер Орфея, / Ты уйдёшь в морские края — / И, несозданный мир лелея, / Я забыл ненужное «я» («Отчего душа так певуча...») [Мандельштам, 1990: 76]. Связь предзадана вещам, и ее прозревает поэт-медий (с его ненужным «я»), проникающий в эйдосы вещей. Ранняя поэзия Мандельштама обращена к первоосновам жизни, космическому всеединящему эросу вещей, когда еще не родилась сама Афродита, его персонификация: «Она ещё не родилась, / Она и музыка и слово, / И потому всего живого / Ненарушаемая связь» [там же: 70]. Поэт восстанавливает первоначальную связь всего. Рождается новая, архетипическая мера человеческого. Миф, выходя за пределы своего времени, обращает к архетипам.

Движение литературы к новому образу человека в его разных ипостасях — движение к антропокосмизму, диалогической и холистической антропо-

логии реализует то качество, которое увидел в героях Ф. М. Достоевского Вяч. Иванов: «Личность для Достоевского антиномична, — не только вследствие противоречивой сложности своего внутреннего состава, но и потому, что она одновременно и отделена от других личностей, и со всеми ими непостижимо слита; ее границы неопределимы и таинственны» [Иванов, 1994b: 307]. Этот новый целостный — ноосферный человек заявляет о себе и в современном романном мышлении. Начало XX века — время рождения новых жанровых форм. Мифологема жизни в ее изменчивости, непредсказуемости — главная мифологема эпохи романтизма. Мифологема бесконечности жизни, которая расцветает снова и снова, связуя поколения, претворяя дисгармонию в гармонию, появляется уже в романе XIX века («Грозовой перевал» Э. Бронте, «Жизнь» Мопассана) и порождает на рубеже XIX—XX веков новый жанр — роман-река. Так в конечном счете определяет свой «музыкальный роман»-симфонию о Жане-Кристофе Ромен Роллан. Роман-река связан с романтической традицией и мощно выражает дух нового идеализма, характерный для эпохи символизма — рубежа XIX—XX веков. Французская литература начала XX века создает две версии романа-реки. Версия Р. Роллана — роман о потоке жизни. Версия М. Пруста — роман потока сознания, в котором мир сознания становится высшей и единственной реальностью. Лирическая эпопея М. Пруста — классика модернизма. Эпопея Роллана — итоговое произведение для новоевропейской культуры. Но сближает две эпопеи обращение к миру сознания, жизни внутренней, творческой и ее закономерностям, важнейшая из которых — понимание этой внутренней жизни как «выхода из времени в вечность» [Гарин, 2002: 617]. К этому бытийному измерению обращена знаменитая ассоциативная память эпопеи Пруста, и это же бытийное измерение придает символизм главному герою эпопеи Р. Ромена, создававшего миф о новом человеке и верившего в него.

Роман-река — это роман потока сознания или потока жизни. Мифологема жизни соединяет жизнь человека с природными ритмами и явлениями, жизнью поколений. Человек в этом непредсказуемом потоке становления предстает частью целого. Отсюда несокрушимая жизненная сила героя Роллана. И исследование сознания у Пруста, и мифологема жизни у Роллана обращены к постижению бессознательных истоков жизни и сознания. Роман о душе неизбежно обращен к иррациональным началам души. Это роман о художнике, творческом восприятии мира. Это роман о музыкальной сущности мира, что также является итогом эпохи и романтизма, и символизма. Мечты о новом человечестве придают образу романа-реки апокалиптические смыслы: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» (Апокалипсис, 22).

В романе важна тема родовых корней, которые питают человека, бесконечного «потока времени». Все Крафты были музыкантами. Растущая в герое бессознательная сила связывает его со всеми поколениями Крафтов: «Его существо не имеет границ», он жил в прошедших веках, и «они воскресают в нем — желания, надежды умерших» [Роллан, т. 1: 21—24]. В нашей литературе элементы романа-реки находим в «Докторе Живаго» Б. Пастернака; «В других вы были, в других и останетесь» [Пастернак, 1989: 61]. Это тоже роман о «мистерии личности» [Пастернак, 1989: 101], ее самоосуществлении, о счастье существования.

Символом свободного течения жизни становится река: «Кристоф увидел реку как живое существо — загадочное, могущественное... она неслась так свободно... какое счастье быть как она..., быть свободным!» [Роллан, т. 1: 83]. Мир звучит для Кристофа: «Все музыка для музыкальной души... свист ночного ветра и мерцание звезд, щебет птиц и шелест листвы... все сущее есть музыка... вся эта музыка живого бытия звучала в Кристофе». Вслушиваться в бесчисленные звуки мира, слышать Божью музыку» в мире [Роллан, т. 1: 98] призывает героя дядя Готфрид — скромный коробейник и родная душа в своей независимости. Главная задача писателя в романе — раскрыть внутренний мир героя, пробуждение творческой души в ее независимости и открытости миру. «Кристоф думал, как бедна наша музыка по сравнению с этим океаном мировой музыки» [Роллан, т. 1: 272].

Не однажды герой проходит через кризисы роста. Но во всех испытаниях спасает творчество: «Одно только есть счастье: творить. Живёт лишь тот, кто творит... творить — убивать смерть» [Роллан, т. 2: 14]. Таким образом, мифологема жизни обращена и к внутренней жизни героя, и к той мировой музыке, которую слышит творческая душа. Два лейтмотива определяют это пробуждение творческого сознания в герое: открытость миру, способность слышать мировую музыку — «голоса невидимого мирового оркестра» и «растворяться в этой звучащей громаде без берегов и границ» [Роллан, т. 1: 272, 291]. Второй лейтмотив — Богочеловечность гения, столь близкая немецкому идеализму конца XVIII в.: «Он жил в Боге... Бог был в нем самом». Он познаёт «Божественную радость созидания» [Роллан, т. 1: 265, 289; т. 2: 14]. Мирощущение Кристофа можно определить как пантеизм — единство Божественного, природного и человеческого: «Небеса прозрачной рекой текли куда-то... Растения, деревья, насекомые, мириады живых существ были словно сверкающие языки великого огня жизни... Он не отделял себя от всего сущего». Тайна всеединства открывается Кристофу, связывая его с эпохой раннего немецкого романтизма: «В самом крошечном и в самом большом из всех этих существ текла та же река жизни, что омывала и его». Таким образом, мифологема реки, потока — это и есть постижение таинства всеединства жизни. Во всем течет единая «река жизни», «повсюду было бытие — без конца и без меры» [Роллан, т. 1: 290—292]. Мечта юного Кристофа — о «здоровом, сильном, свободном человеке» [Роллан, т. 1: 293]. Сила творчества преодолевает закон смерти: все, кого по-настоящему будет любить Кристоф, остаются с ним — в нем, его памяти и сознании творца. Душа Кристофа, закаляясь в утратах и испытаниях, становится все более полноводной рекой. Поток музыки для героя неотделим от «биения вселенской жизни» [Роллан, т. 3: 204]. «Самый ничтожный из нас носит в себе бесконечность... Это и есть могучий поток жизни, который течет от одного к другому...» [Роллан, т. 3: 311]. В роман входит тема иррационального начала в человеке: то его увлекает революционный «вихрь безумия» [Роллан, т. 4: 93], то жизнь испытывает его безумной страстью к жене друга Брауна Анне. Пережив самый жестокий кризис в своей жизни, «Кристоф вышел из этого испытания разбитый, опаленный, постаревший на 10 лет, но вышел, спасся..., приблизившись к Богу» — Кристоф обретает смирение перед неведомым Богом и спокойствие. «Он понимал тщету своей гордыни...» [Роллан, т. 4: 178]. Возникает библейский образ «Неопалимой Купины».

Последняя книга начинается с гимна музыке, которая «вне мира» и «глубока, как душа», здесь сливаются голос автора и его души — его героя: «Жизнь проходит. Тело и душа иссякают, как поток... Все в мире умирает и возрождается. Только ты, Музыка, не бrenна, ты одна бессмертна» [Роллан, т. 4: 184], Приобщенный к ней обретает бессмертие. Герой Роллана приходит к мысли: «Реально только творение» [Роллан, т. 4: 317], а творения Кристофа общечеловечны. Религия творчества сближает роман с философскими идеями XX века: «Творческий порыв» А. Бергсона, «Философия творчества» Н. А. Бердяева, теория пассионарности Л. Гумилёва. В последние мгновения «вся жизнь, подобно полноводному Рейну, проносится перед его глазами» [Роллан, т. 4: 343]. И подлинно реальным оказывается тот бесконечный поток жизни, проходящий через весь роман. Главное в жизни героя — его жизненная энергия, творческий порыв, пассионарное начало, надежда на которое и преисполняет роман Роллана величайшей жизненной силой.

Признаки романа-реки находимы в целом ряде отечественных произведений рубежа XX—XXI веков. Роман-река, обретая черты эпической саги, актуализирует поколенческую тему. Именно так построены «Московская сага» В. Аксёнова, «Лестница Якова» Л. Улицкой, «Город, написанный по памяти» Е. Чижовой. В романе Е. Чижовой вариантом этого неостановимого течения жизни становится мотив рождения в городе на Неве особого типа человека *homo peterburgusa*: дух независимости определил судьбу прабабушки Дуни. И он же передан по наследству внучке как «неколебимая связь» с родным амбивалентным топосом и завет: «Петербург — не город, а жизненная стратегия. Стратегия независимости» [Чижова, 2019: 247]. В саге Аксёнова эту непобедимую жизнь воплощает дом Градовых в Серебряном бору, преодолевающий катастрофический развал семьи и символизирующий духовную силу отечественной интеллигенции.

Поколенческую тему как естественное продолжение жизни дополняет восходящая еще к Новалису тема реинкарнации. Она присутствует в романе Улицкой как многообразные перевоплощения единого творческого начала жизни, эту реку жизни воплощает «бессмертная сущность», блуждающая из личности в личность и возвращающаяся к Адаму Кадмону. Человек — участник «в великой работе длящегося Творения», «временная обитель всех личностей» [Улицкая, 2019: 660, 724].

Элементы романа-реки есть и в романе Е. Водолазкина «Авиатор». Робинзон — Авиатор — Лазарь — язык архетипов вскрывает вневременную сущность человека. Локомотив истории ненадежен, общественная жизнь может быть фантомной, утопичной, в ней может исчезнуть понятие «правого и неправого, верха и низа, света и тьмы» [Водолазкин, 2022: 122], но на уровне человеческой души каждый ответственен за свой выбор, ведущий к падению или взлету. Герой мечтает, чтобы время остановилось. «Рай — это отсутствие времени». Сосны, скрип калитки, стук дождя — человек принадлежит этому вечному бытийному измерению. «То, что осуществляется поверх истории, — вневременно, освобождено» [Водолазкин, 2022: 163—164]. «Стрекотание кузнечика, запах вскипевшего самовара» [Водолазкин, 2022: 237]. Герой воскресает для переосмысления своей жизни, вновь проживая ее счастливые мгновения. Главными событиями становятся радостные события, то, что излучает мир и спокойствие. В жизни есть «фундаментальные события» (питье чая на веранде или беседа), которые

вневременны, «универсальны» [Водолазкин, 2022: 165]. Тихая беседа на кухне, «сама беседа — за исключением отдельных слов — может, и не остается в памяти. Но остаются интонации — умиротворяющие, как будто весь покой мира вошел в них этим вечером» [Водолазкин, 2022: 181]. Подобное счастье в это же катастрофическое время переживал герой романа Б. Пастернака: «Какое это счастье работать на себя..., создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая творцу в сотворении вселенной...» [Пастернак, 1989: 212].

Так в литературу входит новый — ноосферный человек с его внутренней свободой, мировым сознанием и пафосом самосозидания.

Библиографический список / References

- Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ, 2022. 410 с.
(Vodolazkin E. *Aviator*, Moscow, 2022, 410 p. — In Russ.)
- Гарин И. И. Век Джойса. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. 848 с.
(Garin I. I. *The Century of Joyce*, Moscow, 2002, 848 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994а. С. 143—170.
(Ivanov Vyach. Two elements in modern symbolism, in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994a, pp. 143—170. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994б. С. 282—311.
(Ivanov Vyach. Dostoevsky and the Tragedy Novel, in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994b, pp. 282—311. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Кручи: о кризисе гуманизма // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994с. С. 102—112.
(Ivanov Vyach. Kruchi: on the crisis of humanism in Ivanov V. I. *Native and universal*, Moscow, 1994c, pp. 102—112. — In Russ.)
- Мандельштам О. Стихотворения // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 638 с.
(Mandelstam O. Poems, in Mandelstam O. *Works*: In 2 vols, vol. 1, Moscow, 1990, 638 p. — In Russ.)
- Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. 431 с.
(Pasternak B. L. *Doctor Zhivago*, Moscow, 1989, 431 p. — In Russ.)
- Пастернак Б. Л. Стихотворения // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 752 с.
(Pasternak B. L. Poems, in Pasternak B. L. *Collected works*: In 5 vols, vol. 1, Moscow, 1990, 752 p. — In Russ.)
- Роллан Р. Жан-Кристоф // Собр. соч.: в 9 т. Т. 1—4. М.: Правда, 1983.
(Romain Rolland/ Jean-Christophe, in Romain Rolland. *Collected works*: In 9 vols., vol. 1—4, Moscow, 1983. — In Russ.)
- Улицкая Л. Лестница Якова. М.: АСТ, 2019. 731 с.
(Ulitskaya L. *Yakov's Ladder*, Moscow, 2019, 731 p. — In Russ.)
- Фаулз Дж. Волхв. М.: Эксмо, 2015. 800 с.
(Fowles J. *The Magus*, Moscow, 2015, 800 p. — In Russ.)

Чижова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ, 2019. 315 с.
(Chizhova E. S. *A city written from memory*, Moscow, 2019, 315 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Art of the Shuya branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru

НООСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Научная статья
УДК 130.12:316.77
DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.48-56

С. С. Мишук

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена когнитивной безопасности на уровне личности. В структуре когнитивной безопасности выделяются информационная и социальная составляющие. К первому компоненту относятся виртуальные контакты, которые не связаны непосредственно с социальным действием (получение несущественной информации). Второй компонент связан с социальной практикой. Он включает несколько структурно-функциональных элементов. Во-первых, получение информации, необходимой для определенных социальных действий. Во-вторых, формирование системы связей с другими виртуальными субъектами. В-третьих, систему контактов, предполагающих в дальнейшем реальные связи с реальными личностями и перерастающих (при определенных обстоятельствах) в таковые. Фиксируются несколько типов социально-информационных пространств с различной степенью сложности. Отмечается, что на уровне наиболее простого типа формируются структурные характеристики, регулирующие возможность получения субъектом информации, но не воспринимаемые им. На следующем уровне возникает система первичного контроля запросов, интересов, ценностных установок личности. На третьем уровне формируется и корректируется система связей конкретного субъекта внутри сети. На следующем этапе создается социально-информационное пространство с заранее заданными свойствами. И, наконец, на пятом уровне данное пространство может заполняться цифровыми копиями (дипфейками) реальных личностей. Сделан вывод, что каждое из представленных пространств требует специфических подходов к обеспечению когнитивной безопасности субъекта.

Ключевые слова: ноосфера, информационное общество, социально-информационное пространство, личность, когнитивная безопасность

Ссылка для цитирования: Мишук С. С. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности личности в социально-информационном пространстве // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 48—56.

Original article

S. S. Mishuk

PROBLEMS OF ENSURING COGNITIVE SECURITY OF THE INDIVIDUAL IN THE SOCIAL AND INFORMATION SPACE

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of cognitive security at the individual level. The structure of cognitive security includes information and social components. The first component includes virtual contacts that are not directly related to social action (receiving unimportant information). The second component is associated with social practice. It includes several structural and functional elements. First, obtaining information necessary for certain social actions. Second, forming a system of connections with other virtual subjects.

Third, a system of contacts that subsequently imply real connections with real individuals and develop (under certain circumstances) into such. Several types of socio-information spaces with varying degrees of complexity are recorded. It is noted that at the level of the simplest type, structural characteristics are formed that regulate the possibility of the subject receiving information, but are not perceived by him. At the next level, a system of primary control of requests, interests, and value attitudes of the individual arises. At the third level, a system of connections of a specific subject within the network is formed and adjusted. At the next stage, a socio-information space with predetermined properties is created. And finally, at the fifth level, this space can be filled with digital copies (deepfakes) of real individuals. It is concluded that each of the presented spaces requires specific approaches to ensuring the cognitive security of the subject.

Keywords: noosphere, information society, socio-information space, personality, cognitive security

Citation Link: Mishuk S. S. (2024) Problems of ensuring cognitive security of the individual in the social and information space, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 48—56.

Возникновение информационного общества в конце XX — начале XXI века ознаменовало новый этап в развитии человеческой цивилизации. Произошла трансформация не только структур социума, но всей системы отношений «общество — природа». Иными словами, ноосфера как особая планетарная оболочка также приобрела новые качественные характеристики [Смирнов, 2010]. Открылись новые возможности экспоненциального роста и одновременно появились и новые вызовы, которые человечеству необходимо осмыслить и преодолеть.

И в этом контексте теория ноосферы В. И. Вернадского в очередной раз демонстрирует огромные эвристические возможности. Принципиальное значение имеет само понимание ноосферы как эволюционирующей системы. В работах В. И. Вернадского присутствуют, по крайней мере, три содержательные трактовки понятия «ноосфера» [Вернадский, 1991: 96—110]. 1. Ноосфера как уже достигнутый результат эволюции биосферы, как очевидно существующий компонент планеты, которая при его возникновении приобретает новое качество. 2. Ноосфера — та оболочка, которую нужно и можно организовать разумно. То есть уже на современном (при жизни ученого) этапе ее развития имеются объективные предпосылки и условия для организации «разумной» сферы существования человека. 3. И, наконец, ноосфера как цель, которая будет достигнута в будущем (для В. И. Вернадского), когда человечество окажется в состоянии выйти за пределы Земли, усилить связи планеты с Вселенной, частью которой она является. На этом этапе ноосфера превращается в фактор эволюции Вселенной. До появления ноосферы Земля была объектом воздействия Вселенной. С появлением ноосферы планета получает возможность постепенно превращаться в активный компонент, в субъект. Причем субъект, обладающий способностью познавать Вселенную. В качестве необходимых условий перехода ноосферы в данное качественное состояние ученый называл «резкое преобразование средств связи и обмена информацией» и «свобода научной мысли и научного поиска от давления религиозных, философских и политических построений» [Яншина, 1996: 30—31].

Эволюция ноосферы с необходимостью привела в 1980-х годах к формированию глобальной системы производства, обмена, хранения и потребления

информации — системы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Первоначально возникнув как средство ускорения процессов передачи информации, система ИКТ к концу прошлого столетия с очевидностью выходит за эти рамки и начинает активно воздействовать на все компоненты социума, превращаясь в парадигмальный по своему значению фактор трансформации человеческой цивилизации [Мишук, 2015: 60]. Именно на этой основе человеческое общество приобретает новый облик и вступает в очередной этап развития — начинает формироваться общество информационное. Закономерно трансформируется и структура системы ИКТ — помимо взаимосвязей между техническими устройствами, в ней появляется система связей между людьми — субъектами информационного обмена [Лазаревич, 2015: 88—89]. В результате в структуре человеческой цивилизации возникает новый компонент — виртуальная реальность.

Раз возникнув, виртуальная реальность начинает развиваться в соответствии с собственными внутренними закономерностями. Одной из них является отражение уже сформировавшейся объективной социальной реальности и последующее создание внутри собственной системы компонентов, аналогичных отраженным. В структуре виртуальной реальности появляются элементы, которые с учетом специфики последней соответствуют объектам, явлениям и процессам, с которыми человек постоянно сталкивается в своем социальном бытии.

Одним из важнейших элементов человеческой цивилизации, меняющимся вследствие данных воздействий, выступает социальное пространство. Пространство ноосферы изначально, со времени зарождения, существенно отличалось от пространства макромира окружающей человека природы [Вернадский, 1988: 265—274]. Система инфокоммуникационных технологий существенно изменяет его, а также создает еще один компонент — виртуальное пространство, которое также эволюционирует. В течение короткого (по меркам даже человеческой истории) периода времени его сущностные характеристики меняются. Возникая первоначально как преимущественно информационное, оно очень быстро трансформируется в инфо-коммуникационное. А далее, вовлекая в коммуникационные процессы все больше людей, оно превращается в социально-информационное. И на данном уровне оно формируется и функционирует как действительно глобальная по масштабам система, географически охватывающая практически всю планету и вовлекающая миллиарды людей как собственных активных субъектов. В этом пространстве настоящее время существуют миллиарды «виртуальных личностей», отношения между которыми образуют достаточно устойчивую систему связей, которые объединяются в сообщества, социальные группы и т. д. И количество субъектов данного пространства намного превосходит народонаселение планеты.

В настоящее время все большее значение приобретают проблемы «комфортного» и безопасного существования каждой из таких виртуальных личностей как элемента системы социально-информационного пространства, за которой стоит личность реальная. Функционирование человека в этом качестве в современных условиях приобретает ряд характеристик, ранее неизвестных. Данное пространство формируется и функционирует как действительно глобальная по масштабам система, географически охватывающая практически всю планету и вовлекающая миллиарды людей как собственных активных субъектов. В нем более четко выделяются информационная и социальная составляющие. К первому компоненту относятся виртуальные контакты, которые не связаны

непосредственно с социальным действием (получение несущественной информации). Второй компонент более важен, так как связан с социальной практикой. Он включает несколько структурно-функциональных элементов: 1) связан с получением информации, необходимой для определенных индивидуальных социальных действий; 2) реализуется через систему связей с другими виртуальными субъектами, не предполагающих дальнейших реальных контактов; 3) объединяет контакты, предполагающие в дальнейшем реальные связи с реальными личностями и перерастающие (при определенных обстоятельствах) в таковые.

Необходимо учитывать, что социально-информационное пространство существенно отличается от реального: оно сложнее, динамичнее и может быть искусственно изменено. Виртуальный субъект обладает только кажущейся самостоятельностью и независимостью. И это обеспечивает множество потенциальных возможностей формирования и изменения того социально-информационного пространства, в котором он находится [Turkle, 2011: 57—59]. А поскольку виртуальный субъект в действительности представляет реального человека (социальную группу), становится возможным непосредственно влиять на его личностные установки и поведение в реальном мире с заранее заданными целями. Поэтому и возникает объективная потребность в обеспечении безопасности его функционирования в социально-информационном пространстве. Решение данной проблемы является достаточно сложным, поскольку данное пространство постоянно эволюционирует. К настоящему времени по критерию взаимоотношений «личность — пространство» можно выделить пять уровней сложности.

Первичный уровень, очевидно, формируется уже при возникновении глобального социально-информационного пространства. При кажущейся независимости и самостоятельности виртуальный субъект, включаясь в глобальную сеть, оказывается в сложноорганизованном и постоянно меняющемся пространстве [Castells, 2007: 240—241]. В нем присутствуют не менее четырех уровней: физический (каналы связи), сетевой (маршрутизаторы), адресный и прикладной (программы, социальные сети, браузеры). На каждом присутствует множество участников, и сами уровни также очень сложно взаимосвязаны. Если первый уровень еще может как-то «просматриваться» субъектом, то, начиная со второго, такая возможность практически отсутствует. В результате виртуальный субъект не может в действительности контролировать пути, по которым «движется» в сети; появляется возможность предоставлять ему не всю возможную, а строго определенную информацию.

На втором уровне появляется система сбора информации и идентификации виртуальных личностей. Она обеспечивается средствами постоянного контроля действий любого субъекта в глобальной сети. Это осуществляется с помощью микропрограмм, присутствующих на каждом компьютере. Поскольку они не являются вредоносными, борьба с ними с помощью антивирусов невозможна. Как правило, данные программы анализируют социально-демографические, поведенческие характеристики общей массы пользователей в маркетинговых целях. Тем не менее уже на данном уровне, анализируя с коммерческими целями активность субъекта в социально-информационном пространстве, можно однозначно идентифицировать каждого реально участника общения, несмотря на множественность аватаров, которыми он себя обозначает.

Следовательно, уже появляется потенциальная возможность воздействовать на его жизнедеятельность с целью получения информации.

На третьем уровне создаются программные средства, позволяющие корректировать систему связей конкретного субъекта (группы субъектов) внутри сети с тем, чтобы они взаимодействовали в виртуальной реальности только с определенными, заранее отобранными реальными или созданными чисто виртуальными субъектами. По сути можно формировать виртуальные связи человека с тем, чтобы выработать у него определенные социальные установки, минимизировать или устранить важные и полезные для него социальные контакты, оставив только заранее отобранные, и получать на этой основе необходимую информацию и т. д. Кроме того, появляется возможность распространения информации, меняющей социально-ценностные установки сотен миллионов «виртуальных личностей», и возможность управления на этой основе поведением реальных личностей в реальном социуме. Создание соответствующей системы косвенных ассоциаций позволяет сформировать негативное (или позитивное) отношение людей к тем или иным социальным процессам и программам без прямого указания на ожидаемый вариант их поведения¹. В результате субъекты социально-информационного пространства, полагая, что принимают самостоятельное решение, в действительности фактически могут действовать вопреки собственным интересам, не осознавая этого.

Четвертый уровень структурной организации означает возможность формирования социально-информационного пространства с заранее заданными параметрами. Уже в 2014 году появилась техническая возможность создавать определенное социально-информационное пространство без непосредственного привлечения человеческих ресурсов. Это означает, что можно заранее создавать чисто виртуальные сообщества, в которые будет включаться конкретный виртуальный субъект (человек) или группа субъектов (социальная группа) с тем, чтобы формировать социальные связи определенного типа и содержания. В итоге можно трансформировать фундаментальные общемировоззренческие и социально-культурные установки человека незаметно для него.

Таким образом, возникает потребность в соответствующей системе мероприятий, позволяющих минимизировать возможные риски нарушения информационной безопасности. Одним из важных направлений данной работы выступает обеспечение безопасности социально-информационного пространства, поскольку соответствующее воздействие на виртуального субъекта позволяет получить источник информации в виде реального человека, включенного в информационную систему.

Один из важнейших структурных компонентов виртуальной реальности, обеспечивающий функционирование всей глобальной информационной оболочки Земли, — социально-информационное пространство². Если некоторое время назад еще можно было дискутировать о его существовании, то в современных условиях отрицать наличие глобальной по масштабам, достаточно устойчивой

¹ Так, поисковик Google на русском языке, то есть ориентированном на граждан СНГ, при наборе «вакцинация от COVID-19» выдает термины с однозначно негативным содержанием.

² Эвристичной в этом ключе представляется концепция цефализации ноосферы [Smirnov G., Smirnov D., 2019].

системы, обеспечивающей динамическое взаимодействие многих миллиардом активных элементов, численно превосходящих население планеты, стало невозможным. Социально-информационное пространство стало необходимым и постоянно действующим фактором жизни современного общества.

В этом пространстве функционируют виртуальные личности — аватары личностей реальных. В результате по аналогии с объективным социальным пространством возникает необходимость обеспечения безопасности этих виртуальных личностей, а также реальных людей, представителями которых они выступают. Данная проблема уже давно приобрела комплексный характер; в ней четко выделяются экономические, правовые, этические и иные аспекты.

В данной работе постараемся кратко проанализировать проблему свободы выбора на уровне человека — субъекта (элемента) социально-информационного пространства — в том числе обеспечение его информационной безопасности. В процессе функционирования человека в структуре социально-информационного пространства виртуальной реальности обнаруживаются характеристики, ранее неизвестные. Это обусловливается специфичностью данного пространства: оно динамичнее, сложнее, более подвержено субъективному воздействию и, как результат, может быть трансформировано намного легче и быстрее, чем объективное социальное пространство.

Первоначально может казаться, что виртуальный субъект обладает большей самостоятельностью и независимостью как в позиционировании себя в рамках виртуального социума, так и в выборе возможных направлений «жизнедеятельности» в социально-информационном пространстве. Однако это — не более, чем иллюзия, причем опасная для вышеназванного субъекта. Иллюзия свободы в реальности оборачивается возможностью манипулирования человеком; обеспечивает множество потенциально возможных способов формирования и изменения того социально-информационного пространства, в котором он находится [Мишук, 2015: 57—59]. При этом нужно иметь в виду, что за виртуальным аватаром в реальности стоит настоящий человек или социальная группа. В результате появляется возможность с заранее заданными целями влиять на их личностные установки и поведение в реальном социуме. Поэтому потребность в обеспечении безопасности социально-информационного пространства не ограничивается только его рамками, а выходит за его границы и выявляет новые проблемы.

Наиболее простой и очевидной при анализе свободы действий субъекта в социально-информационном пространстве является проблема постоянного контроля его действий. В сети Интернет это обеспечивается микропрограммами, присутствующими на каждом компьютере. Бороться с ними с помощью антивирусов невозможно, так как эти программы не являются вредоносными, однако с их помощью собирается, обобщается и передается огромный объем информации, характеризующей интересы, предпочтения, личные привязанности и т. д. пользователя.

Значительно более серьезные проблемы в обеспечении безопасности субъекта возникают при переходе к управлению социально-информационным пространством. Виртуальный субъект, кажущийся независимым и самостоятельным, при вхождении в глобальную сеть, оказывается в сложноорганизованном и постоянно меняющемся пространстве [Castels, 2007: 240—241]. В социально-информационном пространстве можно выделить не менее четырех уровней

структурной организации: физический (существующие каналы связи), сетевой (маршрутизаторы), адресный и прикладной (программы, социальные сети, браузеры). Первый уровень теоретически может как-то «просматриваться» субъектом и предоставлять ему некую свободу выбора (например, выбор Интернет-провайдера). Однако, начиная со второго, и эта свобода исчезает. Виртуальный субъект не может отслеживать направления, по которым в сети перемещаются его запросы. В результате появляется возможность предоставлять ему не имеющуюся информацию, а заранее отсортированную. Но полученная информация будет им восприниматься как полноценная и всеобъемлющая.

С наиболее сложными проблемами субъект будет сталкиваться при вхождении в социально-информационное пространство с заранее заданными свойствами. Техническая возможность его формирования без непосредственного участия человека появилась, по официальным источникам, уже в 2014 году. Однако формировать полноценное социально-информационное пространство данного типа оказалось возможным только с появлением нейросетей, или систем «искусственного интеллекта» (ИИ). На практике это означает, что оказалось возможным формировать сообщества «чисто виртуальных» (за которыми нет реальных личностей) субъектов. Конкретный человек в данном типе пространства оказывается в виртуальной социальной системе с совершенно определенными общемировоззренческими и социально-культурными нормами, которые он изменить не в состоянии, но которые начинают трансформировать его личностные установки незаметно для него. Причем оказалось, что системы ИИ значительно превосходят людей в спорах и отстаивании собственной позиции: они переубеждали оппонентов на 82 процента чаще, чем живые люди³.

И, наконец, уже возникает социально-информационное пространство пятого уровня. Искусственный интеллект путем фотореалистичного объединения реальных изображений может создавать настоящую цифровую копию реального человека⁴ и наполнять такими ми копиями глобальное виртуальное пространство. В результате «достоверность» искусственного социально-информационного пространства переходит на качественно новый уровень.

Таким образом, в современных условиях уже возникает потребность в соответствующей системе мероприятий, позволяющих минимизировать возможные риски нарушения информационной безопасности. Одним из важных направлений данной работы выступает обеспечение безопасности социально-информационного пространства, поскольку соответствующее воздействие на виртуального субъекта позволяет не только навязывать реальному человеку конкретные поведенческие предпочтения, но также менять и предельные основания его мировоззрения и тем самым трансформировать исходные принципы, определяющие программы его социального поведения. В результате возникает механизм, который потенциально может оказывать чрезвычайно мощное негативное воздействие на современное общество, действовать во вред человечеству

³ Данные с сайта vfokuse.mail.ru (материал под названием «ИИ оказался убедительнее человека в спорах»). URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ii-okazalsya-ubeditelnee-cheloveka-v-sporah-60523212> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ В этой связи представляет интерес материал с сайта e-news.su под названием «ИИ выходит на новый уровень» URL: <https://e-news.su/in-world/489665-ii-vyhodit-na-novyy-uroven-golos-mordora.html> (дата обращения: 14.03.2024).

как активному компоненту ноосферы, лишать последнюю ее подлинного значения — быть «сферой разума». В поиске решения данного комплекса проблем опять-таки ярко проявляется эвристический потенциал теории ноосферы В. И. Вернадского, который отмечал: если в пределах ноосферы возникает нечто, идущее в разрез с ее фундаментальными законами, то она начинает защищать себя, вырабатывая соответствующие «антитела». И они уже создаются: системы искусственного интеллекта уже получают возможность идентифицировать информацию с негативным, экстремистским контекстом, а также определять эмоционально-негативные подтексты в распространяемых сообщениях и уничтожать их.

Библиографический список / References

- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988. 520 с.
(Vernadsky V. I. *Philosophical thoughts of a naturalist*, Moscow. 1988, 520 p. — In Russ.)
- Лазаревич А. А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск: Беларуская навука, 2015. 537 с.
(Lazarevich A. A. *The formation of an information society: communication-epistemological and cultural-civilizational foundations*, Minsk, 2015, 537 p. — In Russ.)
- Мишук С. С. Информационно-коммуникационные технологии как фактор глобального системообразования // *Вестник связі*. 2015. № 5 (133). С. 57—60.
(Mishuk S. S. Information and communication technologies as a factor in global system formation, *Herald of communication*, 2015, no. 5 (133), pp. 57—60. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 2 (10). С. 74—91.
(Smirnov G. S. Noosphere in the age of global catastrophes, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 74—91. — In Russ.)
- Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. 222 с. — In Russ.)
(Yanshina F. T. *Evolution of V. I. Vernadsky's views on the biosphere and the development of the noosphere doctrine*, Moscow, 1996, 222 p. — In Russ.)
- Castells M. Communication Power and Counterpower in the Network Society, *International Journal of Communication*, 2007, no. 1, pp. 238—266.
- Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.
- Turkle S. *Alone Together*, N.Y.: Basic Books, 2011. 384 p.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Мишук Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, г. Минск, Республика Беларусь, mishuk_siarhei@inbox.ru

Mishuk Sergey Sergeevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director for Research, Belarusian Research Institute of Document Science and Archival Affairs, Minsk, Republic of Belarus, mishuk_siarhei@inbox.ru

Научная статья
УДК 003:316.75
DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.57-68

А. Е. Ухов

СИМВОЛЫ И ЗНАКИ ОПАСНОСТИ С ВОСТОКА В. С. СОЛОВЬЕВА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию В. С. Соловьевым цивилизационной опасности с Востока. Показано, что русский философ предчувствовал события, угрожающие европейской цивилизации со стороны поднимающегося Китая, и старался апологизировать спасение России как части западного мира. Осуществлен семиотический анализ произведений мыслителя, установлена связь между его взглядами и позицией отдельных представителей Востока. Дан краткий семиотический и культурологический анализ политической риторики Китая на разных этапах исторического развития. На этой основе зафиксированы ключевые различия между западной и восточной цивилизационными парадигмами, дан вариант расшифровки культурного кода современного Китая. Показано, что России есть чего опасаться со стороны своего восточного «старшего брата». Установлено, что в современной внешней политике КНР наблюдается некоторый отход от принципов невмешательства Дэн Сяопина в сторону более агрессивной риторики. Сделан вывод, что такие изменения свидетельствуют о том, что идеология (и религия) в современном Китае имеют, скорее, подчиненное (а не первостепенное) значение и служат ширмой или обоснованием проводимой политики.

Ключевые слова: Запад, Восток, панмонголизм, В. С. Соловьев, Китай, евразийство

Ссылка для цитирования: Ухов А. Е. Символы и знаки опасности с Востока В. С. Соловьева: геополитический аспект // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 57—68.

Original article

А. Е. Ukhov

SYMBOLS AND SIGNS OF DANGER FROM THE EAST BY VLADIMIR SOLOVY'OV: GEOPOLITICAL ASPECT

Abstract. The article is devoted to the study of civilizational danger from the East by Vladimir Solovy'ov. It is shown that the Russian philosopher had a premonition of events threatening European civilization from the rising China and tried to find salvation for Russia as part of the Western world. A semiotic analysis of the thinker's works is conducted, connections between his views and contacts with representatives of the East are discovered. A brief semiotic and cultural analysis of China's political rhetoric at different stages of historical development is presented. On this basis, the key differences between Western and Eastern civilizational paradigms are recorded, and a version of decoding the cultural code of modern China is given. It is shown that Russia has something to fear from its eastern "elder brother". It is established that in the modern foreign policy of the PRC there is some departure from Deng Xiaoping's principles of non-interference towards more aggressive rhetoric. It is concluded that such

© Ухов А. Е., 2024

changes indicate that ideology (and religion) in modern China are of secondary (rather than primary) importance and serve as a screen or justification for the policies being pursued.

Keywords: West, Orient, panmonholism, V. S. Solovyov, China, eurasianism

Citation Link: Ukhov A. E. (2024) Symbols and signs of danger from the East by Vladimir Solovy'ov: geopolitical aspect, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 57—68.

Конец XIX — начало XX века были переломным моментом не только в экономическом и социально-политическом развитии России, это время было гранью глобальной культурно-мировоззренческой революции. Именно тогда начались мощные политические трансформации Востока, затронувшие в том числе и Россию: японо-китайская война 1894—1895 годов, восстание ихэтуаней в Китае (боксерское восстание, подавленное русскими войсками), а затем и русско-японская война 1904—1905 годов. На фоне внешнеполитических проблем к концу XIX века Восток для России представлялся уже в традиционном понимании, объединявшим в единое целое Азию, Индию, Китай, Дальний и Ближний Восток и Северную Африку. Это был социально-культурный конгломерат, который начал оказывать влияние в глобальном масштабе. После «открытия» для России Тибета Н. М. Пржевальским началось активное освоение духовного наследия Востока, интерес к древнеиндийской и древнекитайской философии и мистицизму, появились учения Е. П. Блаватской, Н. и Е. Рерихов. Колониальная политика России подстегивала интерес к Востоку не только в Европе, но и в России. Вдобавок в начале XX века общественная мысль знаменовалась кризисом европоцентризма.

В среде российских мыслителей не без влияния славянофилов стали возникать идеи исторической ограниченности европейской просветительской модели мира, эсхатологические предчувствия надвигающейся катастрофы. На этом фоне В. С. Соловьев, который по словам Э. Л. Радлова [Радлов, 1913], имел «пророческий дар», пишет статьи «Китай и Европа» (1890), «Враг с Востока» (1892), затем философские стихотворения «Ex oriente lux» (1890) и «Панмонголизм» (1894) — все они наполнены апокалиптическим духом, предвидением грядущей войны между Западом и Востоком. Негативный образ восточной опасности мы встречаем у В. Брюсова, И. Бабеля, М. Булгакова, М. Цветаевой, Б. Пильняка, даже Л. Н. Гумилева и других литераторов начала конца XIX — первой половины XX века, противопоставлявших китайцев другим цивилизациям. Примечательно, что в начале грозных для России испытаний революциями и гражданской войной начали появляться теоретические воплощения этих настроений¹.

В современном мире духовное производство не менее важно, чем производство материальное. В условиях смены внешнеполитических парадигм и нового миропорядка актуальным становится использование термина «умная сила», который означает усиление связей, «в том числе политических, между всеми государствами Земли», усиление «роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики», исключение «войн из жизни человечества» [Смирнов, Шаповалова, 2024: 182]. В связи с этим, как нам представляется,

¹ Примером тому является, например, проект евразийцев, «второй монгольской империи» Р. Ф. Унгерн-Штернберга.

русская религиозная философия в лице Соловьева с его геополитическими предостережениями в наибольшей степени отвечала бы вышеуказанным целям.

В своей полемике с Н. Я. Данилевским, что отразилось в статье «Россия и Китай», Соловьев стремился показать глобальную опасность будущей экспансии. Он видел будущий расцвет восточного дракона и усматривал в этом прогрессе Китая «угрозу всей западной цивилизации» [Осьминина, 2017: 221], к которой относил и Россию. При этом необходимо отметить, что Соловьев не был «диванным критиком» и основывал свои взгляды на собственном опыте соприкосновения с Востоком².

Рассматривая Россию однозначно как западную культуру, Соловьев рассуждает, что Америка и Австралия «с точки зрения цивилизации суть лишь продолжение Европы», Япония, «обязанная Китаю своей цивилизацией, решительно перешла на сторону нашей», Индия «спит, оцепенев в своей тягостной и сладострастной грезе», так что остается лишь «китайская цивилизация со своими тремя или четырьмястами миллионами представителей, чрезвычайно жизненная, совершенно бодрая и своим расширением способная возбудить наши опасения» [Соловьев, 1914: 95].

Соловьев в статье «Китай и Европа» выступает не только как философ, но и как геополитик: «...все эти опасности частного и мирного нашествия желтой расы ничтожны в сравнении с предстоящим развитием государственного и военного могущества Срединной империи вследствие усвоения китайцами всех новейших усовершенствований европейской техники» [там же: 96]. Он пытается обнаружить причины будущего возвышения Китая (в чем он несколько не сомневается) путем анализа культурных ценностей и идеалов китайцев.

Каковы же отличия российской и китайской цивилизаций, на которые указывает Соловьев? Прежде всего, исключительная патриархальность. Отец, предок, играет организующую роль в жизни китайца не только в раннем возрасте, но и на протяжении всей жизни: «истинным китаец ни в каком возрасте и положении не пользуется личной самостоятельностью и индивидуальным почином, никогда не может действовать от себя», личность сына «как бы упраздняется личностью родителя во все время жизни последнего» [там же: 100]. Соответственно любое важное событие в жизни китайца связано с культом предков, например, при церемонии брака центральным был ритуал «отправления даров» предкам (на-би), а вся церемония — это лишь диалог между предками обеих сторон, в котором сами брачующиеся не играют никакой роли.

В отношении ритуала похорон и культа умерших Соловьев также отмечает близость их первобытным языческим жертвоприношениям и каннибализму: «в Китае, как и везде, первобытные жертвы были, по преимуществу, жертвы

² Он проникся критическими идеями насчет Китая при встрече в 1888 году в Париже с военным атташе, философом Чен-Ки-Тонгом. Особенно поразила Соловьева речь в отношении западных держав, представлявшая собой изложение программы самоусиления: «Мы готовы и способны взять от вас все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры, но ни одного вашего верования, ни одной вашей идеи и даже ни одного вашего вкуса мы не усвоим... Мы радуемся вашему прогрессу, но принимать в нем активное участие у нас нет ни надобности, ни охоты: вы сами готовите средства, которые мы употребим для того, чтобы покорить вас... В его словах ненамеренно, и быть может, незаметно для него самого, высказывалось целое исповедание, общее ему с его четырехсотмиллионной массой» [Соловьев, 1914: 94].

человеческие: *умершие пожирали живых*» (курсив мой. — А. У.), обычай чего, например, наблюдался на поле боя, когда победитель мог вкушать внутренности побежденного врага для «приобретения большей храбрости» или из-за «удовлетворения чувству враждебности» [там же: 103].

К этому можно прибавить первобытный обычай китайцев заживо погребать жен (ли-фу, или «доблестных») с их умершими мужьями, который прослеживается Соловьевым со времен императора Цинь Шихуанди. При этом многочисленные известия о человеческих жертвоприношениях позволили Соловьеву сделать вывод, что «принудительные человеческие жертвоприношения... сохраняются и до настоящего времени» [там же 107].

Патриархальность китайцев связана со строгой иерархичностью от самых его истоков, ста мифических семей, когда-то переселившихся с севера и по долине реки Хуанхэ добравшихся до современной своей родины. Эти сто семейств имели сто покровителей-духов, которым они подчинялись как своим предкам.

Китайский народ, как «сыновья Неба», «вся китайская нация для постоянной и видимой связи своей (как единого целого) с причиной своего бытия и источником правильной жизни сосредоточивается в лице одного верховного владыки и общего отца, он же есть сын неба, по преимуществу жрец и служитель «ста духов» [там же: 111]. К этому добавляется тождество светской и духовной власти, так как утвердившаяся в результате долгой и порой кровопролитной борьбы конфуцианско-легистская государственная модель стала официальной национальной идеей Китая. Император, выступающий здесь в качестве первосвященника, заступал место сына Неба и был обязан управлять людьми и одновременно учить их, быть примером для них. Следуя такой традиционной иерархической модели, любой чиновник оказывался мини-императором в рамках своей юрисдикции: «официальный Китай никогда не знал и не знает другого духовенства, кроме чиновничества... каждый начальник, от Сына неба и до последнего сельского старосты обладает в своих границах *нераздельной* (курсив мой. — А. У.) полнотой отеческой власти и, будучи в полном смысле отцом своих подчиненных, есть для них тем самым и жрец, и правитель, и учитель» [там же: 115—116]. В то же самое время китайский строй является консервативным: «учение же их не есть их личное измышление, — а исконная традиционная мудрость, идущая от предков, от мудрецов древности» [там же: 117]. Здесь Соловьев явно восторгается комплементарностью государственного культа неба и семейного культа предков. Абсолютизм этого конфуцианского идеала («жэнь», то есть по-китайски понимаемого «человеколюбия») находим в «Лунь-юй»: когда сын выступил свидетелем на суде против своего отца, который украл барана, Учитель осудил это: «Прямые люди у нас отличаются от ваших. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают ошибки отцов, в этом и состоит прямо-та» [Переломов, 2000: 95].

Рассматривая китайскую национальную идею, Соловьев не проходит мимо второй ее части — умозрительного учения даосизма. Причисляя Лао-Цзы к мистикам, для которых характерен обскурантизм и антисциентизм, Соловьев отмечает его непоследовательность: «предаваясь самым крайним отвлеченностям, он все-таки чувствует себя членом “ста семейств” и не перестает думать о практическом интересе своего народа» [Соловьев, 1914: 121], в частности он утверждает, что просвещение приносит людям только вред и затрудняет управление царством. Дао дэ Цзин наставляет: «Не почитайте мудрецов, и ссор не

будет меж людьми. Не цените труднодоступные товары, и люди не пойдут разбойничать и грабить. Не устремляйте взор на вожделенное, и не смутится ваше сердце. Вот совершенномудрый управляет так: опустошает подданных сердца, но наполняет животы им, их волю-самочинность ослабляет, взамен их кости укрепляет. Всегда стремится он, чтоб у народа не было ни знаний, ни желаний, а знающие чтобы действовать не смели. Творит недеяние он, но нет на свете ничего, не приведенного им в порядок» [Горчинов, 2004: 204].

Соловьев показывает логическую несостоятельность учения Лао-Цзы, его внутреннюю противоречивость, когда, например, мыслитель возвеличивает невежество, хорошее правление связывает с отказом от добродетели. Это ведет, согласно Соловьеву, к культивированию традиций без движения вперед, без целей развития, «отдавая все права одному прошедшему, он заключает в себе принципиальное отрицание настоящего и будущего в человечестве», что приводит к принципиальной невозможности воплощения самих требований Лао-Цзы, поскольку «идеал абсолютного безразличия последовательно требует не только отрицания цивилизованной жизни, но упразднения *всякой* (курсив мой. — А. У.) жизни» [Соловьев, 1914: 123]. Отсюда Соловьев делает вывод о победе и большем влиянии в Китае конфуцианства, а не даосизма. При условии, что обе философии происходили из одних и тех же культурных источников (в частности, в обоих имеются ссылки на Дао, природный порядок), Конфуцианство стало «компромиссом», сгладившим внутренние противоречия между даосской философией и китайской действительностью.

Многообразие обрядов придает нравственному порядку китайцев «механический характер», вместе с тем «оставляет нетронутыми» и даже «способствует развитию» главных «национальных пороков», среди которых Соловьев выделяет «лживость», «лицемерие» и «жестокость» [там же: 130]. В конфуцианстве отсутствует Бог, а потому нет играющей важное для Соловьева значение связи любовь к Богу — любовь к человеку. Все отношения организованы по пяти направлениям: отношения к отцу, к братьям, к жене, к друзьям, к государю, причем они строго регламентированы обрядами и ритуалами. В основе таких схематичных, «позитивно-утилитарных отношений» согласно Соловьеву лежит «стремление человека к его личному благоденствию» [там же: 131]. Иными словами, в основе отношений между китайцами лежит не христианская любовь, а конфуцианское «почтение». Соответственно, китайцам чужды понятия универсальной любви, альтруизма, развивающиеся не только в христианстве, но также и в буддизме и моизме (ответвлении даосизма). Соответственно культура самопожертвования ради ближнего отсутствует: если человек упал в колодец, то «мудрому мужу» надлежит сначала удостовериться, не обманывают ли его: «...Благородный муж должен подойти к колодцу, но не должен спускаться туда. Его можно ввести в заблуждение, но не обмануть» [Переломов, 2000: 42]. Все это выглядит непонятно неискушенному человеку с христианским мировоззрением, где на первое место должно было выйти сострадание, а не инстинкт самосохранения.

Равномерно распределенная любовь подрывает культ почитания предков, главенствующее положение конфуцианства, и древнейшей патриархальной традиции. По мнению Соловьева, именно эти объективные причины обуславливают факт, что «китайцу непонятна возможность считать всех людей своими братьями

и любить их, как самого себя, непонятна также возможность признавать за всеми людьми человеческое достоинство» [Соловьев, 1914: 133].

Обратной стороной медали такого отношения к человеку является беспрецедентная строгость к преступникам и нищим, т. е. к тем членам общества, которые не соблюдают традицию, пусть даже не по своей воле. К ним относятся как к «сорной траве», от которой необходимо избавиться настолько же быстро, как при возделывании полей, поэтому «о сохранении жизни и здоровья последних не прилагается особенных забот» [там же: 134].

Завершая свой анализ китайской цивилизации, Соловьев еще раз подчеркивает равноценность европейской и китайской цивилизаций, для чего выдвигает три фактора исключительности последней. Первый — это «беспримерная в истории крепость и прочность национально-государственного тыла» (Китай не только сумел сохранить государственный и культурный суверенитет, но и распространил его на близлежащие территории и народы). Своим замещением заповеди «почитай Бога твоего и ближнего» заповедью Конфуция «почитай своего отца», признавая свою зависимость от прошлого, причем прошлого, понимаемого не только теологически, но и мистически (для чего Конфуцием использовалась категория традиционной нравственности «жень»), китайцы упрочили «свою настоящую национальную самостоятельность», обеспечили «долговечную жизнь» [там же: 138]. Второй фактор — это «духовная бесплодность» китайской культуры, как пишет Соловьев, «при всей своей прочности и материальной полноте оказалась духовно бесплодной и для прочего человечества бесполезной» [там же: 139]. Соловьев указывает, в частности, на практически полное отсутствие крупных культурных достижений. Даже философию Лао-Цзы, единственного которого называет «великим человеком», он ставит ниже древнеиндийских вед и упанишад, указывая на воспроизведение тех же принципов и идей. Для Соловьева очевидна ограниченность того «казенного» социально-культурного идеала, в которые заключен житель Китая. Конфуцианство — это, собственно, не религия, а идеология, которая неспособна заменить людям первобытную тягу к чудесному. Этот духовный вакуум обнажил всю ущербность официальной китайской культуры и обусловил третий фактор — стремление для китайцев найти альтернативный путь, что выразилось в распространении философии даосизма, буддизма, трансформации последних в соответствии с древнейшими архетипическими традициями, уходя от их официальных догматов в сторону колдовства и шаманизма, т. е. первобытной народной культуры и ее атрибутов. Магия, колдовство, возможность чудес, пантеон первобытных духов-божеств — это все то, что призвано заполнить этот духовный вакуум, религиозную потребность.

Согласно Соловьеву, китайское правительство поступило исключительно мудро, допустив сосуществование трех религий на одной земле, не препятствуя их смешению. В результате возник особого рода сплав, синкретизм религий, «三教 (сань цзяо, дословно «три учения суть одно»), что происходило в результате многочисленных попыток религиозных реформ. Так в XI—XVI века возникло неоконфуцианство (Чжоу Дуньи, Чжу Си и др.), вместившее в себя три религии. Однако даже это триединство не изменяет той основы, восходящей к почитанию предков и культивированию их образа жизни из поколения в поколение, которую критикует Соловьев. Свою критику он проводит от христианского понятия «истинной жизни», нацеленного на постоянное совершенствование своей

собственной жизни. «...если мы действительно привязаны к прошедшему, если мы глубоко любим предков, то мы должны стараться не о том, чтобы сохранять неизменно те старые формы жизни, при которых погибло то, что нам дорого, а, напротив, чтобы постоянно изменять к лучшему, совершенствовать нашу жизнь, пока не достигнем той полноты бытия, которая все совместит в себе и воскресит минувшее для вечной и истинно-неизменной жизни» [там же: 146].

Если суждено когда-либо случиться «примирению двух культур», европейской и китайской, то, согласно Соловьеву, это должны быть не замкнутость на прошлое, а, напротив, «неустанный прогресс, как средство действительного служения предкам, непрерывное стремление к идеальному будущему как настоящий путь для воскрешения минувшего» [там же: 146].

Анализируя современное китайское законодательство в отношении религии, нужно сказать, что ни в одном законе КНР не содержится упоминания о конфуцианстве как о государственной религии или идеологии. Вместо этого, например, в ст. 3 Закона об образовании: «Государство развивает социалистическое образование на основе базовых принципов, установленных Конституцией, руководствуясь идеологией марксизма-ленинизма и идеями Мао Цзэдуна, теорией построения социализма с китайской спецификой» (курсив мой. — А. У.). Формулировки ст. 44 среди общих для любого государства обязанностей обучающихся учебных заведениях Китая имеется специфический п. 3: «соблюдать правила поведения учащихся, уважать учителей и наставников, воспитывать в себе высокоморальные качества, идеологические установки и поведенческие привычки»³ (курсив мой. — А. У.), что уже нельзя однозначно истолковать с точки зрения демократических ценностей. Угрозу традиционным демократическим ценностям добавляют и противоречивая национальная политика современного Китая. Декларируя поворот к гуманности, он тем не менее в своей внутренней политике нередко демонстрирует прямо противоположные тенденции. Примером тому являются сообщения о нарушении прав религиозно-этнических меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе⁴.

Учитывая, что большинство решений, китайскими лидерами принималось под влиянием конъюнктуры (на основании изменяющихся новых стратегий и стратагем), «чередa событий, приведших Китай к капитализму, никем не планировалась, а итоги реформ оказались полной неожиданностью для всех» и факта, что после смерти Мао Цзэдуна Китай «развивался без стратегического плана, не имея понятия о конечной цели» [Коуз, Нин Ван, 2016: 14], напрашивается вывод о непредсказуемости и внешнеполитического курса Китая, зависимость последнего от настроений очередного главы КПК, а также от мировой конъюнктуры международных отношений.

По мнению Коуза и Ван Нина, «преданность социалистическим идеям и радикальный антитрадиционализм Коммунистической партии Китая осложнили

³ Закон Китайской народной республики об образовании» от 18 марта 1995 года // Законы об образовании в Китайской народной республике. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/zakon_ob_obrazovanii_v_kitayskoy_narodnoy_respublike_rus.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ В этом отношении представляет интерес материал Джон Садуорта «Как в китайских тайных лагерях “перевоспитывают” мусульман-уйгуров. Расследование Би-би-си». URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46019069> (дата обращения: 12.04.2024).

отношения между новым правительством и наиболее образованными членами общества», и «ни одна другая часть общества не перенесла столько унижений и не пострадала столь сильно в период правления Мао Цзэдуна, как интеллигенция» [там же: 25]. Причины этого понятны: веками Китай находился под влиянием конфуцианства, соответственно образованная элита — чиновничество и ученые, интерпретаторы и проводники конфуцианских идей — занимали привилегированное положение. Они играли решающую роль в сохранении традиций и легитимации политического режима. Как государственные служащие они были моральным и институциональным противовесом власти монарха. Образованная часть китайцев представляла собой ядро аристократии, тем «средним классом», на которое опирался монарх в провинции и на подчиненных территориях. Однако уже после 1912 года все эти функции стали переходить к правящей партии.

Идеологическая политика Мао Цзэдуна, в том числе его теория нескончаемой классовой борьбы, с неизбежностью привели к массовым репрессиям и тоталитаризму. Однако нельзя сравнить репрессии интеллектуалов в годы «культурной революции» с жертвами политики «большого скачка» 1958—1960 годов, когда за три года чудовищной аграрной политики по экспорту зерна по разным данным от голода погибло 30—40 миллионов крестьян. Не менее пострадали и правящие круги: по данным Коуза и Ван Нина, «ветераны компартии оказались в самом центре политической борьбы», а «политическая структура общества и государственный аппарат были сильно ослаблены» [там же: 38]. Тотальный контроль за средствами массовой информации и членами правительства исключал возможность какого-либо несогласия или конкуренции с властями в Пекине, не говоря уже о сколько-нибудь серьезном протесте.

Результатом той политики, которую проводил Мао Цзэдун, явилась страна «с раздробленным обществом, фрагментированной экономикой, невнятной и сумбурной политикой — страной, едва плетущейся по пути, который некогда казался “золотой дорогой” к социализму», поэтому еще одним закономерным результатом явилось «недовольство огромного количества людей, и большинство из них жаждало перемен» [там же: 39]. В КНР уже более сорока лет происходят экономические реформы. III Пленум ЦК Коммунистической партии Китая, прошедший в декабре 1978 года, ознаменовал начало политики реформирования всех сфер жизни общества, направленную на совместное развитие с другими государствами, по словам Пивоваровой, извлекать истину не только «из книг», но и из «фактов» [Пивоварова, 2011: 9]. На Пленуме председатель Дэн Сяопин озвучил лозунг, который стал основой нового курса страны, направленного на «социалистическую модернизацию»: «Реформа и открытость для внешнего мира» [Богданова, Солнцева, 2018: 14].

В 1953—1954 годах в результате двухсторонних соглашений между Индией и Китаем тогдашним главой КПК Чжоу Эньлаем были выдвинуты пять принципов мирного сосуществования: «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование» [Дэн Сяопин, 1993: 491]. Обращение к конфуцианским традициям явилось одной из отличительных черт стратегии Ху Цзиньтао. В 2004 году китайское руководство отказалось от прежнего курса «мирного возвышения» Китая как обособленной страны, была выдвинута идея «гармоничного мира и совместного процветания».

Снова был создан акцент на экономическую составляющую. По мнению Коуза, который согласен с Хинтоном [Hinton, 1990], «экономические реформы в Китае стали возможны благодаря полному отказу от наследия Мао» [Коуз, Нин Ван, 2016: 20], что означает, что апелляции преемников Мао Цзэдуна к преемственности его политики являются не более чем политическими декларациями.

Наконец, на XVII съезде КПК 2007 года был закреплен термин «мягкой силы», озвучены новые лозунги, основанные на новой концепции «создания гармоничного мира» внутри и за пределами Китая. В сущности, «мягкая сила» и является ответом на «третью мировую войну без оружия», о которой говорил еще Дэн Сяопин. Это завуалированное заявление о начале КНР информационной войны против своих явных и потенциальных врагов.

Сравнивая Си Цзиньпина с его предшественниками, Первым императором Цинь Ши Хуанди, Дэн Сяопином и Мао Цзедуном, Ю. В. Тавровский отмечает, что «еще до его прихода к власти у него сложилось собственное видение будущего Китая, выходящее довольно далеко даже за пределы 2049 года, когда должен быть выполнен план “китайской мечты о великом возрождении китайской нации”», который, по-видимому, включает не только культурное развитие, но и «место в глобальной политике» [Тавровский, 2018: 18] — возможную территориальную экспансию Китая? Например, позиция правящих кругов КПК по Тайваню не меняется и даже становится все более агрессивной.

Главную опасность Соловьев, таким образом, видел в «китаизации Европы», восприятию ею «языческого идеала»: «усвоение этого идеала было бы для нас самоотрицанием в дурном смысле этого слова, т. е. отречением от *своего хорошего* (курсив мой. — А. У.), — отречением от христианства... такое самоотречение было бы равносильно полной утрате самой причины нашего исторического существования» [Соловьев, 1914: 149]. Если Китай силен «верностью себе», то восприятие чуждых традиций Европой сделает ее не только слабой, но и разрушит те культурные устои, на которых держится европейская цивилизация. А среди последних: ценность человеческой жизни, свободы и автономии, народный суверенитет. Эти ценности фактически отсутствуют и в современной системе ценностей китайцев. Например, традиционно низкое значение жизни человека странным образом коррелирует с многочисленными сообщениями о случаях насильственной трансплантации органов заключенных в современном Китае⁵.

Современная идеология Китая — социализм с китайской спецификой (то есть основанный на симбиозе марксизма, маоизма и конфуцианства) сглаживает противоречия между религией и китайским социализмом — двумя непримиримыми противоположностями по К. Марксу, однако путем подчинения первой последнему. Таким образом, создается видимость цивилизационной преемственности без конфликта культур. Такое состояние достигается путем полного подчинения силами образования, пропаганды и государственного насилия массового сознания господствующей идеологии. Разительное противоречие таких культурно-политических и психологических установок хорошо видно, например в различиях понимания понятия «свободы» в западной и восточной

⁵ См. об этом подробнее в материале Русской службы ВВС «Расстрельные органы. Ученые требуют изъять из научных журналов 400 статей о трансплантации. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47161080> (дата обращения: 16.04.2024).

парадигмах. Если в китайской культуре быть свободным может означать «неограниченность передвижения, духовное освобождение, стремление к материальному достатку и благополучию, которые определяются иерархической структурой китайского общества и неуклонным следованием нормам и правилам поведения», и «в этой свободе, как в зеркале, отражается развитие китайского языка и формирование современного китайского общества» [Дубкова, 2021: 62—63]. Напротив, свобода в западной цивилизации — это отсутствие внешнего принуждения (даже со стороны власти), в то же самое время ограниченное равным правом на свободу других людей (чего нет в китайской традиции), у Дж. Локка это свободный «Каждый человек свободен от природы, и никто не имеет права подчинить его какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия» [Ухов, Ковров, Симонян, 2023: 80].

Более того, анализируя работы современника Соловьева В. В. Верещагина, можно сделать вывод о том, что «Восток тем не менее не обладал каким-либо “духовным единством” с Россией» [Ухов, 2022: 117], как на то указывают современные неоевразийцы. Нет, российская история — это не «развертывание во времени геополитического, этно-культурного и цивилизационного наследия Чингис-хана» [Дугин, 2002: 778]. Подводя итог, можно поставить вопрос: не являются ли идеи В. С. Соловьева о панмонголизме актуальными и в наши дни?

Библиографический список / References

- Богданова Н. А., Солнцева Е. Г. Особенности дипломатического курса Дэн Сяопина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (88). С. 10—14.
(Bogdanova N. A., Solntseva E. G. Features of Deng Xiaoping's diplomatic course, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2018, no. 2 (88), pp. 10—14. — In Russ.)
- Дубкова О. В. Свобода по-китайски: анализ концепта 自由 / свобода в китайской лингвокультуре // Многоязычие в образовательном пространстве. 2021. № 13. С. 58—66. DOI: 10.35634/2500-0748-2021-13-58-66
(Dubkova O. V. Freedom in Chinese: analysis of the concept 自由 / freedom in Chinese linguistic culture, *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 2021, no. 13, pp. 58—66. — In Russ.)
- Дугин А. Основы Евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. 800 с.
(Dugin A. *Fundamentals of Eurasianism*, Moscow, 2002, 800 p. — In Russ.)
- Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин: Народ, 1993. Т. 3. 418 с.
(Deng Xiaoping. *Selected works*, Beijing, 1993, vol. 3, 418 p. — In Russ.)
- Коуз Р., Нин Ван. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 195 с.
(Coase R., Ning Wang. *How China became capitalist*, Moscow, 2016, 195p. — In Russ.)
- Осьминина Е. А. Культура Китая в осмыслении В. С. Соловьева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11 (784). С. 220—228.
(Os'minina E. A. Culture of china in the comprehension of V.S. Soloviev, *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Series: Humanities*, 2017, no. 11 (784), pp. 220—228. — In Russ.)

Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь Юй»: исслед., пер. с кит, коммент.: факсимильный текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. Москва: Восточная литература, 2000. 588 с. (Perelomov L. S. *Confucius: "Lun Yu"*, Moscow, 2000, 588 p. — In Russ.)

Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011. 352 с. (Pivovarova E. P. *Socialism with Chinese characteristics*, Moscow, 2011, 352 p. — In Russ.)

Радлов Э. Л. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913. 266 с. (Radlov E. L. *Vladimir Solovyov: life and teaching*, St. Petersburg, 1913, 266 p. — In Russ.)

Смирнов Д. Г., Шаповалова А. С. Умная сила России: логико-понятийный дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 178—184. DOI 10.46726/И.2024.1.18.

(Smirnov D. G., Sharovalova A. S. Smart power of Russia: logical and conceptual discourse, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, no. 1, pp. 178—184. — In Russ.)

Соловьев В. С. Китай и Европа (1890) // Соловьев В. С. Собрание сочинений / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. 6. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911—1914. С. 93—152.

(Soloviev V. S. China and Europe (1890), in Soloviev V. S. *Collected works*, vol. 6, St. Petersburg, 1911—1914, pp. 93—152. — In Russ.)

Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин. Новая эпоха. М.: Эксмо, 2018. 383 с. (Tavrovsky Yu. V. *Xi Jinping. New era*. Moscow, 2018, 383 p. — In Russ.)

Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004. 256 с.

(Torchinov E. A. *Taoism. "Tao Te Ching"*, St. Petersburg, 2004, 256 p. — In Russ.)

Ухов А. Е., Ковров Э. Л., Симонян Э. Г. Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение // Философская мысль. 2023. № 10. С. 63—81. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.40080.

(Ukhov A. E., Kovrov E. L., Simonyan E. G. The problem of freedom in the philosophy of John Locke: a semiotic reading, *Philosophical thought*, 2023, no.10, pp. 63—81. — In Russ.)

Ухов А. Е. Опасности восточного тоталитаризма В. С. Соловьев и В. В. Верещагин vs евразийцы // В. В. Верещагин: Искусство и общество: сборник докладов научной конференции. Череповец; Вологда: Череповецкий гос. ун-т, 2022. С. 108—119.

(Ukhov A. E. The dangers of Eastern totalitarianism V. S. Soloviev and V. V. Vereshchagin vs Eurasians, in V. V. *Vereshchagin: Art and Society: Collection of reports of a scientific conference*. Cherepovets; Vologda, 2022, pp. 108—119. — In Russ.)

Hinton W. *The Great Reversal: The Privatization of China, 1978—1989*, New York: Monthly Review Press, 1990, 191 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ухов Артем Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина», с. Молочное, г. Вологда, Россия, uae893@yandex.ru

Ukhov Artem Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State Dairy Farming Academy by N. V. Vereshchagin», Molochnoe village, Vologda, Russian Federation, uae893@yandex.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Научная статья
УДК 130.12:81
DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.69-78

И. И. Булычёв

О ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ КОНСТАНТАХ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье отстаивается положение о том, что сознание неразрывно связано с языком и мышлением и только через них обнаруживается как реальное явление. Показано, что язык и мышление обладают по отношению к сознанию и друг другу известной самостоятельностью, которая заключается в том, что мышление — более подвижный, язык — более устойчивый способ существования сознания. Предложены определения языка и мышления как, соответственно, герменевтического и ассоциативного способов существования сознания. Автор выдвигает целостную гипотезу фундаментальных констант языка и мышления, которая опирается на представление о наличии единого алгоритма у философских категорий, включающего в себя описание их атрибутов, основных противоречий и структуры.

Ключевые слова: сознание, язык, мышление, алгоритм, константа,мыслеобразование, мысленивелирование, мыслеоптимизация

Ссылка для цитирования: Булычёв И. И. О фундаментальных константах языка и мышления // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 69—78.

Original article

I. I. Bulychev

ON THE FUNDAMENTAL CONSTANTS OF LANGUAGE AND THINKING

Abstract. The article defends the position that consciousness is inextricably linked with language and thinking and only through them is revealed as a real phenomenon. It is shown that language and thinking have a certain independence in relation to consciousness and each other, which lies in the fact that thinking is more mobile, while language is a more stable way of existence of consciousness. Definitions of language and thinking are proposed as, respectively, hermeneutic and associative ways of consciousness existence. The author puts forward a holistic hypothesis of the fundamental constants of language and thinking, which is based on the idea of the presence of a single algorithm for philosophical categories, which includes a description of their attributes, basic contradictions and structure. It is substantiated that the attributes of language are natural and artificial languages, the sides to the main contradiction are the signifier and the signified; the structure includes a phoneme, a word and a sentence. The attributes of thinking are imagination and perception, the sides to the main contradiction are thought formation and thought leveling; the structure includes a concept, judgment and inference.

Keywords: consciousness, language, thinking, algorithm, constant, thought-formation, thought-leveling, thought-optimization

© Булычёв И. И., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 69—78 •

Citation Link: Bulychev I. I. (2024) On the fundamental constants of language and thinking, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 69—78.

Человеческое сознание как особое явление органично включено в единый процесс природного и общественного изменения и развития. Сущность человеческого сознания идеальна (нематериальна, духовна, ментальна). Однако эта идеальная сущность не действует (не существует) сама по себе, т. е. не оторвана от материальных процессов. В истории философии идеальная сущность сознания порой вырывалась из сложного жизненного контекста и чрезмерно преувеличивалась, что приводило к формированию концепций абсолютного идеализма (гегельянство). Вплоть до настоящего времени характер взаимосвязи языка, мышления и сознания интерпретируется неоднозначно. Как отмечают специалисты, существующие трактовки от самых древних времен и до наших дней колебались между двумя крайними полюсами: отождествлением и полным слиянием мысли и слова и их столь же абсолютным разрывом и разъединением. Показательны в рассматриваемой связи два разных направления: «менталистическое», тяготеющее к отождествлению языка и мышления и приписывающее языку ту роль, которая в действительности принадлежит мышлению, и «механистическое» (бихевиористское), отрывающее язык от мысли и рассматривающее мышление как нечто внеязыковое (экстралингвистическое), исключая тем самым его из теории языка, вплоть до того, что мышление вообще объявляется фикцией.

Автор данной статьи продолжает отстаивать теоретическую парадигму, согласно которой сознание неразрывно связано с языком и мышлением и только через них обнаруживается как реальное (эмпирическое) явление. При этом язык и мышление обладают по отношению к сознанию и друг другу известной самостоятельностью, которая заключается в том, что мышление — более подвижный (текущий, динамичный, изменчивый) способ существования сознания, тогда как язык — более устойчивая его (сознания) сторона [Бульчѳв, 2010]. Языки сопротивляются изменениям. Специфика языка и мышления проявляется на самых различных уровнях, она может быть подтверждена, например, фактами отсутствия тождества между понятием и словом, суждением и предложением.

Процесс языкового общения главной целью имеет достижение понимания субъектами друг друга. Понимание или непонимание человеком зависит от наличия или отсутствия ассоциативных связей в мышлении и глубины их осмысления. Понимание есть способ проникновения в мысли субъекта. Мышление — это мир ассоциаций. Сущность ассоциации — сблизить два разных (ранее не связанных) содержания в новую (целостную) рефлексивную форму. В мышлении сначала сблизжаются (соприкасаются), а затем сплетаются воедино, казалось бы, не связанные между собой идеи и воспоминания, понятия, суждения и умозаключения, создающие сложную духовную сеть. Данный когнитивный процесс формирует наше восприятие и стимулирует воображение. Мир ассоциаций постоянно расширяется, ибо одна ассоциация влечет за собой возникновение следующей, создавая целый их каскад. Соединение (слияние) разнородных понятий делает ассоциативное мышление инструментом креативности и позволяет генерировать новые идеи.

Ассоциации опираются на физиологические основания, состоящие из условных, соприкасающихся и кратковременных нервных связей, которые

ответственны за предметное сходство. Весь процесс сводится к анализу и операции синтеза, сближения с остальными умственными процессами. Как и другие отдельные ощущения, ассоциация в результате частого повторения закрепляется и становится отчетливой. Составляющие нервных процессов настолько сильно связываются, что даже самое малое возбуждение влечет воспроизведение полной ассоциации. Если ассоциация (осязательно-зрительно-слуховая) установлена, тогда при малейшем воздействии на любое из ощущений, при слабом нервном возбуждении осязательного, слухового или зрительного нерва звуком или формой она воспроизводится в сознании целиком. Благодаря сближению и соединению ассоциативные связи легко артикулируют новые вещи, имена или события. Субъекты формируют собственные творческие ассоциации, находя запоминающиеся и разнообразные дорожные карты. В процессе их построения участвуют разные органы чувств, отсюда наличие разнообразных вкусовых, визуальных, слуховых, обонятельных ассоциаций. Мысли субъекта нередко создают несколько различных ассоциаций или их цепочку. Ассоциации во многом детерминированы личным опытом, что придает им индивидуальный характер: можно, например, связать простуду с зимой, пароход — с турпоездкой и т. д. Своим воображением (фантазией) люди разрывают устоявшиеся ассоциативные связи и создают новые.

К мышлению любого уровня (индивидуального или общественного) предъявляются два противоречивых требования: с одной стороны, ассоциативные связи должны отличаться устойчивостью, надежностью, прочностью, с другой — устаревшие или ложные ассоциации необходимо своевременно элиминировать. В силу объективной необходимости и под напором общественного мнения беспрерывно возникают новые и разрушаются старые ассоциативные связи, благодаря чему мышление трансформируется. Жизнь способна в любой момент преподнести какую-либо неожиданность, требуя перестройки ассоциативных связей. Ассоциативное мышление дает возможность субъекту реагировать на жизненную ситуацию мгновенно, не задумываясь.

Итак, далее буду исходить из того, что язык суть герменевтический, мышление — ассоциативный способы существования (атрибуты) сознания. На этом ключевом представлении базируется теоретическая гипотеза фундаментальных констант языка и мышления.

Язык обладает двумя специфическими атрибутами. В качестве таковых выступают естественный (вербально-невербальный) и искусственный языки (см. табл. 1).

Таблица 1

Логическая матрица категории «язык»

Атрибуты	Стороны основного противоречия	Структура и функции
Естественный язык	Означающая	Фонема Слово
Искусственный язык	Означаемая	Предложение

Естественные (человеческие) языки, в отличие от искусственных языков, не создавались целенаправленно, они исторически сложились в ходе эволюции человеческого общества. По подсчетам лингвистов, в настоящее время в мире насчитывается от 2500 до 7000 естественных языков. Такой большой разброс

в оценке количества связан со сложностью разграничения языка и диалекта. Естественный язык складывается как национальный, в чем и заключается его сущность. Национальный язык является наследником языка соответствующего этноса. Этнический язык — это продукт конкретной народности, создающий основу внутриэтнического социокультурного единства путем реализации своей герменевтической роли. Искусственный язык, в отличие от естественного, является специально сконструированным. В этом заключается его социальная сущность. В искусственных языках лексика, фонетика и грамматика специально разработаны для воплощения определенных целей. Именно сконструированность, т. е. изобретенность, отличает искусственные языки от естественных.

Естественный и искусственный языки выступают противоположностями дополнительного типа, то есть, строго говоря, в рамках данной вещи (языка) не могут меняться местами и переходить друг в друга. В этом плане их полярность абсолютна. Вместе с тем ситуация абсолютности не исключает некоторых моментов относительности. Так, со временем немало фрагментов искусственного становятся неотъемлемыми составными естественного языка. Несмотря на постоянный рост вкраплений искусственного происхождения, естественный язык не теряет своего основного качества. Аналогично обстоит дело и с развитием искусственного языка.

Сторонами основного противоречия языка выступают, по-видимому, означающая и означаемая его противоположности, которые способны меняться местами и переходить друг в друга (см. табл. 1).

Означающая сторона есть то, что в знаке доступно восприятию (зрению, слуху), например, звуковая комбинация из четырех фонем: г-л-а-с (глаз). Термин «означающее» относится к языковым звукам или знакам, которые используются для передачи смысла (значения). Это акустическая или визуальная форма, которая вызывает ассоциации и представления у людей. Например, слово «волк» является означающим для конкретного звукового или графического образа. Сущность означающего наиболее точно репрезентирует термин «выражающее», который высвечивает, обнаруживает форму (звуковую, графическую и т. д.), в которой присутствует искомое означаемое. Означаемое — это смысловое содержание в знаке, переданное означающим как посредником.

Означаемое — мыслительный эквивалент означающего, звуковой перевод идеи. Например, смысл термина «глаз» — орган зрения. Означаемое относится к понятийному (концептуальному) содержанию, неразрывно связанному с означающим. Означаемое понимается или ассоциируется с определенным знаком или символом. Например, значение слова «волк» может быть разным в представлении каждого человека (воображаемое животное может быть меньше или больше). Сущность означаемого (обозначаемого) наиболее точно репрезентируется термином «позиционирование», которое отражает как содержание, так и форму означаемого. Позиционирование помогает выявить и донести смысловую значимость (ценность) до целевой аудитории. Благодаря позиционированию локализуется (фиксируется) мыслительный эквивалент означающего.

Специалисты в области языкознания акцентируют внимание на том, что означающее и означаемое языкового знака, будучи подчинены различным условиям существования, обладают специфическими сущностями. Так, означаемое в языке и речи детерминировано законами когнитивной системы и носит кумулятивный характер. Означающее в речи детерминировано в своем существова-

нии действием когнитивного и артикуляционного механизмов. Таким образом, связь между означаемым и означающим симметрично-асимметрична.

Структура языка включает в себя три основные тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные функции: фонему, слово и предложение (см. табл. 1).

Фонема — это единица звукового строя языка, с помощью которой различаются и отождествляются морфемы и тем самым слова. Это минимальная смыслоразличительная единица языка, которая не имеет самостоятельного лексического или грамматического значения. Фонему определяют как совокупность различительных признаков. В устной речи русские «дам» и «там» различаются фонемами [д] и [т] (различительным признаком является глухость — звонкость). Сравнительно небольшое число фонем (в русском языке 44) реализуются в речи в виде множества вариантов [Новый энциклопедический словарь, 2001: 1288]. Наиболее точно сущность фонемы выражает словосочетание «графический знак». Пример: в русском языке знаком речи для звука «ш» является буква «ш». Графический знак — это акустически-артикуляционный знак устной или произносимой речи.

Слово — одна из основных единиц языка, служащая для наименования предметов, лиц, процессов, свойств. Слово в языкознании рассматривается с точки зрения звукового состава; значения; морфологического строения; словообразовательного характера; участия в той или иной парадигме; принадлежности к какой-либо части речи; роли в предложении; стилистической функции; происхождения [там же: 1122]. Наиболее концентрированно сущность слова передает термин «признак», который означает (в математике, логике) наличие достаточного условия для принадлежности объекта некоторому классу. Признак — своеобразный симптом, который выступает индикатором наличия рассматриваемой языковой единицы.

Предложение — это одна из основных категорий синтаксиса, противопоставленная по своей функции (форме, значению) слову и словосочетанию. В широком смысле предложение суть любое высказывание, являющееся сообщением о чем-либо и рассчитанное на слуховое или зрительное восприятие. В узком, собственно грамматическом смысле предложение есть особая синтаксическая конструкция, имеющая в своей основе специальный абстрактный образец, организованная по законам данного языка и предназначенная для того, чтобы быть сообщением [там же: 961]. Сущность предложения адекватно раскрывает термин «формулировка» (сформулировать мысль, формулу и т. п.). Формулировка предложения есть процесс его формирования, то есть развертывания какой-либо информации в соответствии с теоретическими и методологическими принципами конкретной дисциплины.

Атрибутами мышления, скорее всего, являются восприятие и воображение, детерминационный вес которых равновелик (см. табл. 2).

Таблица 2

Логическая матрица категории «мышление»

Атрибуты	Стороны основного противоречия	Структура и функции
Восприятие Воображение	Мыслеобразующая Мысленивелирующая	Понятие Суждение Умозаключение

Под восприятием понимается сложный процесс приема и преобразования информации, в результате которого живой организм создает себе наглядный образ окружающего мира и собственного тела. Сущность восприятия точнее всего передает термин «уяснение». В данном случае речь может идти об уяснении стоящей перед субъектом задачи или цели (по принятию решения о какой-либо операции). Будучи формой чувственного отражения предмета, восприятие включает ознакомление с объектом как чем-то целостным, различение отдельных признаков в объекте, выделение в нем информативного содержания, адекватного цели действия, формирования чувственного образа [там же: 211]. Восприятие есть процесс непосредственного уяснения того, что непосредственно воспринимается (субъектом), процесс ознакомления (оценки, выявления соотношения с ранее известными объектами или предметами).

Воображение (фантазия) — это мыслительная деятельность, состоящая в изобретении (создании) представлений, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности. Представляя отсутствующий или реально не существующий объект, субъект удерживает его в сознании и мысленно манипулирует им. Сущность воображения как раз и заключается в его способности изобретать. Достижения людей, преобразующие мир, есть во многом результат их изобретательности, реализации, имеющейся в ней творческого потенциала. Изобретательность отличает свойство находчивости, т. е. сообразительности. Мы живем в постоянно меняющемся мире, поэтому именно находчивый человек способен адекватно отвечать на новые вызовы и благодаря быстрой ориентации и использованию наиболее подходящих средств достигать поставленных перед собой целей.

В отличие от восприятия, наш мозг не отличает воображение от реальности. Оно одинаково реагирует на события, происходящие как в реальности, так и на те события, которые субъект воображает. Эту способность мозга можно использовать в интересах расслабления и успокоения тела и разума, создания безопасной и здоровой среды внутри организма. Многочисленные исследования показывают: намеренно позитивное мышление положительно влияет на наше состояние. С помощью собственного мышления (использования метода плацебо) можно улучшить зрение, физическую форму и силу. Напротив, если сознание находится под влиянием негативных внушений, от которых тело начинает страдать, то мы имеем дело с эффектом ноцебо, которое демонстрирует отрицательную сторону внушаемости и способно нанести вред здоровью. Ноцебо может срабатывать как сарафанное радио (люди намеренно или ненамеренно распространяют слухи, ошибочные рекомендации и т. п.) [Фоменко, 2021: 124, 129, 138, 139].

Сторонами основного противоречия мышления выступают, очевидно, мыслеобразующая и мысленивелирующая способности (см. табл. 2).

Мыслеобразование (ср. [Дьяков, Костромина, 2022]) имеет под собой как объективные, так и субъективные основания. Объективные основания обусловлены сцеплением явлений и процессов в самой природе, существующих вне и независимо от сознания человека. Соответственно, в его сознании присутствует мыслеобразующий фактор, который не зависит ни от человека, ни от человечества. Природа живет по своим законам, которые предполагают наличие отношений между причиной и следствием, частью и целым, содержанием и формой.

Длительное время законы механики, космологии или биологии существовали как бы сами по себе, не находя соответствующего словесного отображения.

Природа использует сенсорные органы человека для трансляции информации, которая становится его мироощущением. В нем присутствуют те же самые причинно-следственные и другие закономерные связи. Аналогичные закономерные связи наличествуют в логике слов. Вещественный мир живет по своим естественным законам и демонстрирует их человеку, который при желании способен перевести полученную информацию с натурального языка природы на язык слов. Именно так, под воздействием объективного фактора, происходит таинство творения разумной жизни в организме Вселенной. Природа живет по своим объективным законам, оказывающим программирующее воздействие на процесс мышлеобразования в голове любого человека (в том числе Галилея, Коперника, Ломоносова, Менделеева, Ньютона). Тем самым объективные законы природы трансформируются в гносеологические законы, т. е. законы мышлеобразования. Последние репрезентируют природные естественные причинно-следственные связи, не нарушая важнейший принцип объективности.

Объективность природных оснований мышлеобразования носит абсолютный характер в том смысле, что не зависит от представлений различных человеческих субъектов или каких-либо акторов, мышление которых в большей или меньшей степени отклоняется от абсолютной правильности или истинности. Объективность природных связей и отношений в более или менее адекватном виде находит свое воплощение в человеческом мышлении с его восприятием и воображением. Возникающие в этом процессе ассоциативные связи также содержат непреходящий компонент объективности, что позволяет сделать по многим вопросам единомышленниками весь людской род. Данная, во многом объективная по своему содержанию, ассоциативность позволяет сформировать адекватное мышление в голове человека даже вопреки манипуляциям со стороны политических элит, государственных деятелей или СМИ.

Симбиозы ассоциаций объективного толка, аккумулирующиеся веками и тысячелетиями, передаются от одного поколения к другому в виде жизненного опыта. Следовательно, сама человеческая духовность обладает механизмом приведения разномыслящих граждан к единомыслию. Ложные мысли отторгаются в ходе исторической практики. Появление такой новой сущности, как идеальность, позволило индивиду и социуму в определенном смысле вырваться из закономерных объятий природы. Человек научился подменять смычку объективных вещей, свойств и отношений гносеологическими связями (логикой слов и предложений). В результате формируется субъективный идеальный мир в качестве альтернативы миру объективному. Следовательно, на мышлеобразование стали оказывать влияние два мира — материальный и идеальный.

Благодаря мышлеобразующему элементу индивид или социальная группа обзаводятся собственным мнением. У каждого из субъектов ассоциативное мышлеобразование происходит в контексте своей жизненной ситуации. Что было бы в случае отсутствия у субъектов возможности трансформировать объективные причинно-следственные связи в субъективные и свободно манипулировать ими? Они и в мыслях, и в поведении оказались бы запрограммированы законами природы (не имели бы своего мнения) и ничего социального, ничего индивидуального в них не осталось бы. Это были бы в лучшем случае биороботы, а в худшем — просто предметы, каких во Вселенной великое множество.

Субъекты, у которых складываются одинаковые ассоциативные связи в процессе мышлеобразования, — единомышленники. Для преумножения числа своих единомышленников политики используют самые различные средства (пропаганда, агитация и др.). Гносеологические и в своей сущности объективные ассоциации начинают подвергаться все более мощному и изощренному воздействию социально-аксиологических факторов. Возрастает пласт ошибочных ассоциативных связей в мышлении, создаваемых как непреднамеренно, так и со злым умыслом. Ложные идеи (замыслы) нередко имеют видимость правого дела, что и делает единомышленниками людей, заблудившихся в собственных мыслях.

В результате процесса мышлеобразования рождается замысел: это может быть некая цель работы (деятельности) или намерение, предприятие или план, построение художественного или научного произведения, а также интриги или козни. Замысел может иметь вид задания, или миссии (например, полет человека на Луну или Марс). Замысел выступает сущностью процесса мышлеобразования. Замысел в формате мышлеобразования — это инициатива (какое-либо намерение, не обязательно обусловленное необходимостью).

Мысленивелирование — противоположная сторона мышлеобразования, также имеющая под собой естественную природную основу. Сущность мысленивелирования в рассматриваемом формате заключается в мыслеоптимизации, т. е. в направленности развития мыслительного процесса к лучшему состоянию. С этой целью мысленивелирование призвано решить две основные задачи: во-первых, оно призвано освободиться от «незакрепленных» образов-знаков, которых великое множество и которые способны переполнить и «засорить» сознание субъектов; во-вторых, связано с намеренными субъективными стремлениями человека забыть ненужные или даже вредные ассоциации. Специалисты предлагают множество вполне разумных методов избавления от вредных и ненужных ассоциаций. При этом речь идет не только об отдельных индивидах и личностях. Негативное мышление (страхи, фобии) нередко захватывает большие группы людей. И здесь уже на помощь должна прийти социальная психология. Оптимизация мыслительного процесса суть его модернизация, предполагающая неустанное совершенствование мышления субъектов в соответствии с современными требованиями гуманизма и борьбы с разного рода антигуманистическими тенденциями.

Мыслеобразующая и мысленивелирующая стороны находятся в состоянии единства и борьбы, они взаимопроникают и взаимопереходят друг в друга. Например, идет формирование новой гипотезы или теории. В процессе этой мыслеобразовательной деятельности одни формулировки и определения закрепляются, тогда как другие переформулируются или полностью отбрасываются, т. е. идет постоянный процесс частичного или полного мысленивелирования.

Структура мышления включает в себя три основные функции: понятие, суждение и умозаключение (см. табл. 2).

Понятие есть мысль, фиксирующая определенные свойства и отношения вещей (предметов и явлений). Специфическая черта понятия, отличающая его от единичного созерцания и восприятия, — отвлечение от подобных конкретных проявлений. Понятие в качестве функции мышления приближает к познанию сути предметов и явлений, ибо устанавливает связи между ними, определяет отношения вещей (объектов) по отношению друг к другу, обобщает их признаки. Понятие существует в виде слов, которые могут обозначать что-то единичное

(один предмет — «луна», «река Волга»), общее («человек», «сознание»), конкретное («гвоздь», «яблоня»), абстрактное («гуманизм», «прогресс»). Отвлечение от конкретных проявлений какой-либо вещи позволяет абстрагироваться от индивидуальных черт каждого отдельного явления с целью выделения его закономерных и существенных свойств.

Суждение (высказывание) — умственный акт, выражающий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли посредством утверждения модальности сказанного. Суждение в качестве функции мышления предполагает подтверждение или опровержение какого-то факта, события, свойства. Проявляется оно во фразах, однако не каждая фраза является суждением. Так, междометие или односложное предложение не относится к этой форме мышления (примеры: «Ой!», «Мне больно!»). Акт подтверждения/опровержения и составляет сущность суждения.

И подтверждение, и опровержение предполагают обоснование выдвигаемых суждений. Предложения, как правило, имеют повествовательный характер. Так, суждение «Земля вращается вокруг Солнца» имеет свое обоснование как теоретического, так и эмпирического плана (убедительные аргументы, или доводы, в силу которых данное суждение принято земным сообществом в качестве утвердительного, то есть концептуального). Обоснование, как правило, включает целую серию мыслительных действий, призванных пояснить или добавить необходимые детали в обоснование суждения.

Суждение-опровержение. Опровержение в логике — это полное обоснование утверждения о ложности положения. Опровержение отличают от критики — частичного обоснования утверждения о ложности высказывания. Самым простым и надежным способом опровергнуть какое-либо суждение (тезис) является приведение убедительных фактов. Более сложным методом выступает использование логики — научной, диалектической (порой весьма сложной по своей аргументации). Опровержение заключается в несогласии (расхождении) с выдвинутым (первоначальным) суждением. Опровержение является противоположностью исходного утверждения. Если исходное утверждение гласит, что «А», то опровержение будет утверждать, что «не А». Например, если исходное утверждение звучит как «Все птицы летают», то опровержение будет звучать как «Не все птицы летают».

Умозаключение по своей сущности есть языковой акт, который представляет собой мысленное действие, связывающее в ряд посылок и следствий понятия и суждения. Если нормы и типы этой лексической смычки совпадают с правилами и законами логики, умозаключение по своему результату равносильно логическому выводу. Яркий пример умозаключения — это доказательство геометрических теорем. Умозаключение в качестве функции мышления образуется при помощи нескольких суждений. Оно может быть правильным или неправильным. Когда говорят об этом свойстве, то имеют в виду теоретическую возможность проверки, так как правильность вывода — это субъективное явление, которое может проверяться в течение продолжительного времени посредством экспериментов и логических рассуждений. Между суждением и умозаключением существует тесная связь, так как без первого невозможно второе. Взаимодействующие между собой понятие, суждение и умозаключение являются основой для развития мышления, формируют картину человеческого сознания. Отличительная особенность умозаключения заключается в движении

мысли от известного к неизвестному, от одних суждений и понятий к другим, в результате чего выводится новое знание.

Таким образом, гипотеза фундаментальных констант языка и мышления опирается на представление о наличии единого алгоритма у философских категорий, включающего в себя описание их атрибутов, основных противоречий и структуры. Так, атрибутами языка выступают естественный и искусственный языки, сторонами основного противоречия — означающее и означаемое; структура включает фонему, слово и предложение. В свою очередь, атрибутами мышления являются воображение и восприятие, сторонами основного противоречия — мыслеобразование и мысленивелирование; структура включает понятие, суждение и умозаключение.

Библиографический список / References

Бульчѳв И. И. Категория сознания: интегральный подход // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: История. Филология. Философия. 2010. Вып. 3. С. 45—51.

(Bulychev I. I. Category of consciousness: an integral approach, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: History. Philology. Philosophy*, 2010, no. 3, pp. 45—51. — In Russ.)

Дьяков С. И., Костромина С. Н. Информационно-семантическая система психической самоорганизации в сознательном самоуправлении субъекта // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 67—84.

(D'yakov S. I., Kostromina S. N. Information-semantic system of mental self-organization in conscious self-management of the subject, *Siberian psychological journal*, 2022, no. 83, pp. 67—84. — In Russ.)

Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: Рипол Классик, 2001. 1456 с.

(*New Encyclopedic Dictionary*, Moscow, 2001, 1456 p. — In Russ.)

Фоменко А. Н. Фокус на жизнь: научный подход к продлению молодости и сохранению здоровья. М.: Альпина ППО, 2021. 528 с.

(Fomenko A. N. Focus on life: a scientific approach to prolonging youth and maintaining health, Moscow, 2021, 528 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 14.12.2023; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Бульчѳв Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algoritm@mail.ru

Bulychev Igor Ilyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russian Federation, igor-algoritm@mail.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Научная статья

УДК 165.62

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.79-88

А. С. Тимошук, Е. А. Тимошук

КУЛЬТУР-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме гармонизации диссонанса разных идеальных миров. Гибридизированное бытие характеризуется сосуществованием самых разных информационных структур: в одной ленте могут быть самые разные фрагменты intersubъективных реальностей — лазорева суббота, чистый четверг, праздник трудовой солидарности с чикагскими рабочими, день памяти чернобыльской трагедии. Авторы обращаются к феноменологическому типу рациональности, который представляет комплексный инструмент интерпретации идеационных продуктов мифа, религии, идеологии, науки, повседневности. Феноменология не является новеллой в философии, но ее применение к морали, праву, религии носит еще ограниченный характер. Выводы феноменологии отличаются дифференцированным описанием процессов созидания духовных объектов — сакральное, благодать, справедливость, иеротопия, символ, ритуал, жрец, архетип, гимн, флаг, конституция. Стандартное объяснение духовности связано с интерпретацией супра-субъективной силы, которая формирует интуитивное взаимодействие субъекта с миром. Обосновано, что такая духовность аффективна и затронута культурным наполнением посредством исторически обусловленных институций и традиций. Феноменология предлагает особую интерпретацию духовности путем описания многослойности бытия, его intersubъективности и интенциональности. Сделан вывод, что при обсуждении феноменологической духовности следует учитывать научность и субъективность. Доминирующие представления об исключительности логической ясности натурализма ограничивают феноменологию с ее дескриптивностью, коммуникативностью и эмпатией.

Ключевые слова: феноменологическая духовность, феноменологическая рациональность, intersubъективность, интенциональность, ноэзис, поэма

Ссылка для цитирования: Тимошук А. С., Тимошук Е. А. Культур-антропологическое значение феноменологии // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 79—88.

Original article

A. S. Timoshchuk, E. A. Timoshchuk

CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL SIGNIFICANCE OF PHENOMENOLOGY

Abstract. The article is devoted to the problem of harmonization of dissonance of different ideal worlds. Hybridized existence is characterized by the coexistence of a wide variety of information structures. One feed can contain the most diverse fragments of intersubjective realities — Azure Saturday, Maundy Thursday, the holiday of labor solidarity with Chicago workers, the day of remembrance of the Chernobyl tragedy. The authors turn to the phenome-

© Тимошук А. С., Тимошук Е. А. 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 79—88 •

nological type of rationality, which is a complex tool for interpreting the ideational products of myth, religion, ideology, science, everyday life. Phenomenology is not a novelty in philosophy, but its application to morality, law, religion is still limited. The conclusions of phenomenology are distinguished by a differentiated description of the processes of creation of spiritual objects — the sacred, grace, justice, hierotopy, symbol, ritual, priest, archetype, anthem, flag, constitution. The standard explanation of spirituality is associated with the interpretation of a supra-subjective force that shapes the intuitive interaction of the subject with the world. It is substantiated that such spirituality is affective and affected by cultural content through historically conditioned institutions and traditions. Phenomenology offers a special interpretation of spirituality by describing the multi-layered nature of being, its intersubjectivity and intentionality. It is concluded that when discussing phenomenological spirituality, scientificity and subjectivity should be taken into account. Dominant ideas about the exclusivity of the logical clarity of naturalism limit phenomenology with its descriptiveness, communicativeness and empathy.

Keywords: phenomenological spirituality, phenomenological rationality, intersubjectivity, intentionality, noesis, noem

Citation Link: Timoshchuk A. S., Timoshchuk E. A. (2024) Cultural-anthropological significance of phenomenology, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 79—88.

Вместо введения. Феноменология — философское направление, популярное на Западе в XX веке¹, в узком смысле относится к философской школе, основанной европейским философом Э. Гуссерлем (1859—1938). В основном оно состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле относится к целому философскому направлению: в ее содержание помимо философии Гуссерля входят также различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке XX века².

Феноменология — это не набор учений с фиксированным содержанием, а описание явлений через «непосредственное знание». Ее предмет не является ни объективной вещью, ни объективно существующим эмпирическим фактом или «чувственными данными», а «существованием в чистом сознании», отличным от любого психологического опыта. Ее основные характеристики в основном отражаются в методологии, то есть путем возвращения к исходному явлению сознания, описания и анализа процесса формирования понятий (в том числе существенных понятий и категорий) с целью получения реалистичной информации об установлении (смысле) концепции, а также четкие доказательства. Считается, что только на этой основе можно уточнить истинное значение этих понятий, тем

¹ Этимология слова «феноменология» восходит к работам французских философов Ламберта и Гегеля XVIII века, но его значение отличается от употребления Гуссерлем. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно является результатом феноменологической редукции.

² Эволюция феноменологии восходит к работам философов Декарта, Ламберта, Канта, Гегеля, и ее значение несколько варьируется от философа к философу. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно выступает результатом феноменологической редукции.

самым по-новому объяснить проблемы традиционной философии и провести глубокие исследования в различных областях.

Феноменология развилась как философия резистенции, будучи интеллектуальной реакцией на марксизм и ницшеанство, позитивизм и кризис рационализма. Она предложила преодоление опыта проживания в теле линейного времени и пространства, справедливо заслужив титул «философии будущего». Действительно, с тех пор как угас интерес к позитивизму, прагматизму, экзистенциализму, неотомизму, персонализму и даже космизму, а психоанализ и марксизм превратились в социальные практики, выбрав всю свою философскую глубину, феноменология только расширяет свое поле, разрабатывая региональные домены религии, права, политики и искусства.

Способность оставаться продуктивной методологией феноменология приобрела благодаря своей фундаментальной категории — «сознание». Даже герменевтика, сохраняющая популярность благодаря основательности концепта «текст», имеет некий потолок в приемах и методах, в то время как изучение и поиск инструментов описания сознания не может быть исчерпан. И в этом смысле феноменология сохраняет свежесть и новизну, подтачивая ницшеанский нигилизм.

Гуссерлианство нашло новые области описания — региональная онтология, эстетика, этика, антропология, мировоззрение, трансцендирование, социальное время. Продолжая картезианство и кантианство и реагируя на вызовы эмпириокритицизма, феноменология расширила концепции «опыт», «истина», «искусство», «диалог», «биография», «жизненный мир», «техника», «гуманизм», «Другой». Гуссерлианство установило мост между социальными структурами, поэтикой и когнитивизмом. Рациональное единство, связывающее Декарта, Канта, Ингардена, Шюца, основано на совмещении фундаментальности, интерпретативности, критичности, аналитичности. Если конкретные науки в отношении естественного мышления не заботят основания познания, знания «как это возможно», то феноменология может сделать объектом познания существование посредством «значения», которое будет построено как существование в сознании. И в этом смысле феноменология преодолевает естественнонаучный детерминизм, рассматривая мир с поворотной точки зрения сознания. Рациональность, природа, восприятие, помещенные в феноменологический контекст, неизбежно становятся внутренними. Гуссерлианство представляет возможный взгляд на свободу с точки зрения существования сознания.

Феноменология и рациональность. В каком-то смысле все вопросы философии науки можно в основном отнести к вопросу научной рациональности. Феноменология показала, что вопрос научной рациональности — это не только вопрос логики и методологии, он тесно связан с другими областями философии, в частности с антропологией. Если научная философия — это теория научной рациональности, то феноменология — это гуманитарная теория сознания. Допущение сознания в сферу науки с учетом строгости дескриптивной методологии феноменологии представляет программу умеренного рационализма, что уравнивает радикальный рационализм с его логицизмом, историцизмом и технократизмом.

Гуссерлианство как третий путь — важная традиция научной философии, отличительной чертой которой является то, что она придерживается резкого критического отношения к технократизму, логицизму, историцизму

и ориентируется на анализ и критику оснований и сущности науки и поэтому пытается переосмыслить ее рациональность путем реконструкции метафизического основания научного знания. Гуссерль был уверен, что с помощью феноменологического знания будет решен фундаментальный вопрос о возможности всякого исследуемого знания и науки. Дебаты вокруг рациональности науки в современной западной философии сформировали важные модели, которые, по сути, остаются на аналитическом треке, но имеют разные исходники.

По сравнению с другими традициями научной философии феноменологическая школа имеет совершенно иной стиль и кажется весьма «альтернативной» и уникальной. Впервые она была предложена философами континентальной Европы и в целом должна принадлежать континентальной европейской философии. При этом феноменологическая школа явно отличается от британской и американской аналитической философии науки.

Феноменологическая школа отказалась от узкой концепции аналитической философии, ограничивавшей «науку» естествознанием. Она включила философию и всю духовную деятельность в категорию науки, поэтому имеет явную антинатуралистскую, антисциентистскую позицию. Как известно, аналитическая философия, особенно логический эмпиризм, решительно отрицает и отвергает метафизику, ценности, деонтологию. Фанатичная антиметафизическая позиция не делает сциентизм сильным. Такие феноменологи, как Гуссерль, Хайдеггер, Гадамер, Ингарден, Шюц вынуждены защищать научность философии и духовность науки. Решающее значение для правильного понимания феноменологии имеет то, что она не ограничивает концепцию познания естественных наук, предлагая целостный взгляд на мир и человека. Феноменология относит различия между естествознанием и философией к различным установкам познания, где возникают разные самоочевидности и самоданности. Естественнаучная установка не является при этом высшей и окончательной, феноменология же представляет знание о существующих вещах в смысловом человеческом мире.

Для Гуссерля сфера духа или человеческого поведения является «внутренней». Гуманитарные науки можно также назвать «субъективными», «эндогенными» науками. Конечно, это не означает, что в гуманитарных науках нет объективных факторов, ведь дух должен сначала выразить себя и культурные и духовные достижения, и все эти проявления духа они могут быть названы «объективированным духом». Вдобавок Гуссерль как классический европейский философ унаследовал все немецкие идеалы *Wissenschaft*.

Чтобы понять объекты исторической феноменологии, как формировался их понятийный аппарат, концептуальные фреймы, необходимо проследить путь формирования философии идеализма от Платона до Вальденфельса, его характеристики, связь первоначального смысла и входящих эмерджентных идей в происхождении социокультурной феноменологии, связь социальных практик и рациональности, роль инструментального освоения мира в становлении социокультурной оптики.

Историческая феноменология и философская христология. Считается, что возвращение идеалистического проективного мышления и реконструкция смыслов составляют суть исторического гуссерлианства. На основе феноменологического исследования вырисовываются два основных тренда: историческая феноменология как история становления идей и историческая феноменология в широком смысле как генерация идеалистического логоцентризма.

Гуссерль придал феноменологии институциональный характер, с него она и ведет свое историческое начало в философии, собирая множество имплицитных ранних концептов вроде эйдос, интенция, эпохэ. «Историческая феноменология» здесь относится к мыслям и теориям Гуссерля, возникшим из его размышлений об исторических проблемах в последние годы его жизни, а также будущем гуманитарных наук, наук о сознании. Это породило основные положения исторической феноменологии в «широком смысле». Поздняя феноменология дала начало социокультурным и историческим феноменологическим исследованиям. Размышления о рациональности, историческая ретроспекция и смысловая интроспекция составляют корень гуссерлианства и постгуссерлианства.

Исторически духовность ведет свой путь в философии как ориентация на существование из инобытия и проявляет себя в метафизике, этике, религиозной феноменологии, герменевтике религиозных текстов. Взаимодействие между этими полями открывает широкую область, «конфедерацию», которая всегда обновляется в зазоре между трансцендентностью и имманентностью и обеспечивает этическое применение как целостная, межличностная, динамичная духовность, как образ жизни и поиск смыслов.

Духовность возникает из предварительного неререфлективного опыта, возможно, за пределами «рационального». Философская духовность отличается обезличенностью и абстрактностью. Она не требует этической реализации и совпадает в моральном смысле, в лучшем случае, с элитарным морализмом. Отдельные гибридные проекты духовности по краям религии и мистики могут носить характер «мистики с открытыми глазами», «философской христологии», «квантового панэнтеизма», «голографической космологии», «богословия имманентности», «метафизики присутствия» [Wolf, 2014]. Для всех этих пограничных парадигм духовности феноменология выступает языком интерпретации состояний.

Спрос на неопределенную религиозность без Бога вырос в связи с рационализацией человека. Вместе с тем интерес к духовности не угасает, поэтому появляются проекты на стыке мистики, теологии и философии.

Отношение к Другому и к удаленному Третьему (по аналогии с *tertium comparationis*) не ограничивается совместным установлением интерсубъективных ценностных истин. Совместность бытия позволяет говорить о коллективной генерации духовности, которая не может быть редуцирована до субъективного события. Поскольку онтология воображаемого не равна онтологии интерсубъективного, коллективная духовность — это всегда со-творчество, подкрепляемое междометиями, классом звукоподражаний, которое как нельзя лучше подчеркивает совместность духовного бытия. Диалог как пространство духовности определяет генерацию совместных смыслов как ситуацию невозможности оставаться зрителем. Принуждение быть в коммуникации создает разнообразные состояния духовности от недифференцированных мифолого-мистических нарративов до комплексных продуктов в виде герменевтической религиозной феноменологии, диалогической философии, практической духовности в виде волонтерства и экологических проектов.

Духовность выполняет функции Третьего в философии диалога, она как остаток коммуникации и поле для дальнейших итераций и интеракций. Ставя себя на место Другого, я воспроизвожу диалогичность духовности. Диады «я — мы», «он — они», «я — ты» и т. п., которые мыслимы, на самом деле на основе

Третьего и составляют триаду, так как включают результаты диалога как социальную онтологию присутствия. Отношения с Другим включают отношения с Третьим, который нетематически присутствует в их диалоге. Третьим может выступать не только дискурс, Традиция. С точки зрения религии, Третий носит абсолютный характер и есть вечный наблюдающий (Бог). Третичность духовности как определяющего принципа отношений имеет большую градацию — от измененных состояний любви и экстаза до эсхатологического фона и мессианского обетования.

Философская христология начинается с признанного следа Христа, узнаваемого, но, по крайней мере, неявно воспринимаемого через его пригласительный характер. Отношения с Богом представлены в Евангелии как отношения с Другим, несущим в себе Бога. Слышать в соседе Бога — практический христианский мистицизм, в центре которого находится идея заместительного страдания за проступки человеческой истории через нисхождение Всевышнего в самое человеческое, наименьшее, в котором он прослеживается, присутствует, конкретизируясь в ответственности всех за всех [Levinas, 2012].

Это непрерывное возникновение и освоение бытия требует телеологической интерпретации. *Creatio continua* — это непрерывная событийность или нахождение бытия в процессе становления. Для людей это становление проявляется в среде жизни: оно не только оценивается, постигается через действие, ощущается, но и проживается в целом.

Таким образом, духовность отличается от догматического богословия и выступает частью повседневности. Значительный вклад в рационализацию мистики, религии, морали, а также в феноменологическое понимание внес Иммануил Кант.

«Кантианская» феноменология. Когда мы говорим о феноменологическом подходе к знанию, обязательно включаем одного из первых в список Иммануила Канта, помимо Платона, Аристотеля, Бэкона, Юма, Гегеля, Фихте, Кассирера, Гадамера, Мерло-Понти и Гуссерля.

Иммануил Кант — крупный мыслитель, который открыл много направлений в философии, до сих пор не потерявших актуальность. Он же подхватил феноменологические идеи Декарта и редукцию Юма. Продолжая тематику Просвещения и Нового времени, Кант, главным образом, повлиял на гносеологию, этику, эстетику и социальную философию. Он примирил рационализм и метафизику, естествознание и этику, сохранив за философией роль генератора новых значений и идей.

Кант стал одним из первых философов, который последовательно нагружал феноменологическую зону разными смыслами и создавал пролегомены к этому концепту. То, что мы называем феноменологией сегодня, находилось в процессе сборки во времена Канта. Три программы феноменологии (кантовская, гегелевская и гуссерлевская) имеют свои особенности, но все укоренены в «археологии достоверности» [Разеев, 1997].

Феноменологическое прочтение философии Канта связано с общим конструктивистским трендом Нового времени. Так, феноменологическая интерпретация его этики начинается с Другого и рефлексивно-интенционального принципа отношения к нему. «Долг», если понимать его феноменологически как естественную установку, звучит оригинально и вдохновляющее. Переживание долга как трансцендентного смысла морального контрастирует с миром фактов

и наличных вещей. Вместе с тем, говоря о феноменологической экспликации морали Канта, можно отметить, что подобное эйдетическое прочтение требует особого нозматического воображения. Феноменология позволяет заглянуть в трансцендентные смыслы морального и превзойти действия, погруженные в мир фактов и наличностей [Финдлер, 2002].

Можно ли сказать, что от Канта до Гуссерля остается один шаг? Маловероятно. И дело не только в работах Гегеля, Фихте, Brentano, подготовивших дальнейшую почву выхода феноменологии на новый уровень. Мало заметным остаются частные исследования, где кантианско-феноменологическая мысль работает на сложном уровне осмысления идеального. Так, Рудольф Отто (1869—1937) толковал религию как состояние священного живого существа, предстающего перед Великим [Тимощук, 2018]. У нас не может быть позитивно-эмпирического познания Бога с точки зрения науки, но мы можем зафиксировать субъективные чувства возвышенного, духовного, благоговейного. Якоб Фриз (1773—1843) применил критическую философию Канта к познанию феномена религии и открыл экономный способ синтетического познания априори священного через фиксации *sensus numinis*, которое не может быть фальсифицировано, в отличие от рациональных теологических конструкций [Пылаев, 2011: 59—74].

Отто продолжил кантианско-фризовскую модель описания «Ganz Andere» как возвышенного, несоизмеримого, непостижимого, мистического, трансцендентного. Нуминозный опыт превосходит классические отношения субъекта и объекта, разрушая границы между духовным и материальным, индивидуальным и всеобщим, видимым и невидимым, индивидуальным и коллективным [Лаврухин, 2017].

Другие феноменологические проблемы философии Канта касаются проблемы соотношения репрезентизма и дескриптивности, единства сознания и дискретности ощущений; ума как формы времени, собирающей впечатления в их многообразии; сознание времени как устойчивого единства; особенность генеалогии логики [Kinkaid, 2019; Morrison, 1978]; особенности обоснования морали у Гуссерля [Reucker, 2007]; эволюция феноменологии от Платона к Канту и Гуссерлю и преодоление эпистемологических проблем в феноменологии [Rockmore, 2011]; кантианское толкование Гуссерля [Орлова 2001, Орлова 2005]; «феноменологической редукции» философии Канта [Счастливцев, 2014]; параллелизм этики и логики [Лаврухин, 2017]³.

«Критики» Канта пронизаны фундаментальными феноменологическими категориями — схема синтеза воображения, автономия воли, самозаконодательство, поиск архе, основоположения, Альтер эго (Другой). Оппозиция «*ding für sich*» и «*ding an sich*» повторяет трек феноменально-ноуменального.

³ В целом же интерес Гуссерля ко всякому становлению (*Werden*) — характеристика его поздних работ, в которых он начинает рассматривать мир более реалистично, не с позиции трансцендентального наблюдателя, а как аналитик intersubjectивного Другого. Индивидуальный модус сомнения вроде «мне кажется», «я полагаю», «по моему мнению» погружен в обыденность и повседневность, далек от какой-либо систематизации и обобщения. Такие алетические акты предикации практически никогда и нигде не могут стать наукой, кроме как феноменологии, достоящей из эксплицитного уровня пропозиции имплицитный слой феноменологических операторов — естественная установка, интенциональность, жизненный мир.

Трансцендентализм Канта неизбежно касается вопросов эпистемического фундамента знаний. Если Юм и Кант в XVIII доводят до рационального предела агностицизм в отношении манифестаций мира вещей, то Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер и Лукман создают в XX веке дескриптивное наполнение для аскетичного мира *éлоху́*.

Метод дескрипции Гуссерля вместе с тем отличается от философских методов Канта. Кант сохраняет определенный натурализм, пытаясь совместить позиции эмпиризма и рационализма. Чтобы примирить сознание и опыт, Кант был вынужден прийти к странному выводу о существовании двух видов реальности и существовании неизвестной стороны объектов. Гуссерль полностью преодолевает этот натурализм. Сознание и опыт больше не являются своего рода естественным объектом, а законы сознания и опыта больше не являются законом индукции. Сознание и опыт имеют свое собственное интенциональное измерение. Гуссерль принял идеал, который Кант хотел понять, но не смог достичь его полностью, — тщательное исследование субъективности. Вектор философии Гуссерля только приближает нас к Канту. Мы можем даже сказать, что Гуссерль — это новый кантианец, который больше, чем другие, возвращается к Канту.

Вместо заключения. Культур-атропологическое значение феноменологии заключается в сближении расходящихся миров — науки и религии, глобального и локального, природного и семантического. Открытие динамических идеальных структур составляет предмет исследования не только Гуссерля, но и Платона, Августина, Декарта, Канта, которые производили рефлексию над априорными предметностями [Разеев, 1997]. Редукция своей обусловленности является базовым философским действием ради усмотрения дифференциации между сущностью и существованием, наличным и процессуальным. Созерцание бытия как коррелята сознания происходит в момент избавления от принудительной необходимости естественной жизни с ее демонстративной причинностью.

В области ноэзо-ноэматического описания высказано много идей, ряд из которых интуитивно ясны, другие же относятся к метафизическим постулатам. Например, сама репрезентация ноэзиса и ноэмы как мышления и содержания его актов, процесса и его компонентов не является чем-то необычным. Действительно, данные категории вполне вписываются в онтологию процесса, системно-структурную методологию, «агент-среда» ориентированное моделирование [Счастливец, 2014].

Гуссерль исходил из феноменологической точки зрения трансцендентности. Глубоко размышляя о рациональном духе Европы, он возлагал надежду на то, что его феноменология и философия спасут кризис европейской науки. Это составляет академическую основу и предпосылку исторической феноменологии Гуссерля. Основные вопросы социокультурной феноменологии — это интенциональность, рациональность и смысл, которые должны быть интегрированы и включены в историю.

Основные проблемы феноменологического мышления исходят из вопроса внутреннего смысла, оснований рациональности и перспектив феноменологической интенциональности. Позитивистский историзм не позволяет глубоко размышлять над историческими проблемами, равно как и метафизика истории, историцизм, логицизм, юридизм. Феноменологический смысл заставляет рассматривать историю как разверстку горизонтов и конкретизацию жизненных планов. Через стратегии редукции, эмпатии, слушания биографической ситуации,

изучение нарративных слоев, анализ дискурсов, фокус на интерсубъективности интеракций феноменология создает свой проект социокультурной истории, где движителями выступают кайрос, энтелехия, отнопоэзис, пролиферация, конституирование, индивидуация, фабулизация, аппрезентация, визуализация, креативность, социологическое воображение. Феноменологический контекст рефлексии позволяет переосмыслить вопрос историчности вообще, усматривая последовательность событий как разверстку смысловых горизонтов. Феноменология не столько заставляет задумываться над содержанием общего исторического смысла, сколько задает параметры индивидуальных жизненных миров и интересуется их сопряжением, умножением, созиданием обобщенных смысловых доменов. Исследование истории вообще невозможно в феноменологии, ибо она конкретизирует свой интерес, направляя на системы релевантностей, биографические ситуации и другие детерминанты интенциональной рефлексивности. История вообще невозможна, так же как невозможен дискурс вообще. История, текст, цивилизация всегда конкретны и персонифицированы. Общие понятия являются абстрагированными формами конкретного. Поиски первоначального смысла и универсалий ценны тем, что есть конкретные мыслители, которые в определенной ситуации задают такие горизонты, создавая определенные смысловые локации для других идущих.

Библиографический список / References

- Лаврухин А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. С. 61—76.
(Lavrukhin A. V. Practical philosophy of Kant and Husserl, *Kant Collection*. 2017, pp. 61—76. — In Russ.)
- Орлова Ю. О. Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2001. С. 226—251.
(Orlova Yu. O. The concepts of apperception and reflexion in Kant and the concept of reflexion in Husserl, *Between metaphysics and experience*, St. Petersburg, 2001, pp. 226—251. — In Russ.)
- Орлова Ю. О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 193—204.
(Orlova Yu. O. Kantian strategies of interpreting Husserl's phenomenology (on the example of modern research in Germany), *Kant's relevance*, St. Petersburg, 2005, pp. 193—204. — In Russ.)
- Пылаев М. А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 6 (38). С. 59—74.
(Pylaev M. A. Philosophy of Religion in Rudolf Otto's Phenomenology, *Vestnik of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2011, no. 6 (38), pp. 59—74. — In Russ.)
- Разеев Д. Н. Учение о феноменальности (феноменология) Канта // Метафизические исследования: Понимание. 1997. Вып. 1. С. 38—74.
(Razeev D. N. The doctrine of phenomenality (phenomenology) of Kant, *Metaphysical studies: understanding*, 1997, iss, 1, pp. 38—74. — In Russ.)

Счастливец Р. А. Вперед, к Канту! Феноменология чистого разума // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 26—33.

(Schastlivtsev R. A. Forward, to Kant! Phenomenology of pure reason, *Teachers XXI century*, 2014, no. 2, pp. 26—33. — In Russ.)

Тимошук Е. А. Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 4—12.

(Timoshchuk E. A. Rudolf Otto's heritage in the phenomenology of culture, *Observatory of culture*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 4—12. — In Russ.)

Финдлер Р. Феноменологическая этика Канта // Топос. 2002. № 1 (6). С. 29—50.

(Findler R. Kant's phenomenological ethics, *Topos*, 2002, no. 1 (6), pp. 29—50. — In Russ.)

Kinkaid J. Phenomenology, idealism, and the legacy of Kant, *British Journal for the History of Philosophy*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 593—614.

Morrison R. Kant, Husserl and Heidegger on Time and the Unity of “Consciousness”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1978, vol. 39, no. 2, pp. 182—198.

Peucker H. Husserl's Critique of Kant's Ethics, *Journal of the History of Philosophy*, 2007, no. 2 (45), pp. 309—319.

Rockmore T. *Kant and Phenomenology*, Chicago: University of Chicago Press, 2011. 257 p.

Wolf K. Das In-Sein, die Anderen und der Dritte im Bunde Phänomenologie und Spiritualität, *Münchener Theologische Zeitschrift*, 2014, pp. 212—228.

Levinas E. *Die Spur des Anderen. Untersuchungen zur Phänomenologie und Sozialphilosophie*, Karl Alber Verlag, 2012, 360 s.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Тимошук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Россия, ys@abhinanda.elcom.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Vladimir, Russian Federation, ys@abhinanda.elcom.ru

Тимошук Елена Андреевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, e@timos.elcom.ru

Timoshchuk Elena Andreevna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Philosophy and Religious Studies Department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e@timos.elcom.ru

NOUS

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Научная статья
УДК 130.12:81'366
DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.89-98

Н. И. Петев

ПРЕФИКСЫ «ПОСТ-», «ТРАНС-» И «АНТИ-» КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ СОВРЕМЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» как языковых единиц, которые формируют мышление индивида. Основная проблема заключается в следующем: действительно ли использование исследуемых префиксов способно не только раскрывать и пояснять содержание, но и создавать совершенно новые смыслы. Новизна данной работы заключается в комплексном и методическом анализе исследуемых префиксов, а также в выявлении их основных качеств и специфики применения. Основной задачей является раскрытие функционала, телеологии и этиологии применения исследованию префиксов «пост-», «транс-» и «анти-». В работе использован комплекс методов: анализ, синтез, сравнительный, диалектический. Метод деконструкции и моделирования позволяет более глубоко проанализировать синтез префиксов и отрицаемого/преодолеваемого. Кроме того, в работе также были применены психологический и этический подходы. В результате анализа выявлено, что отрицаемое изолируется, а префиксы вступают в синтез лишь с суррогатом («моделью») первого. Выведены и проанализированы три основных вектора отрицания/преодоления. Зафиксирована разность манипулирования временем исследуемых префиксов. Выявлено функциональное назначение применения синонимов и тавтологического метода, а также проанализированы основные характеристики неологизмов.

Ключевые слова: префиксы, синтез, синонимы, тавтология, неологизмы

Ссылка для цитирования: Петев Н. И. Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» как когнитивно-языковые единицы, формирующие современное мышление // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 89—98.

Original article

N. I. Petev

PREFIXES «POST-», «TRANS-» AND «ANTI-» AS COGNITIVE-LINGUISTIC UNITS THAT SHAPE MODERN THINKING

Abstract. This work is devoted to the study of the prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” as linguistic units that form the attitude and thinking of an individual. The main problem lies in the following: is the use of the studied prefixes really capable of not only revealing and explaining the content, but also creating completely new meanings. The novelty of this work lies in a comprehensive and methodical analysis of the studied prefixes, as well as in identifying their main qualities and application specifics. The main task is to reveal the functionality, teleology and etiology of the application of the prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” to the study.

© Петев Н. И., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 89—98 •

The work uses a set of methods: analysis, synthesis, comparative, dialectical. The deconstruction and modeling method allows a deeper analysis of the synthesis of prefixes and negated/overcome. In addition, psychological and ethical approaches were also applied in the work. The author comes to the following conclusions. It is revealed that the negated is isolated, and prefixes enter into synthesis only with a surrogate (“model”) of the first. Three main vectors of negation/overcoming are derived and analyzed. The difference in time manipulation of the studied prefixes is considered. The functional purpose of using synonyms and the tautological method is revealed. The main characteristics of neologisms are identified and analyzed.

Keywords prefixes, synthesis, synonyms, tautology, neologisms

Citation Link: Petev N. I. (2024) The prefixes “post-”, “trans-” and “anti-” as cognitive-linguistic units that shape modern thinking, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 89—98.

Динамика развития современного общества благодаря интенсификации темпов роста научно-технического развития предполагает и «ускорение» языка, в частности процессов словообразования. Язык нуждается в ритме для своего упорядочивания и структурирования [Юнгер, 2005: 101]. Это касается не только «обычного» функционирования языка, но и процессов его развития и изменения. Под давлением иных сфер язык изменяется как в аспекте внутреннего строения, так и во внешних формах проявления.

Ж. Бодрийяр указывал, что в современном обществе вещей становится все больше и не хватает слов для их именованя [Бодрийяр, 2020: 10, 146—147]. В цивилизации, в которой все больше безымянных вещей (или же именуемых при помощи неологизмов и парафраз), люди менее устойчивы против мифологии [там же: 147]. Мифо-идеологический дискурс реализуется не только в парадигме собственно сфер своего происхождения, но и, используя язык как канал реализации, оказывает интенсивное влияние на индивида и общество. И. Кант выступал против бесконтрольного производства неологизмов. Дело в том, что изобретать новые слова — значит претендовать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом [Кант, 2014: 287]. Иными словами, в данном случае ставится под сомнение релевантность отношений формы и содержания, означающего и означаемого и т. д.

Но вместе с тем стоит подчеркнуть параллельную тенденцию. Современный индивид не просто «бежит» за вещами в рамках процесса именованя. Он не просто «отстающий», пытающийся «нагнать» производимые явления. Он сам становится неким «творцом» через процесс создания реальности, используя все новые и новые слова.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» являются «магическими» инструментами образования новых слов и понятий. Они выполняют двойственную роль.

Во-первых, скрывают некий кризис и критику того, чему они противопоставлены. Они схожи с бартовскими прилагательными: они придают силу существительным, которые подвержены износу [Барт, 2014: 212]. Отрицаемое рассматривается как нечто сформировавшееся и законченное. Оно уже израсходовало свою силу¹, а потому процесс развития сменяется реверсив-

¹ Это отрицаемое буквально представляет собой нечто мертвое. Оно не только не способно к дальнейшему развитию, но и уже находится в процессе разложения.

ным — деградацией. Некая «выработка» самих себя понятиями вызывает острую необходимость преодоления разрушающегося отрицаемого. Префиксы на первый взгляд выполняют радикально противоположную роль прилагательному — скомпрометировать то, что представлено существительным. Эта девальвация, хоть и представлена как нечто естественное², тем не менее является искусственной и намеренной. Можно указать на «ускорение»³ некоего разложения с целью экономии времени, которое пришлось бы затратить без использования катализатора. Однако эта внешняя сторона является лишь алиби действительной телеологии и этиологии.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» не вступает в реальное отношение с тем, к чему происходит присоединение. Присоединяющее (то, к чему присоединяют, чаще всего существительное) представляет собой искусственный конструкт. Отрицаемое — это то, как «пост-», «транс-» и «анти-» интерпретируют и позиционируют то, что они отрицают. Данные префиксы имеют дело лишь с суррогатом, который позиционируется как действительный феномен. Фокус внимания смещается на эту «модель», тем самым отчуждая и изолируя то, что сам неологизм должен отрицать: отрицается не миф, а лишь его интерпретация; преодолевается не гуманизм, а его «модель» и т. д.

Во-вторых, данным префиксам приписывается характер квинтэссенции. Выступая в качестве субстанции, они — производящие смысл и содержание. Само отрицаемое перестает играть роль субстанции, т. е. эту задачу берут на себя вышеуказанные префиксы. Создается иллюзия создания нового смысла, которое обеспечено автономией объединения отрицаемого и отрицающего в слове. Зависимость от изначального отрицаемого остается несмотря на то, что оно отчуждается. Оно присутствует в виде копии или даже пародии или карикатуры.

Сочетание префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого приводит к видимости диалектического синтеза, т. е. что их отношение производит нечто новое (третье). Но вместе с тем отсутствует внутреннее отношение отрицающего и отрицаемого. Взаимоотношение здесь чисто внешнее, условное и формальное. Диалектическое отношение отсутствует. Также отсутствует и разрешение противоречия в нечто третье⁴. Синтез должен дать что-то положительное⁵, но подобный результат не производится. Противоречие остается, как

² Сведение к некоей естественности представляет собой алиби, в частности, чтобы драпировать действительный смысл, содержание цель и т. д.

³ Скорость является фетишем современности. Еще Э. Фромм указывал на ее обожествление в парадигме развития некрофилической тенденции [Фромм, 2016: 447—448]. Итальянский футурист Ф. Т. Маринетти писал, что время и пространство умерли вчера, а человек живет в абсолютном, так как человечество уже создало вечную и вездесущую быстроту [Манифесты..., 1914: 7].

⁴ Взаимоотношение антиценности и ценности не могут произвести что-то новое (третье). Попытка синтеза приводит либо к тому, что антиценности лишаются своей автономии (являются ценностями, например отрицательными), либо имеют собственную область, отличную от аксиологической (являются явлениями иного, не-ценностного характера). Попытка объединить ценности и антиценности в рамках одной области приводит к массе противоречий.

⁵ Гегель указывал, что диалектика приводит к положительному результату, так как она имеет определенное содержание [Гегель, 2022: 167].

и постоянная отсылка этих элементов друг к другу. Разрешением данного заикливания является утверждение суррогата отрицаемого⁶. Необходимость позитивного результата синтеза находит свою реализацию в рамках внутреннего противопоставления, т. е. в парадигме отношения префиксов и «модели» отрицаемого, которая была искусственно создана отрицающим в рамках собственной риторики. Подобное схоже с абсолютным и сплошным синтезом в-себе-бытия. Реальное взаимодействие происходит с элементом своей иерархии, который лишь позиционируется как нечто другое, т. е. оно не выходит за рамки отношения с самим собой.

Префиксы «пост-», «транс-» и «анти-» хоть и предполагают некое универсальное и категоричное преодоление, однако смысловая нагрузка данного процесса имеет дифференциацию в зависимости от префикса. «Анти-» указывает на регрессивное движение, т. е. транспозицию в момент, где отрицаемое «еще» (и одновременно «уже») не существует. «Пост-»⁷ — это прогрессивное движение отрицания. Отрицаемому нет места в «потом», «далее», «затем». Но эта будущность уже наличествует, т. е. реализована в настоящем. «Транс-» — предполагает движение, еще только совершаемое. Таким образом, можно говорить о трех разных по вектору реализации преодолений: регрессивное («анти-»), прогрессивное («пост-») и в движении или осуществляемое («транс-»). Вместе с тем само содержание того, что отрицается/преодолевается, не имеет смыслового значения, так как внимание смещается на отрицающее. Кроме того, если «анти-» представляет собой движение «от», а «транс-» предполагает движение «к», то «пост-», благодаря поглощению будущности, есть полная завершенность и стагнация.

Сами эти префиксы хоть и пусты, а их функциональная и содержательная основы отрицательны, в синтезе с отрицаемым должны производить нечто положительное. Этот синтез, будучи означаемым и предполагая смыслообразующий примат префикса, должен указывать на конкретное и положительное означаемое. Подобного не происходит. Сами «пост-», «транс-» и «анти-», позиционирующие себя как образующие содержание, подобны «трону без короля». На место второго члена синтеза можно установить любое понятие. Подобная смена не только легко осуществима, но и имеет достаточно эффективные результаты — интенсивное создание и интеграция неологизмов. Префиксы, будучи также неким каналом реализации означаемого, не связаны с ним категорично. Гибкость отношений подразумевает, что как префиксы способны вступать в связь с иными понятиями (образуя неологизмы), так и означаемое, становясь свободным, имеет иные пути своей актуализации (т. е. синонимы).

С движением связаны метаморфозы временения. «Анти-» предполагает погружение в прошлое, момент, когда отрицаемое еще не существует.

⁶ Анти-миф производит собственные мифологемы, распространяя мифотворчество на иные сферы (не только чисто религиозные), а антиценности обретают причастность к аксиологической сфере через определение себя как ценности.

⁷ Стоит отметить, что не стоит исключать, что «пост-» может быть рассмотрен как «де-». Например, можно предположить, что постгуманизм является не чем-то совершенно новым, а лишь некой формой дегуманизации прошлого (в частности, дегуманизация и отрицание человеческой реальности в искусстве, на которые указывал еще Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2009]).

Х. Ортега-и-Гассет указывал, что «анти-» указывает на позицию, когда отрицающий ставит себя хронологически ниже, чем отрицаемое [Ортега-и-Гассет, 2018: 98]. Основной его целью является владение настоящим, а отрицаемое в такой парадигме — нечто устаревшее. Но вместо того, чтобы обращаться к прогрессивной плоскости, оно обращается к некому «космогоническому времени», пока еще не появился данный рудимент. Таким образом, имеет место некое переустройство, которое предполагает новую реальность, в которой отсутствует отрицаемое⁸. Намного сложнее обстоит дело с префиксами «пост-» и «транс-». На первый взгляд, они обладают одинаковой схемой оперирования (манипулирования) временем, но есть и коренные различия. «Транс-», предполагая некое активное движение, распространяет свое влияние в настоящем. Оно сказывается именно о нем. Но будущее, к которому происходит некое движение, не обладает своей самостоятельностью. Оно не только уже определено этим «настоящим», но и уже практически наличествует сейчас. Устраняется некий зазор (или остается минимальный⁹) между настоящим и будущим¹⁰, в котором возможны акцидентные моменты. «Пост-» предполагает абсолютную контаминацию настоящего и будущего (настоящее уже в будущем). В данном случае стоит скорее говорить о реверсивном характере поглощения.

Для означаемого всегда образуется альтернативный канал актуализации, если используются неологизмы с использованием исследуемых префиксов. Такой альтернативой являются синонимы¹¹. Они выполняют несколько основных задач. Во-первых, это дополнительное пояснение того, что должен передать синтез префикса и отрицаемого/преодолеваемого. Во-вторых, они являются неким алиби несостоятельности вышеуказанного синтеза, т. е. стремятся скрыть отсутствие содержания. Оно берется во временное пользование у синонима. Этот синтез заимствует общеизвестность, а потому не требуется раскрытие его содержания. В-третьих, общеизвестность обеспечивает безопасность этого неологизма, так как нейтрализуется необходимость его хабиитуализации.

В рамках объяснения содержания синтеза префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого/преодолеваемого успешным является обращение к методике тавтологии. Р. Барт указывал, что преимущество тавтологического метода заключается в том, что ему ничего не нужно объяснять [Барт, 2014: 163]. В парадигме исследуемого явления тавтология имеет два уровня своего применения. Первый состоит в применении ее в положительной форме (например,

⁸ Отчасти подобная ретроспектива схожа с космогоническими мифами. Однако они ориентированы на все три времени (настоящее, прошлое и будущее) или на состояние вне времени.

⁹ Плотность смешения практически обеспечивает отсутствие пластов и переходов. Их явное выделение есть не что иное, как идеологический прием, в частности, объясняющий невозможность практической реализации.

¹⁰ Э. Тоффлер указывал, что шок будущего возникает в результате преждевременного прихода будущего, и он возникает в рамках наложения новой культуры на новую, т. е. это шок собственной культуры [Тоффлер, 2004: 23].

¹¹ И. Кант отмечал, что применение синонимов может привести к утрате самой мысли, которую в точности мог передать конкретный термин [Кант, 2014: 287]. Синонимы, как и неологизмы, выполняют в данном случае функцию экономии лингвистических единиц для пояснения, сводя последнее к пустой очевидности, вызывая некий принцип радикальной экономии мышления (отсутствие необходимости определения).

«пост-человек — новый человек»; «пост-гуманизм — модернизированный гуманизм» и т. д.), и в негативной форме (например, «антиценность — противоположность ценности»). Тавтология избавляет от необходимости иметь какие-либо идеи, делая этот принцип суровым моральным законом [Барт, 2014: 163—164]. Таким образом, исключается необходимость анализа и раскрытия неологизма. Отсылка к привычным понятиям в данном случае служит критерием понятливости. Образующаяся однородность не только создает условие состоятельности неологизма, но и является механизмом его интегрирования в сознание индивида.

Второй — обращение к синонимам. Отдавая свое содержание отрицающему синтезу, их совместное применение в рамках объяснения приводит к возникновению тавтологии. Мы получаем идентичные друг другу по содержанию понятия, которые при совместном использовании создают тавтологическое определение. Они постоянно отсылают лишь друг к другу¹². В данном случае также можно указать на вышеуказанную однородность, которая выполняет те же функции.

Неологизм должен обладать рядом характеристик, чтобы оставаться жизнеспособным и функциональным. Сюда можно отнести следующие черты: простота, общеизвестность, повторяемость, безопасность и потребляемость. Гегель указывал, что простота есть скудное, абстрактное и одностороннее определение, и такое абстрактное простое вместе с тем мертвое [Гегель, 2022: 69, 108]. В когнитивном аспекте простота не тождественна знанию или его раскрытию. Она не обладает динамикой развития, а потому всегда связана с такими тенденциями индивида, как стремление к комфорту и привычки. Р. Барт отмечал, что простота служит успешным алиби, пресекающим интеллектуальную экзегезу [Барт, 2014: 163]. Простое есть очевидное и необходимое. Оно знакомое, а потому всегда функционально, даже без представления и раскрытия его содержание. Простое — всегда есть «нечто», а потому этого достаточно, чтобы устанавливать для него как минимум состоятельность его абстрактного смыслового содержания. Простота таким образом обеспечивает неологизмам с использованием префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» лучшее интегрирование в мышление. Несмотря на отсутствие определения, они рассматриваются как знакомые и уже используемые ранее в парадигме как мышления, так и коммуникации. Простота связана с тавтологическим методом, поэтому их сочетание инициирует видимость обоснованности неологизма.

Общеизвестность — еще одна особенность неологизмов с использованием префиксов. Она представляет собой первичную форму натурализации, а обозначение чего-то как общеизвестного значит представлять его содержание как знакомое [там же: 211—212]. Содержание неологизма представляется как прозрачное, естественное¹³ и раскрытое. Поиск определения излишен, так как подобная операция представляется как бесполезная работа и преднамеренное усложнение. Дефиниция уже заложена в синтезе префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и от-

¹² В данном случае также наличествует сплошной синтез (в-себе). Врагом тавтологической системы является диалектика [Барт, 2014: 150]. Последняя не только принуждает выйти за пределы «себя», но и нарушает «однородность» (абсолютное равенство неологизма и синонима).

¹³ Эта естественность играет роль некой открытой «природы», которая настолько является наглядной и доступной, что отсутствует какая-либо необходимость в ее определении.

рицаемого/преодолеваемого, даже если отсутствует конкретная формулировка. Такое «выставление на показ» содержания, которое есть лишь маскировка его отсутствия, исключает необходимость анализа и проверки. Вышеуказанное схоже с «толками» М. Хайдеггера, так как они исключают настоящее понимание, и благодаря им отсутствует необходимость освоения сути [Хайдеггер, 2015: 169]. Наличествует усредненное понимание. Утрачивая свою связь с содержанием, становясь беспочвенным, «толки» обретают авторитарный характер. Более того, они есть суть замыкание [там же: 169]. Аналогичное замыкание можно обнаружить в парадигме использования и актуализации исследуемых неологизмов. Они не раскрывают содержание, но лишь отсылают к самим себе без определения и пояснения. Общеизвестность — это всегда определенное толкование¹⁴, которое не столько связано с содержанием, сколько есть лишь смутное и приблизительное понимание «о-чём». Оно и предполагает среднее понимание для всех, и потому все подразумевают «то же самое». Общеизвестность связана как с простотой, так и тавтологией, поэтому она инициирует релевантность неологизмов специфике современного мышления, а также обеспечивает успешную их интеграцию.

Следующая черта исследуемых неологизмов — повторяемость. Ф. Г. Юнгер отмечал, что язык и ритм основаны на повторении [Юнгер, 2005: 72, 102]. В неологизмах, которые представляют собой синтез префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» и отрицаемого/преодолеваемого, можно выделить три типа повторяемости. Во-первых, повтор (копия) изначального (отрицаемого) понятия в «модели», который присутствует в вышеуказанных неологизмах. Исследуемые префиксы вступают не в действительное отношение с тем, что они отрицают/преодолевают, но лишь с суррогатом (интерпретацией) последнего. Во-вторых, повтор смыслового содержания синонима, о котором было отмечено выше. В-третьих, повтор префиксов с целью симуляции наличия нового содержания. Ярким примером является такой неологизм, как постпостмодернизм. После смерти постмодернизма возник постпостмодернизм, который указал пустующее место в теории культуры и социальной философии [Метамодернизм..., 2020: 13]. В парадигме этого нововведения возникло большое количество течений и концепций (например, автомодернизм, диджимодернизм и т. д.), которые стремились объяснить современную реальность, в частности социально-культурную. Интересно указать на следующую особенность формирования неологизма «метамодернизм»: «префикс «мета» оставался единственной незанятой приставкой, которую можно было использовать в качестве альтернативы многочисленным альтернативам постмодернизма» [там же: 15]. Удвоение префикса «пост-» создает видимость наличия нового содержания. Но в действительности имеется следующее: происходит преодоление преодоления, которое само преодолевает нечто. Иными словами, имеет место все та же идея, что и в парадигме развития синтезом префикса «пост-» и преодолеваемого — на первое место выходит префикс как смыслообразующее. При добавлении второго префикса первый как бы теряет свою силу, смешивается с отрицаемым в некую монолитную «модель». Но такое «усложнение» не раскрывает содержание, оно

¹⁴ Еще Ф. Ницше указывал, что индивид видит не причины, а лишь причины толкования, и что у него возникает привычка к известному толкованию [Ницше, 2014: 48—49].

еще больше уводит в бесконечную отсылку между элементами «пост-», «пост-» и моделью (в данном случае — модернизм). Подобные конструкты обладают теми же качествами, спецификами и функциями, что и проанализированные выше неологизмы с использованием исследуемых префиксов. Даже «метамодернизм», учитывая вышесказанное, в своем формальном раскрытии и объяснении содержания отсылает к постмодернизму (как антагонизму) и к постпостмодернизму (как синониму, способному дать определение).

Еще одна черта исследуемых неологизмов — безопасность. Если нечто что-то значит, то оно уже становится не так опасно [Барт, 2014: 153]. Оно безопасно¹⁵, потому что простое и общеизвестное, и именно в такой форме оно становится комфортным. Безопасное, как и простое и общезначимое, всегда предпочтительно в рамках процесса использования и применения, ведь в таком случае отсутствует разрушительная акциденция. Все просчитано и выверено, а потому и нет места случаю, который может иметь деструктивный характер. Использование префиксов «пост-», «транс-» и «анти-» есть процесс обеспечения безопасности, в частности буквально исключая поиск определения, отправляющий лишь к абстрактному общеизвестному и простому.

Потребляемость также является одной из черт неологизмов, произведенных с использованием префиксов. Э. Фромм указывал на то, что индивид в современности потребляет все вокруг себя [Фромм, 2009: 99—100]. Язык и слова также включены в данный процесс. Неологизмы должны быть «легковесными», чтобы быть легкоусвояемыми, так как только в такой форме они будут приемлемы для современного индивида. Сферы с «тяжеловесными» знаками (такие как мораль, религия и т. д.) крайне сложны для употребления, а потому единственным выходом для них из сложившейся кризисной ситуации является секуляризация. Подобно тому как все сферы человеческой деятельности подчиняются массовости как принципу современного потребления, так и языку приходится подчиняться этим «нормам», которые устанавливают вектор «развития» всех сфер человеческой деятельности. И необходимо отметить несколько важных моментов. Во-первых, трансформация идей из сложных в более простые, в частности в форму чувства [Лебон, 2019: 193—194]. Рассуждение массы происходит в парадигме мнимой аналогии и последовательности [там же: 195—196]. Аналогичное происходит и с языком, в частности, в рамках «производства» неологизмов. Они должны быть ориентированы на создание образов, смутного понимания, абстрактного сознания, но не на строгость, логичность, сложность и т. д., что часто присуще сложным идеям. Даже если за неологизмом должно стоять что-то сложное, сам он должен отправлять к принципам простоты, общеизвестности, безопасности и потреблению. Во-вторых, современный массовый человек живет в рамках принципа всеобщего изобилия [Ортега-и-Гассет, 2018: 102—106]. В такой системе «должного многообразия» появление и актуализация неологизма с использованием исследуемых префиксов не просто неизбежно, но и является следствием и требованием массового мышления и культуры.

¹⁵ Ж. Бодрийяр отмечал, что безопасность есть форма социального контроля [Бодрийяр, 2015: 310], а также предпосылка самовоспроизводства системы [там же: 313]. Хотя безопасность и связана с неким аспектом омертвления, вместе с тем она также является некоторым механизмом регуляции. Аналогичное присутствует и в парадигме исследуемых неологизмов — они влияют не только на мышление индивида, но и на специфику его коммуникации.

В заключение стоит отметить, что появление вышеуказанных неологизмов также является следствием специфики современного производства — серийности. Каждый элемент серии указывает на другое звено в этой цепи¹⁶, а также на рост серии. Внешнее многообразие есть следствие скудной и ограниченной комбинаторики. В своей серийности эти неологизмы теряют первоначальные функции, актуализируя вторичные. Их назначение состоит не в раскрытии или понимании и даже не в каком-то возможном «удовольствии» (современное потребление на него не ориентировано), а лишь в выполнении иных функций: погоня за новизной, популяризация, соответствие критериям потребления и т. д. Но аналогично тому, как у серийной вещи есть срок годности [Бодрийяр, 2020: 183], так и неологизму отведен определенный срок жизни (в частности, в соответствии с движением моды¹⁷).

Библиографический список / References

- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
(Bart R. *Mythologies*, Moscow, 2014, 351 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392 с.
(Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*, Moscow, 2015, 392 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рипол классик, 2020. 256 с.
(Baudrillard J. *The system of things*, Moscow, 2020, 256 p. — In Russ.)
- Гегель Г. В. Ф. Логика. М.: АСТ, 2022. 448 с.
(Gegel' G. V. F. *Logika*, Moscow, 2022, 448 p. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.
(Kant I. *Criticism of pure reason*, Moscow, 2014, 736 p. — In Russ.)
- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2019. 320 с.
(Lebon G. *Psychology of peoples and masses*, Moscow, 2019, 320 p. — In Russ.)
- Манифесты итальянского футуризма: собрание манифестов / пер. В. Шершеневича. М.: Русское товарищество, 1914. 77 с.
(Manifestos of Italian futurism: a collection of manifestos, Moscow, 1914, 77 p. — In Russ.)
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера. М.: Рипол классик, 2020. 342 с.
(van den Acker R. (ed.) *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after postmodernism*, Moscow, 2020, 342 p. — In Russ.)
- Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
(Nitsche F. *The fall of idols: Favorites*, St. Petersburg, 2014, 224 p. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018. 256 с.
(Ortega y Gasset J. *The uprising of the masses*, Moscow, 2018, 256 p. — In Russ.)

¹⁶ Ярким примером является серийность, разворачивающаяся вокруг понятия «модернизм».

¹⁷ Ж. Бодрийяр отмечал, что вторичная серийность образует моду [Бодрийяр, 2020: 179]. Сама же она не обладает внутренней детерминированностью, а потому обладает свободой безграничных подстановок и перестановок [Бодрийяр, 2015: 169].

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 105—157.

(Ortega y Gasset J. Dehumanization of art, in: *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*, Moscow, 2009, pp. 105—157. — In Russ.)

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.

(Toffler E. *Future shock*, Moscow, 2004, 557 p. — In Russ.)

Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 97—104.

(Fromm E. Separation from oneself, in: *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*, Moscow, 2009, pp. 97—104. — In Russ.)

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 624 с.

(Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*, Moscow, 2016, 624 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.

(Heidegger M. *Being and time*, Moscow, 2015, 460 p. — In Russ.)

Юнгер Ф. Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. 304 с.

(Jünger F. G. *Language and thinking*, St. Petersburg, 2005, 304 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Петев Николай Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, cyanideemo@mail.ru

Petev Nikolay Ivanovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Philosophy and Religious Studies Department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, cyanideemo@mail.ru

Научная статья

УДК 111:81'276.6

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.99-105

С. Н. Баринов, М. О. Баринова

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА БИОЛОГИИ

Аннотация. Статья анализирует соотношение естественного языка и специализированного языка науки (биологии). Обращено внимание, что основой языка науки, в том числе и биологии, является естественный язык, дополненный специальными терминами. Выполняя задачу описания сознания в области биологии, он приобрел специализированные структурные и функциональные параметры, придающие ему значительный уровень уникальности. Исследования, осуществленные при использовании данного языка, обладают значительным уровнем верифицируемости. С его помощью в сферу научного знания был привнесен целый ряд фундаментальных концепций, таких как жизненная форма, эволюция, дискретность наследственной информации и т. д. Вместе с тем в силу своей сложности и специфичности язык биологии, как и некоторые другие специализированные языки науки, является труднодоступным для неподготовленного человека, то есть присутствует определенный языковой барьер. Показано, что, выполняя свои прикладные функции, он эволюционирует и становится все более специализированным. Зафиксирована проблема его интеграции с другими научными языками, что необходимо для повышения доступности методов и достижений биологии для носителей языка, имеющих иную профессиональную специализацию.

Ключевые слова: естественный язык, язык биологии, наука, языковой барьер, эволюция языка (языковая динамика)

Ссылка для цитирования: Баринов С. Н., Баринова М. О. Некоторые концептуальные аспекты языка биологии // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 99—105.

S. N. Barinov, M. O. Barinova

SOME CONCEPTUAL ASPECTS OF THE LANGUAGE OF BIOLOGY

Abstract. The article analyzes the relationship between natural language and the specialized language of science (biology). It is noted that the basis of the language of science, including biology, is natural language supplemented with special terms. Performing the task of describing consciousness in the field of biology, it acquired specialized structural and functional parameters that give it a significant level of uniqueness. Research carried out using this language has a significant level of verifiability. With its help, a number of fundamental concepts were brought into the sphere of scientific knowledge, such as life form, evolution, discreteness of hereditary information, etc. At the same time, due to its complexity and specificity, the language of biology, like some other specialized languages of science, is difficult to access for an unprepared person, that is, there is a certain language barrier. It is shown that, performing its applied functions, it evolves and becomes more and more specialized. The problem of its

© Баринов С. Н., Баринова М. О., 2024

integration with other scientific languages is recorded, which is necessary to increase the accessibility of the methods and achievements of biology for native speakers with a different professional specialization.

Keywords: natural language, language of biology, science, language barrier, evolution of language (language dynamics)

Citation Link: Barinov S. N., Barinova M. O., (2024) Some conceptual aspects of the language of biology, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 99—105.

Языки позволяют людям не только понимать друг друга, но и через мышление постигать мир. Именно ими оперирует наше рефлекслирующее сознание. Более выраженной возможностью для постижения наделены языки науки. Основной языком науки является естественный язык, дополненный специальными терминами, не является исключением и язык биологии. Выполняя задачу описания сознания и обладая определенной долей специализации, он не может не иметь специализированных структурных и функциональных параметров, придающих ему значительный уровень уникальности. Вместе с тем и он не совершенен. Так, например, усложнение терминологического аппарата языка все больше затрудняет интеграцию научного знания не только между гуманитарными и естественными науками, но даже между смежными. Дискретные символы языка оказываются часто недостаточными для описания измененных состояний сознания и др. «Перед наукой, и прежде всего перед естественными дисциплинами, встала задача разработки таких методов и средств, которые могли бы обеспечить эффективное взаимодействие и синтез методов различных наук» [Балахонов, Чурилов, 2016: 236].

В последнее время отмечается, что постоянно растущий объем научной информации в биологии приводит к глубокой дифференциации ее областей и, как следствие, к углублению специализации терминологического аппарата. Язык биологии, как и некоторые другие естественнонаучные языки, более полиморфичен (более емок). «В отличие от обыденного языка людей язык науки носит значительно более резко выраженный кодовый характер. Глубина кодирования, или, иначе, информационная емкость понятий, растет во времени по мере развития научных концепций» [Налимов, 1979: 131]. Данный процесс, несомненно, затрудняет интеграцию знания как в самой биологии, так и в смежных с ней дисциплинах.

Анализируя языки описания сознания, необходимо помнить, что у сознания выделяют несколько состояний: подсознание, сознание, сверхсознание. «На примере гипноза мы могли еще раз убедиться в реальном существовании сферы неосознаваемого психического, которое довольно произвольно именуют то предсознанием, то подсознанием, то бессознательным» [Симонов, 1987: 179]. Для каждого из состояний характерен свой «язык». «Если язык сознания — это понятия и обобщенные представления, материализуемые в словах, математических символах..., то “язык” подсознания — чувственно-конкретные образы в широком смысле термина “образ”». Так, при осуществлении автоматизированных (неосознаваемых) двигательных навыков мозг оперирует кинестетическими “образами” ранее осознававшихся движений. «К сфере сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества — порождение гипотез, догадок,

творческих озарений... За дискурсивным мышлением оставлены важнейшие функции формулировки проблемы и постановки ее перед познающим умом, а также вторичный отбор порождаемых сверхсознанием гипотез сперва путем их логической оценки, а затем в горниле экспериментальной, производственной и общественной практики» [там же: 181—183]. В данной работе также подчеркивается, что неосознаваемость деятельности сверхсознания (творческой интуиции) представляет защиту рождающихся гипотез («психических мутаций и рекомбинаций») от консерватизма сознания, от чрезмерного давления ранее накопленного опыта. Извлечение информации из подсознания или иных состояний сознания также часто представляет определенные трудности. Вот что пишет В. В. Налимов об измененных состояниях сознания применительно к медитации: «Дискретные символы языка оказываются недостаточными для выражения этого состояния сознания» [Налимов, 1979: 227].

Исследования, осуществленные при использовании языка науки, обладают значительным уровнем верифицируемости. В биологии для получения нового знания или увеличения детализации уже имеющегося разработана многоуровневая система исследования, в которой детально описываются все этапы прохождения исследования: предмет, объект исследования, материалы, место и время исследования, методы, квалификация исследователя, объем выборки, статистические методы анализа и т. д. Таким образом, достигается очень высокая вероятность воспроизведения результатов другими исследователями, что делает данное исследование верифицируемым, так как вследствие воспроизведения в его результатах уменьшается количество неточностей, ошибок, преодолевается субъективизм. Хотя избежать ошибок удастся не всегда: «К сожалению, в течение долгого времени существовала тенденция определять язык таким образом, что создавалась уверенность, будто это исключительная привилегия людей» [Мак-Фарленд, 1988: 440]. Биология изучает научения типа инсайта, репрезентации, а также коммуникации животных, некоторые из которых могут считаться языками. В общении животных можно обнаружить ряд особенностей, характерных для языкового общения человека. Например, сигналы, используемые в языке человека, весьма произвольны, так как по своим физическим особенностям они не похожи на те характеристики окружающего мира, которые они обозначают. «Это абстрактное качество обнаружено также и в коммуникативном поведении медоносных пчел (*Apis mellifera*)... Танец медоносной пчелы во многих отношениях является символическим» [там же: 444—445].

С помощью языка биологии в сферу научного знания было привнесены целый ряд фундаментальных положений, таких как жизненная форма, эволюция, клеточная теория, дискретность наследственной информации (генетический код) и т. д. Жизненные формы — совокупность морфологических признаков, отражающая характерные черты образа жизни и адаптацию вида к определенным условиям среды (например, дерево, кустарник, трава). Классификация жизненных форм — альтернативна систематике, базирующейся на принципах филогенетической близости и уровнях организации живого (например, биосфера). «Идея историчности развития, идея эволюции принадлежит к числу немногих фундаментальных идей не только естествознания, но и всех наук, в том числе и общественных. Но именно в биологии эволюционная идея, доказанная Чарльзом Дарвином, стала краеугольной, отсюда пошло распространение эволюционной идеи в другие дисциплины вплоть до языкознания» [Воронцов, 1999: 9].

Генетический код — совокупность правил, согласно которым в живых клетках последовательность кодонов (генов и мРНК) переводится в последовательность аминокислот (белков). «По-видимому, самым крупным достижением современной биологии является представление о возможности сведения генетики к формальному описанию явлений в терминах языка» [Налимов, 1979: 196].

Одним из перспективных направлений биологических исследований является психофизиология. «Открытие функциональной асимметрии головного мозга оказало поистине революционизирующее влияние на изучение естественнонаучных основ сознания» [Симонов, 1987: 171]. «Вербальный интеллект связывают с доминантностью левого полушария, а невербальный интеллект — с доминантностью правого полушария [Ильин, 2001: 276]. Активно изучаются измененные состояния сознания, особенно в медицине. В йоге различают четыре базовых модификации сознания. Вот как обосновывается с точки зрения психофизиологии одно из измененных состояний сознания: «Суть гипнотического изменения сознания сводится к относительному превалированию образного мышления в условиях ингибиции вербального мышления» [Ротенберг, 1985: 131]. Современная психофизиология располагает многочисленными объективными методами получения информации. С помощью электроэнцефалографии (метода записи биоэлектрической активности нейронов головного мозга) регистрируется спонтанная электрическая активность головного мозга, характеризующаяся ритмами определенной частоты и амплитуды, к основным из которых относят альфа-ритм, бета-ритм, тета-ритм и дельта-ритм. Таким образом, при использовании языка биологии удастся описать формы функциональные состояния и энергетику сознания. Естественнонаучная рефлексивность — направленность сознания на постижение своей биологической основы.

Язык биологии делает знание более детализированным, точным и верифицируемым. Так, психофизиология настолько точно описывает процессы функционирования человека, что доля недетализированного, не поставленного на жесткую материальную основу знания о человеке постепенно уменьшается: «Один за другим важнейшие аспекты человеческой личности, до самого последнего времени считавшиеся недостижимыми для естественных наук (например, память, эмоции и даже мораль), уверенно переносятся в сферу материального, раскрывают свою физиологическую, клеточную, биохимическую природу и эволюционные корни» [Марков, 2011: 2].

В языке биологии используется термины на латинском языке, который является универсальным для многих языков науки. Вследствие этого весь объем материалов исследований по данному вопросу на всех языках тех стран, что практикуют данный принцип, становится взаимосвязанным и представляет собой общее информационное пространство. Термин, название животного или части тела на латинском языке выступают своего рода гиперссылкой, если данный текст просматривает человек, не являющийся носителем языка, на котором составлен текст. Всего по нескольким словам на латыни он может понять, необходимо ли ему углубиться в этот текст более детально или нет. Биноминальные названия видов живых существ на латинском языке представляют собой сложную, многоуровневую систему, в которой прослеживается общность происхождения всех организмов и наглядно представлена степень родства между ними. Данная система находится в непрерывной разработке и уточнении с целью

создания эволюционной или филогенетической системы организмов (филогенетическое древо).

Универсальность языка биологии при использовании биномиальной научной классификации на латинском языке заключается в том, что термин (слово) унифицируется. Для демонстрации универсальности языка биологии при использовании биномиальной научной классификации, созданной с применением латинского языка, приведено сравнение написания слова «человек» на ряде языков (табл.). Согласно данным, обобщенным в таблице, это слово значительно отличается по написанию и произношению в большинстве представленных языков, однако идентично по написанию на латинском языке и языке эсперанто. Это вполне закономерно, так как при создании эсперанто за основу был взят алфавит латинского языка, также из него был заимствован целый ряд слов.

**Универсальность языка биологии
при использовании биномиальной научной классификации на латинском языке**

Язык	Слово «человек»	«Человек разумный» Латинский язык (биномиальная научная классификация)
Английский	<i>human</i> ['hju:mən]	<i>Homo sapiens</i> LINNAEUS, 1758
Армянский	Մարդ [mard]	
Болгарский	човек	
Греческий	ἄνθρωπος [ánthropos]	
Иврит	אָדָם [adam]	
Испанский	<i>persona</i> [per'sona]	
Китайский	人类 [rénlèi]	
Немецкий	<i>mensch</i> [menʃ]	
Персидский	انسان [ansan]	
Русский	человек	
Суахили	<i>binadamu</i>	
Французский	<i>personne</i> [pɛʁsɔn]	
Хинди	मानव [manav]	
Эсперанто	<i>homo</i>	

Биология классифицирует и описывает живые существа, поэтому их истинная сущность наиболее полно раскрыта именно на языке биологии, которая фактически оперирует истинными именами живых существ, как бы это мифологически ни выглядело. Детальное биологическое описание конкретного вида животного позволяет управлять им. В мифологическом мышлении именно такой функцией и обладали истинные имена. В качестве примера можно привести статьи из Красной книги, которые строятся по принципу не только компоновки сведений о конкретном виде, но на основе путей и способов возможного управления его будущим (например, стабилизировать или увеличивать его численность). Можно привести следующую интересную цитату Д. Д. Фрэзера: «Человек был с самого раннего периода своей истории вовлечен в поиск общих принципов, с помощью которых можно обратить себе на пользу порядок природных явлений. В процессе многовекового исследования он накопил великое

множество такого рода принципов, одни из которых являются эффективными, а другие — просто шлаком. Истинные принципы входят в состав прикладных наук, которые мы называем «искусствами»; магия же состоит из ложных принципов [Фрэзер, 2006: 58]. Однако не совсем с ней можно согласиться. Несомненно, что магия, до очищения принципов, содержала в себе и эффективные и неэффективные методы. Сейчас у нас есть наука, но кто даст гарантии, что из накопленных в донаучную эпоху принципов уже все разделены по эффективности. Во-первых, вероятно, что полного очищения еще не произошло, а, во-вторых, истинные принципы можно сделать еще более эффективными в результате дальнейшей очистки, и именно этим занимаются биология и науки, происходящие из нее, в частности психофизиология.

Вместе с тем в силу этой сложности и специфичности язык биологии, как и некоторые другие специализированные языки науки, является труднодоступным неподготовленному специальному образом человеку, то есть имеет место определенный языковой барьер. Выполняя свои прикладные задачи постижения мира, он становится все более детализированным и труднодоступным. В связи с этим существует проблематика интеграции с другими научными языками и повышения доступности его методов и достижений для имеющих иную профессиональную специализацию носителей языка.

На современной стадии развития науки между естественными науками происходит обмен не только методами и результатами научного поиска, но и специальными терминами, на границах со смежными науками возникают такие научные направления, как биофизика, биоинформатика, биохимия и т. д. «Оптимальным путем решения правильного и единообразного понимания сути явлений в науке и образовании является создание специальных профессиональных словарей» [Балахонов, Чурилов, 2016: 235]. Положительную роль может также сыграть популяризация науки. Однако эти меры являются недостаточными и не снимают всех проблем определенной разобщенности научного знания и оптимального применения различных языков описания сознания. Вероятно, логично было бы при дальнейшем развитии языков попробовать опираться на известный нам естественный эталон кодирования информации (генетический код). В любом случае биология будет играть ведущую роль в устойчивом развитии биосферы и эволюция языка биологии должна происходить, в том числе, и путем интеграции с языками других наук, а он сам должен оставаться доступным для понимания не только в среде профессиональных биологов.

Библиографический список / References

- Балахонов А. В., Чурилов Л. П. Язык биологии — одна из основ междисциплинарного естественнонаучного знания и образования // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2016. Т. 8, № 2. С. 235—242.
- (Balakhonov A. V., Churilov L. P. The language of biology is one of the foundations of interdisciplinary natural science knowledge and education, *Interdisciplinary scientific and applied journal "Biosphere"*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 235—242. — In Russ.)
- Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 640 с.
- (Vorontsov N. N. *Development of evolutionary ideas in biology*, Moscow, 1999, 640 p. — In Russ.)

Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2001. 464 с.

(Ilyin E. P. *Differential psychophysiology*, St. Petersburg, 2001, 464 p. — In Russ.)

Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция: пер. с англ. М.: Мир, 1988. 520 с.

(McFarland D. *Animal behavior: Psychobiology, ethology and evolution*, Moscow, 1988, 520 p. — In Russ.)

Марков А. Обезьяны, нейроны и душа: в 2 кн. Кн. 2. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 512 с.

(Markov A. *Monkeys, neurons and soul: in 2 books, Book 2*, Moscow, 2011, 512 p. — In Russ.)

Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 304 с.

(Nalimov V. V. *Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages*, Moscow, 1979, 304 p. — In Russ.)

Ротенберг В. С. Гипноз и образное мышление // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 2. С. 128—133.

(Rotenberg V. S. Hypnosis and imaginative thinking, *Psychological Journal*, 1985, vol. 6, no. 2, pp. 128—133. — In Russ.)

Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. 270 с.

(Simonov P. V. *Motivated brain*, Moscow, 1987, 270 p. — In Russ.)

Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: АСТ, 1998. 781 с.

Fraser D. D. *The golden bough: a study of magic and religion*, Moscow, 2006, 781 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Баринов Сергей Николаевич — кандидат биологических наук, консультант, Ивановское региональное отделение Общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество “Динамо”», г. Иваново, Россия, barinowsergei@mail.ru

Barinov Sergei Nikolaevich — Candidate of Sciences (Biology), consultant, Ivanovo regional branch «All-Russian physical culture and sports society “Dynamo”» association, Ivanovo, Russian Federation, barinowsergei@mail.ru

Баринова Марина Олеговна — кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры биологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nayka@list.ru

Barinova Marina Olegovna — Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Department of Biology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nayka@list.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке:

Павел Филонов. Живая голова. 1923. Холст, масло. 85 × 78 см
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2024. Вып. 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 30.09.2024.
Уч.-изд. л. 8,0. Объем 6,0 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ONLINE EDITION

2024

3

TOPIC OF THE ISSUE

**LANGUAGES
OF CONSCIOUS DESCRIBING**